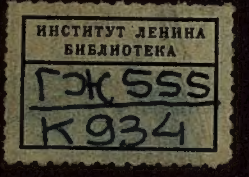
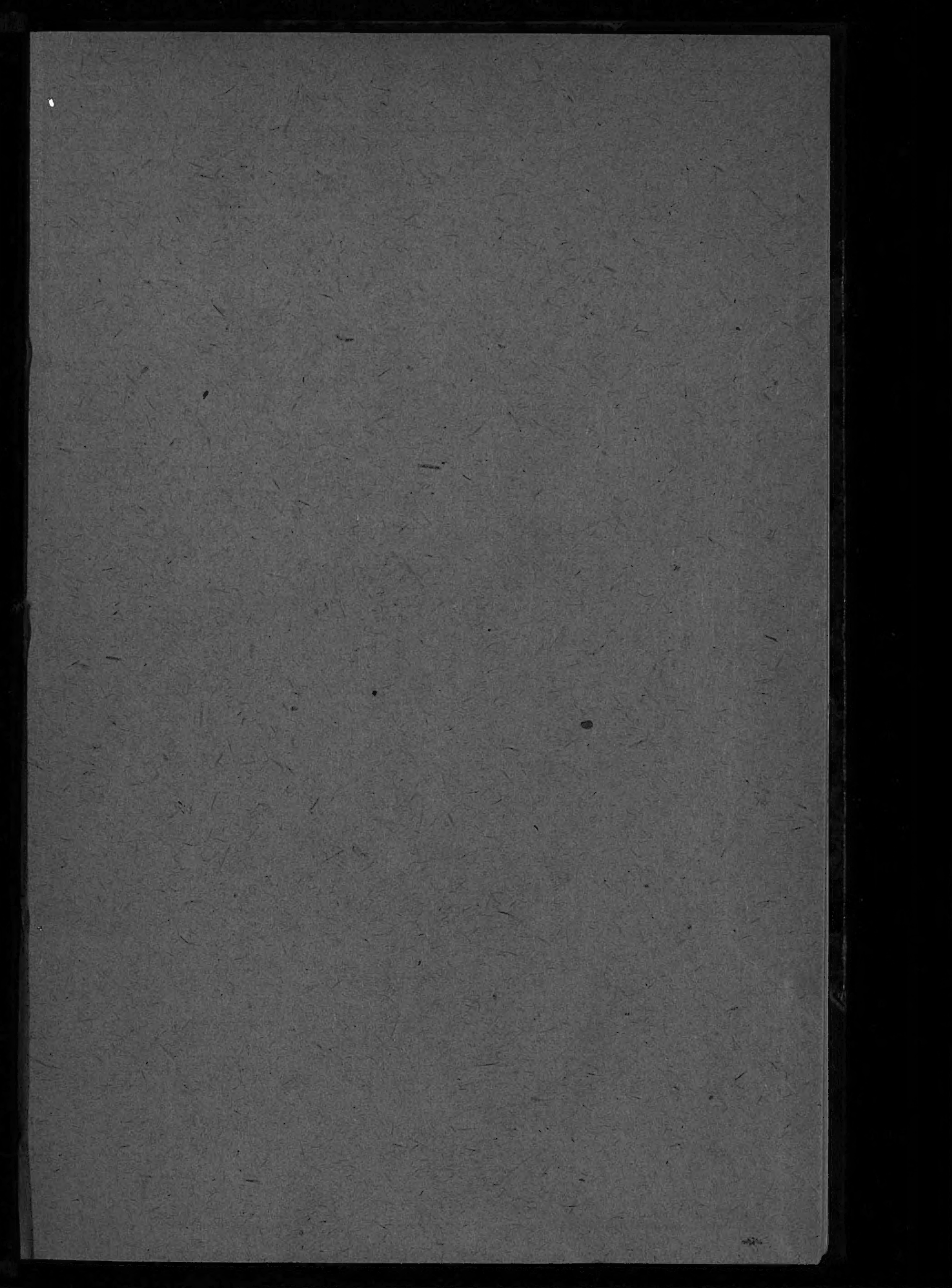
Кудряшов

ИДЕЙНЫЕ ГОРИЗОНТЫ мировой ВОЙНЫ

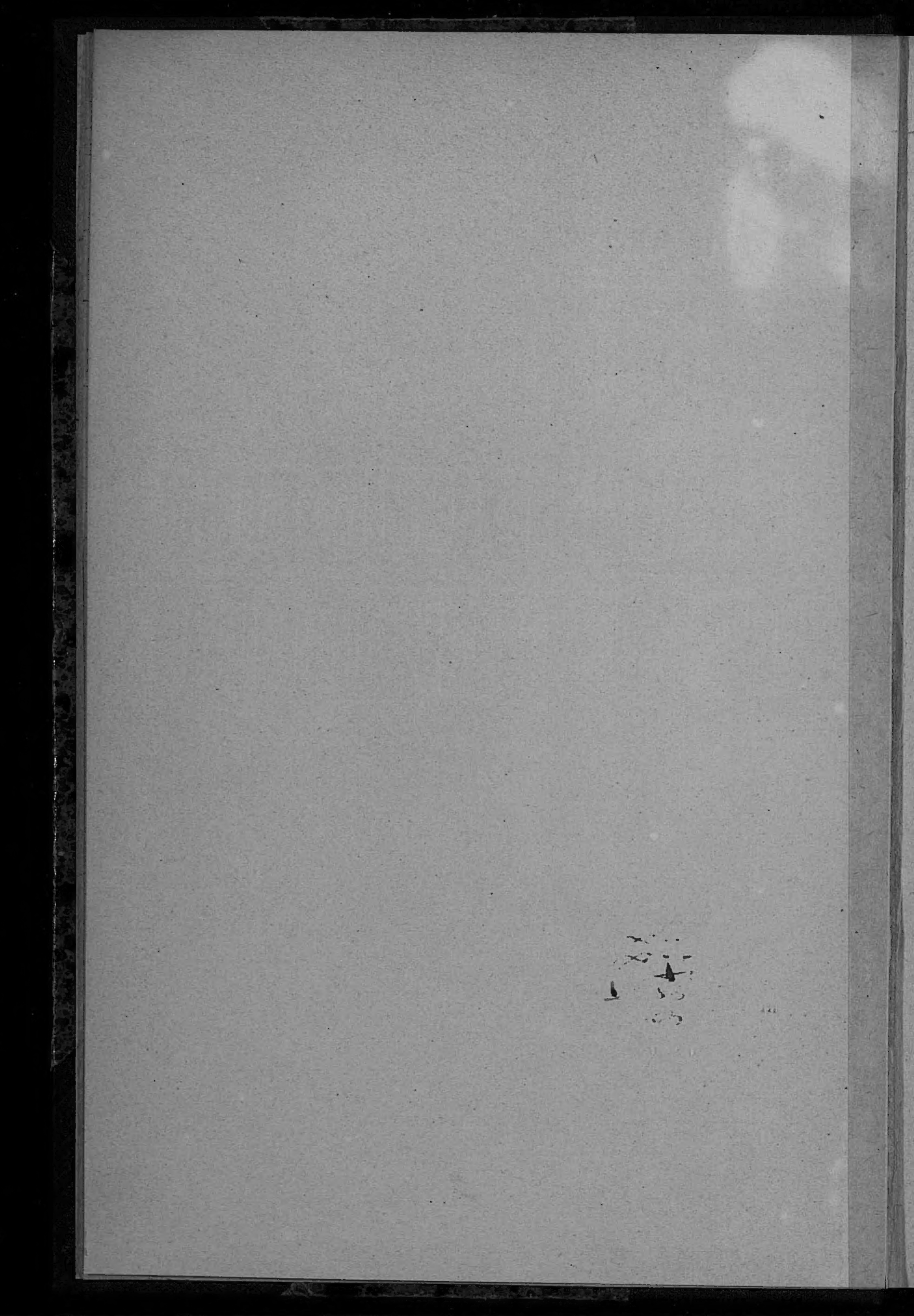

П. КУДРЯШОВЪ

ИДЕЙНЫЕ ГОРИЗОНТЫ МІРОВОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАНІЕ
КНИЖНАГО МАГАЗИНА
„ТРУД"

П. КУДРЯШОВЪ.

ИДЕЙНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

Изданіе
книжнаго магазина
„ТРУД".

МОСКВА.
Типографія Г. В. Васильева,
п/ф. „ЛОМОНОСОВЪ".
1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1915.

Вся Европа теперь воюетъ, но Европа также и мыслитъ. И изъ мысли возникнетъ новый порядокъ вещей.

Ф. Гиддингсъ.

Прекрасны тѣ эпохи, въ которыя блуждающія слова-идеи воплощаются, украшая прокисшій и прозябшій міръ. Сколько разъ спящія идеи будилъ ревъ пушекъ... Отчего бы и нынѣ не разбудить ихъ грохоту орудій и шуму пропеллеровъ?..

Ю. Янковскій.

Міровая война, нами переживаемая, измѣнитъ не только политическія границы многихъ европейскихъ и нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ странъ. Въ связи съ этой борьбой народовъ политическо-экономическій кризисъ сплетается съ не менѣе острымъ кризисомъ также и въ области идей. И здѣсь, въ итогѣ войны, окажутся и свои пріобрѣтенія, и свои опустошенія.

А. Кизеветтеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Міръ идей и міръ людей находятся въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Идеи творятъ жизнь, по крайней мѣрѣ обновляютъ ее, даютъ ей извѣстное содержаніе и направленіе, окрашиваютъ собою время. Въ свою очередь, жизнь и время родятъ идеи, на смѣну отжившимъ, либо тоже «обновляютъ» ихъ—будятъ старыя и «спящія» идеи,—изъ мрака небытія или забвенія вызываютъ на авансцену исторіи въ тотъ или иной моментъ именно тѣ, а не другіе вопросы, проблемы, лозунги.

Въ настоящій моментъ, когда всѣхъ всколыхнуло и все собою заслонило такое событіе, какъ война, да еще такая война, какъ эта, духовная жизнь современности представляетъ особенно большой интересъ—по своему исключительному богатству, разнообразію, по своей чрезвычайной серьезности и напряженности.

Сейчасъ мы переживаемъ великую эпоху всяческихъ потрясеній, всяческихъ, прямо небывалыхъ историческихъ испытаній,—въ полномъ смыслѣ слова ликвидаціонную эпоху. Безпримѣрная по своему масштабу, и внѣшнему и внутреннему, война колеблетъ и поражаетъ не однѣ только матеріальныя цѣнности: вмѣстѣ съ тѣмъ она дѣлаетъ генеральный смотръ—по всему фронту нашей культуры—также и духовнымъ цѣнностямъ, съ которыми мы сжились и которыми мы жили. Т а м ъ, на

поляхъ смерти, въ грохотѣ орудій, закладываются основы новой жизни, творится новая исторія. «Занавѣсъ опустился надъ старымъ міромъ, который теперь исчезъ безвозвратно»,—какъ опредѣлилъ данный моментъ одинъ видный американскій ученый (Н. Ботлеръ).

Пожаръ войны освѣщаетъ вокругъ насъ многое такое, что иначе продолжало бы тонуть во тьмѣ. Вообще—война очищаетъ человѣческій кругозоръ. Особенно же широкій кругозоръ открываетъ человѣчеству эта, міровая, война. Проясняя нѣкоторые прежніе наши умственные горизонты, она показываетъ намъ и новые. И уже вглядываются въ эти «горизонты» болѣе дальнозоркіе и дальновидные современники наши, постигаютъ откровенія войны, ея «уроки», учитываютъ итоги, въ ураганѣ кровавыхъ событій улавливаютъ перевороты идей и надеждъ, властвовавшихъ надъ міромъ, и предчувствуютъ перевороты и сдвиги дальнѣйшіе.

Попытаемся дать—возможно объективнѣе—картину того, что видятъ и провидятъ эти пытливые, вдумчивые наблюдатели «горизонтовъ войны». Только охвативъ мысленнымъ взоромъ главнѣйшія хотя бы духовныя слѣдствія переживаемыхъ событій и идейныя устремленія нашихъ дней, возможно достаточно глубоко вникнуть въ смыслъ и значеніе нынѣшней, величайшей борьбы народовъ,—какъ слѣдуетъ осознать и оцѣнить совершающуюся на нашихъ глазахъ міровую катастрофу.

Но, быть можетъ, еще не время дѣлать какіе бы то ни было учеты, быть можетъ, еще рано браться за намѣчаемую нами «картину»? Пусть за насъ въ этомъ случаѣ отвѣтитъ такой авторитетъ, какъ князь Е. Н. Трубецкой. Еще въ февралѣ, въ своей публичной лекціи «Отечественная война и ея духовный смыслъ», названный ученый и общественный дѣятель коснулся какъ разъ вопроса о томъ, «дерзко» ли, преждевременно ли

уже сейчасъ выводить итоги и вообще угадывать конечные результаты далеко еще не закончившейся войны. Нѣтъ,—отвергалъ такія сомнѣнія почтенный лекторъ,—именно теперь замѣчается необыкновенная чуткость воспріятій, разбуженная войною, и, наоборотъ, послѣ войны опять погаснутъ чувства, а мысль утратитъ высоту и силу своего полета, какъ это было до войны. Необходимо именно теперь закрѣпить въ памяти всю необычайность переживаній войны.

По своему скромному заданію, предлагаемый сборникъ является именно памяткой—болѣе яркихъ и значительныхъ идей, высказанныхъ по поводу войны. Но и только памяткой. Читатель пусть не претендуетъ на то, что въ книжкѣ этой не дано никакихъ «послѣсловій», резюме, заключеній, выводовъ. Для окончательнаго синтеза идейныхъ результатовъ войны, для окончательнаго подведенія итоговъ, еще не настало время. Читатель поэтому долженъ быть готовъ и къ тому, что внѣшней связи тѣхъ или другихъ изъ собранныхъ и систематизированныхъ здѣсь мнѣній не всегда будетъ соотвѣтствовать достаточная внутренняя связь, внутренняя согласованность, достаточно полная «гармонія мысли». Представленный въ книжкѣ матеріалъ въ сущности пока еще только сырой, подготовительный матеріалъ, назначеніе котораго—посильно помочь каждому желающему оріентироваться среди разныхъ «горизонтовъ» войны и въ лабиринтѣ поднятыхъ ею вопросовъ принципіальнаго значенія.

Этотъ подлежащій здѣсь «закрѣпленію» матеріалъ образуетъ нѣсколько центровъ. Какъ и настоящій горизонтъ,—развертывающееся передъ нами, или, лучше сказать, вокругъ насъ поле зрѣнія имѣетъ тоже свои четыре главныхъ «стороны свѣта»: въ четырехъ направленіяхъ

вленіяхъ расходится наше вниманіе, на четыре основныя группы распадаются духовные интересы переживаемаго момента (съ точки зрѣнія русскаго человѣка). Десятки, пожалуй, даже сотни вопросовъ открылись современникамъ въ кровавомъ заревѣ міровой войны, вопросы самые разнообразные—и крупные, и мелкіе, и общіе, и частные, и «внѣшніе», и «внутренніе», и временные, и «вѣчные»; и вотъ съ занятой здѣсь позиціи,—не соціально-политической, и не политико-экономической, а идеологической,—мы видимъ передъ собою четыре важнѣйшихъ и крупнѣйшихъ по своему жизненному захвату «темы современности»:

1) Оцѣнка западной и, въ частности, германской культуры.

2) Пути «новой» Европы, новой культуры, вѣхи этихъ новыхъ путей,—пока лишь отдѣльныя, внутренно еще мало или совсѣмъ не связанныя идеи, «висящія въ воздухѣ», пока лишь «предчувствія и ожиданія».

3) Міровая культурно-политическая миссія новой Россіи и проблема національзма.

Въ сущности эту послѣднюю проблему можно было бы разсматривать какъ самостоятельный большой вопросъ нашихъ дней, но въ глазахъ русскихъ людей сейчасъ идея національзма слишкомъ тѣсно сплетается съ «идеей» русскаго и славянскаго возрожденія.

4) Отношеніе наше къ войнѣ *).

---

*) Въ основу настоящей работы положенъ обзоръ „Мыслей, вопросовъ и темъ современности" изъ № 12, за этотъ годъ, московскаго двухнедѣльника „Бюллетени Литературы и Жизни", въ составленіи котораго принималъ участіе и пишущій эти строки.

I.

Проблема войны.

Мы начинаемъ нашъ обзоръ съ проблемы самой войны,—съ того мучительнаго вопроса о «прiятiи» и «непрiятiи» войны, объ «оправданiи» войны, какъ принципа и формы борьбы, который уже давно волнуетъ передовое человѣчество и который теперь, въ эти судные дни, сталъ поистинѣ проклятымъ вопросомъ для многихъ и многихъ мыслящихъ людей съ высоко развитымъ нравственнымъ сознанiемъ.

Проблему войны впервые обстоятельно раскрылъ Вл. Соловьевъ, расчленивъ ее на три вопроса: 1) вопросъ теоретическiй: обще-нравственная оцѣнка войны; 2) вопросъ историческiй: значенiе войны въ исторiи человѣчества, и 3) вопросъ практическiй, или лично-нравственный: «о томъ, какъ я, т.-е. всякiй человѣкъ, признающiй обязательность нравственныхъ требованiй по совѣсти и разуму, долженъ относиться т е п е р ь и з д ѣ с ь къ факту войны и къ тѣмъ условiямъ, которыя изъ него практически вытекаютъ».

Въ сторону какого же или какихъ изъ этихъ трехъ вопросовъ раздвигаетъ нынѣ война наши морально-интеллектуальные горизонты?

Обще-нравственный вопросъ больше уже не составляетъ проблемы, больше уже не нуждается въ пересмотрѣ,—даже въ такое время, въ дни кровопролитнѣйшей борьбы народовъ. Покойный нашъ философъ сказалъ здѣсь рѣшающее слово: «Война есть зло. Зло же бываетъ или безусловное (какъ, напр., смертный грѣхъ, вѣчная гибель), или же относительное, то-есть такое, которое можетъ быть меньше другого зла и сравнительно съ нимъ должно считаться добрымъ (напр., хирургическая операція для спасенія жизни). Смыслъ войны не исчерпывается ея отрицательнымъ опредѣленіемъ, какъ зла и бѣдствія; въ ней есть и нѣчто положительное — не въ томъ смыслѣ, чтобы она была сама по себѣ нормальна, а лишь въ томъ, что она бываетъ реально-необходимою при данныхъ условіяхъ». («Оправданіе добра»).

Но зато другіе вопросы войны — историческій и лично-нравственный — нашли въ текущей литературѣ нѣсколько интересныхъ, болѣе или менѣе новыхъ, оригинальныхъ отвѣтовъ, особенно въ нашей русской печати, что, впрочемъ, и не удивительно. На подобные вопросы русская интеллигенція всегда реагировала сильнѣе, заглядывала въ нихъ глубже, чѣмъ на Западѣ.

Двѣ частныя проблемы войны мы формулируемъ такъ: 1) Какъ намъ, культурнымъ людямъ XX вѣка, въ частности — русскимъ интеллигентамъ, относиться къ войнѣ съ общественной точки зрѣнія; и 2) какъ относиться къ войнѣ съ точки зрѣнія личной. Въ первомъ случаѣ вопросъ идетъ о примиреніи войны съ общественной совѣстью, во второмъ—съ совѣстью личной.

Война съ общественной точки зрѣнія.

Соображенія, высказываемыя подъ этимъ угломъ зрѣнія, могутъ имѣть какъ отрицательный, такъ и положительный характеръ, могутъ быть какъ «противъ», такъ и «за» войну. Изъ мнѣній перваго рода заслуживаетъ вниманія статья публициста «Бирж. Вѣд.», скрывающагося подъ псевдонимомъ **Vox**. (см. № 14686) *):

Путь къ миру этическій и путь политическій.

«Безчисленныя человѣческія жертвы, подвигъ огромнаго духовнаго напряженія, направленнаго на человѣкоубійство, не можетъ пройти даромъ для человѣчества. Онъ долженъ очистить и окрылить его нравственно»...

Такъ говоритъ П. Б. Струве (по поводу нравственнаго смысла войны). А вотъ рѣчь плѣннаго нѣмецкаго полковника:

— Вы, русскіе,—удивительный народъ. Вы все фантазируете и мечтаете. Называете нѣмцевъ сентиментальными, а сами только умѣете сентиментальничать. И войну хотите вести съ сентиментами... Мы, нѣмцы, бьемъ желѣзнымъ кулакомъ, чтобы искры летѣли, чтобы подъ нашимъ ударомъ все дробилось въ мелкіе куски, прахомъ разсыпалось. Мы воюемъ такъ, чтобы у васъ на цѣлое столѣтіе изъ рода въ родъ осталось

---

*) Чтобы представить ту или другую идею современности болѣе отчетливо, выпукло, мы будемъ брать лишь квинтъ-эссенцію ея,—лишь „стволъ" важной для насъ мысли, безъ ея отвѣтвленій и развѣтвленій; съ тою же цѣлью авторскія заглавія, почти вездѣ, замѣнены другими, болѣе опредѣленными; а чтобы сохранить силу и свѣжесть данныхъ сужденій, будемъ передавать ихъ, по возможности, словами самого автора.

страшное воспоминаніе объ этой войнѣ. Чтобы у васъ внуки и правнуки боялись нѣмцевъ. Чтобы у васъ дѣтей въ колыбеляхъ пугали нѣмцами. Чтобы у васъ отъ края до края дрожали отъ мысли о возможности новой такой войны. Нашею войною мы хотимъ сдѣлать васъ миролюбивыми. Поэтому мы и воюемъ не съ полками лишь, окопами вашими и пушками,— мы еще безпощаднѣе громимъ ваши фабрики, заводы, мельницы и города, топчемъ ваши поля, уничтожаемъ ваши лѣса... Мы обезпложиваемъ, кастрируемъ враждебныя намъ страны...

Вдумайтесь въ эти слова и увидите, что и у врага нашего цѣль этой жестокой войны—миръ. Двумя противоположными путями, отъ двухъ полюсовъ, люди подходятъ къ завѣтной мечтѣ—миролюбію. Но эти два пути свидѣтельствуютъ о пропасти, раздѣляющей два лагеря человѣчества — пропасти, разверзшейся лишь теперь...

...Два пути, по которымъ шло человѣчество послѣдняго полустолѣтія,—путь Толстого и путь Бисмарка,— скрестившись, и привели вѣдь къ катастрофѣ. Покуда ученикъ Сютаева (Л. Толстой) толковалъ Евангеліе въ сторону нравственныхъ идеаловъ, ученики Бисмарка толковали его въ сторону идеаловъ политическихъ. Толстой искалъ Царствія Божія, нѣмецкіе юнкера—царствія кайзера. Настоящая катастрофа не потому-ли и разразилась столь неожиданно, что одна половина человѣчества не понимала, или, вѣрнѣе, — не желала понимать другую?.. Но первая къ божескому устремлялась черезъ человѣческое, а вторая—къ человѣческому черезъ Божье...

Я имѣю въ виду тотъ главный грѣхъ, который Европа теперь искупаетъ, — беззаботное смѣшеніе политическихъ и этическихъ идеаловъ.

Въ то время, какъ нѣмцы, съ одной стороны, откровенно отгородились отъ этики, провозгласивъ за этику свою политику, а съ другой, бронировали свой кулакъ и точили мечъ во имя нѣмецкаго Бога, признавъ идентичность Его интересовъ съ интересами нѣмецкаго бюргера,—въ то время въ остальной Европѣ, провозглашая истины этическія, устремлялись къ нимъ путями политическими, лѣвой рукой разрушая то, что творили правой.

И самый нѣмецкій милитаризмъ, противъ котораго мы теперь воюемъ,—развѣ мы не видѣли его ясно задолго до столкновенія и развѣ мы противъ него протестовали?! Какая-то тьма египетская окутывала насъ и нашихъ союзниковъ, какъ только рѣчь заходила о милитаризмѣ. Мы повѣрили въ «вооруженный миръ». Какъ страусъ, мы прятали голову въ песокъ; какъ іезуиты временъ Коперника, настаивали, что земля недвижима. А было это всего какихъ-нибудь годъ-два назадъ. Можно-ли предположить, что тогда всѣ были слѣпы, наивны и что отъ грома пушекъ прозрѣли, поумнѣли?..

Шансы новой войны послѣ этой, очевидно, значительно уменьшатся: тѣмъ ли, другимъ ли путемъ— этическимъ, либо политическимъ — мы доберемся до острова миролюбія. Но, увы, островъ этотъ до тѣхъ поръ останется островомъ и до тѣхъ поръ вокругъ него будутъ бушевать волны войны, покуда міровая политика будетъ господствовать надъ міровой этикой».

Больше вдохновляетъ на размышленія эта война, повидимому, тѣхъ, кто рѣшаетъ проблему войны въ положительномъ смыслѣ.

Нынѣшнее великое столкновеніе народовъ породило у насъ немало апологетовъ войны—«мистиковъ» и «иде-

алистовъ», какъ ихъ неодобрительно прозвали болѣе «реально» настроенные созерцатели міровой катастрофы. Изъ этого бодраго хора выдѣляются четыре голоса, выразительнѣе другихъ ведущіе «мелодію» нашихъ дней.

Миръ мірской и миръ Божій.

«Я думаю, что за много-много десятилѣтій мы не встрѣчали Рождества болѣе достойно, болѣе свято, въ болѣе высокомъ настроеніи, чѣмъ въ настоящее время, и, можетъ быть, никогда, несмотря на всѣ ужасы войны, душѣ нашей, всему народному нашему существу не были ближе слова: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Между Божьимъ миромъ и миромъ человѣческимъ есть настоящій антиномизмъ. Мы говоримъ: миръ, когда мы торгуемъ, посягаемъ, обманываемъ, когда одни задыхаются отъ работы на другихъ, когда цивилизованнѣйшія націи медленно сживаютъ со свѣту стариннѣйшія дикія племена, когда все въ человѣчествѣ раздѣлено на партіи, группы, мнѣнія, классы, организаціи, кружки, и всѣ враждуютъ противъ всѣхъ, борясь самымъ грубымъ и безцеремоннымъ образомъ за «мѣста подъ солнцемъ», за власть, за преобладаніе, за сытость, за высокія идеи. И надъ всѣми борющимися, надъ побѣдителями и побѣжденными, ходитъ Смерть и коситъ ровными, неумолимыми и непрерывными рядами человѣческую жатву. И это называютъ миромъ!..

Миръ же Божій есть категорія внутренняя и абсолютная. Онъ идетъ своими путями, иногда совпадая съ миромъ человѣческимъ, иногда расходясь съ нимъ до величайшаго контраста и отрицанія. Миръ Божій можетъ

расцвѣтать въ величайшихъ потрясеніяхъ и катастрофахъ и вянуть, блекнуть, падать во времена человѣчески-мирныя и «благорастворенныя». Какъ кровавы, какъ неспокойны были столѣтія, когда христіанъ предавали всякимъ мучительствамъ! И, однако, станетъ ли кто-нибудь отрицать, что именно въ эти столѣтія цвѣты Божьяго мира съ особою силою расцвѣтали на Землѣ, — съ такой силой, что римскія катакомбы до сихъ поръ хранятъ въ своемъ мракѣ ихъ чудесное, исключительное благоуханіе?

...Но этотъ безусловный миръ расходится не только со спокойными формами жизни. Въ себѣ самомъ онъ несетъ побѣду надъ Смертью и, отмѣняя ее, вырывая внутреннее жало ея, порождаетъ совсѣмъ особое отношеніе къ смерти. Страшна становится смерть духовная, которая особенно процвѣтаетъ въ «мирныя времена», и совсѣмъ не страшна смерть физическая, которой такъ много въ военныя и бурныя времена. И вотъ то, что является «миромъ» по догмѣ человѣческой, онтологически становится гибелью, смертью, враждой; то же, что люди малодушно признаютъ за ужасы и потрясенія, съ религіозной точки зрѣнія превращается въ небесную тишину и лазурь».

В. Эрнъ. («Утро Рос.» № 322 за 1914 г.).

Самоуничтоженіе зла.

«Война—ирраціональна, она имѣетъ темный истокъ въ волѣ народовъ, непокорной высшему разуму. И война имѣетъ смыслъ, она караетъ, губитъ—и она же очищаетъ въ огнѣ, возрождаетъ духъ дряблый и разслабленный. Эти противорѣчія присущи всему живому

и конкретному. Лишь отвлеченное доктринерство не хочетъ знать противорѣчій и двойственности, запечатлѣвающихъ всякую конкретную жизнь.

...Противорѣчія исторической жизни создали странный парадоксъ: европейскій миръ означалъ царство милитаризма, и лишь война могла быть освобожденіемъ отъ его невыносимаго ига...

Существуетъ неотвратимая діалектика исторіи, совершающаяся черезъ жертвы. Зло достигаетъ своего предѣльнаго развитія, своего крайняго напряженія и поѣдаетъ себя, взрывается, самосожигается. Моральная проповѣдь мира, какъ ни несомнѣнна ея правда, никогда не побѣдитъ милитаризма, не освободитъ міръ отъ темной воли къ войнѣ и насилію, не водворитъ братства народовъ. Всѣ достиженія исторіи завоевываются страстными противорѣчіями. Миръ можетъ быть завоеванъ черезъ войну, черезъ разряженіе злой энергіи. Праведная война побѣдитъ милитаризмъ, въ ней разрядятся злыя страсти, и зло дойдетъ до самоизобличенія и самоотрицанія.

Война—страшное зло, но не только зло, она двойственна, какъ и многое на свѣтѣ. Въ войнѣ выковывается характеръ народовъ, крѣпнетъ мужество духа, ея испытанія и жертвы полагаютъ предѣлъ изнѣженности и размягченности, буржуазной сытости и спокойствію, личному и семейному эгоизму. Но существеннѣе всего то, что міровая война должна показать народамъ невозможность войнъ. Техническія усовершенствованія войны ведутъ къ самоотрицанію и преодолѣваютъ самую возможность войны гораздо скорѣе, чѣмъ мирныя проповѣди».

Н. Бердяевъ. («Утро Рос.» № 192 мин. г.).

Война—истребительница человѣческаго эгоизма.

«Представляютъ ли собою войны болѣзненный процессъ въ общечеловѣческой жизни или онѣ—естественный результатъ нормальнаго развитія человѣчества?

Съ перваго взгляда намъ можетъ показаться, что войны—именно болѣзненный процессъ, такъ какъ онѣ причиняютъ людямъ много боли, и не только погибающимъ или искалѣченнымъ на поляхъ сраженій, но и всѣмъ ихъ близкимъ, остающимся вдали. Однако, вѣдь, причиняющія боль событія часто наблюдаются и не при болѣзняхъ, а при самыхъ нормальныхъ случаяхъ развитія органической жизни. Женщина, напримѣръ, очень страдаетъ при родахъ, и однакоже это — не болѣзнь, а, напротивъ, торжество жизни. Точно такъ же, когда гусеница бабочки сбрасываетъ свою кожицу, превращаясь въ куколку, а затѣмъ образовавшаяся въ этой куколкѣ и окончательно сформировавшаяся бабочка прорываетъ ея твердый покровъ, чтобы выйти наружу и полетѣть радостно по воздуху, ей, несомнѣнно, тоже очень неудобно, а, можетъ-быть, и больно въ такіе моменты. Однако и это тоже—не болѣзнь, а естественные процессы развитія.

Значитъ, и та боль, которую народы чувствуютъ при войнахъ, не есть еще безусловное доказательство того, что они страдаютъ какой-то неизлѣчимой хронической болѣзнью въ родѣ чахотки или перемежающейся лихорадки. Войны—болѣзнь лишь въ томъ случаѣ, если онѣ приносятъ вредъ правильному развитію человѣчества, и, наоборотъ, онѣ являются естественнымъ факторомъ эволюціи, если способствуютъ совершенствованію остающихся послѣ нихъ людей.

...Если бы война была процессъ болѣзненный, то, принявъ во вниманіе, что войны почти не прекращались въ человѣческомъ родѣ съ того самаго момента, какъ

онъ возникъ на землѣ, мы должны бы были придти къ заключенію, что человѣчество — хилое, болѣзненное дитя земли, что оно съ каждымъ поколѣніемъ ослабѣваетъ въ своихъ силахъ отъ этого не оставляющаго его хроническаго недуга.

А однакоже мы совсѣмъ не замѣчаемъ ничего подобнаго! Мы видимъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ человѣчества эволюцію лучшихъ сторонъ его психики, отразившихся уже въ прекращеніи въ общественной жизни передовыхъ народовъ сначала людоѣдства, затѣмъ рабовладѣльчества и крѣпостного права, въ переходѣ отъ абсолютизма къ представительнымъ формамъ правленія, въ развитіи гражданскаго равенства и свободы, въ сильной эволюціи интеллекта, обнаружившейся въ подчиненіи человѣку силъ природы, и въ безкорыстномъ исканіи имъ вездѣ истины и справедливости...

Это—никакъ не характеристика все болѣе и болѣе хилѣющаго отъ неизлѣчимой болѣзни существа!

Значитъ, и война не есть хроническая болѣзнь человѣчества, а какой-то изъ факторовъ его эволюціи.

Куда же онъ ведетъ? Каковы будутъ его окончательные результаты, послѣ которыхъ этотъ факторъ перестанетъ дѣйствовать самъ собой, какъ огонь, пожравшій все свое топливо и послѣ этого погасшій?

Эволюція животнаго міра, главнымъ факторомъ котораго была борьба индивидуумовъ за существованіе, привела животныхъ къ индивидуализму, въ основѣ котораго лежитъ себялюбіе и непониманіе чужихъ страданій. Моментъ возникновенія человѣка на земномъ шарѣ характеризуется появленіемъ въ его органическомъ мірѣ «носителей» новаго психическаго фактора, — альтруизма.

Этотъ новый факторъ тотчасъ же очутился въ че-

ловѣкѣ въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ прежнимъ, эгоистическимъ.

Въ душѣ человѣка появилась двойственность побужденій, давшая начало его понятію о добрѣ и злѣ, поставившему людей, по древней библейской легендѣ, «наравнѣ съ богами», тогда какъ безъ нея они были еще на уровнѣ животныхъ.

Новый «носитель» сталъ передаваться, какъ и всѣ остальные носители, по наслѣдству, внѣдряясь съ каждымъ поколѣніемъ во все большее и большее число человѣческихъ индивидуумовъ путемъ ихъ скрещиванія между собою, но онъ не былъ способенъ вытѣснить самъ собою въ зародышахъ людей ни одного изъ другихъ «носителей», въ томъ числѣ и носителя эгоистической энергіи. Это можно было сдѣлать только посредствомъ уничтоженія тѣмъ или инымъ способомъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства индивидуумовъ, обладающихъ исключительно или преимущественно такими носителями въ своихъ воспроизводительныхъ элементахъ.

Однимъ изъ этихъ способовъ, и притомъ самымъ дѣйствительнымъ, и являлась п е р в о б ы т н а я и н д и в и д у а л ь н а я война.

...Отсюда ясно, что первобытная индивидуальная война была не истощающей хронической болѣзнью человѣчества, а могучимъ факторомъ эволюціи его психики по пути отъ эгоистическаго къ альтруистическому состоянію.

Она же (давая начало мелкимъ государствамъ) вызвала и первые зародыши общественности, хотя и совершенно не похожей въ начальномъ фазисѣ своего развитія на тотъ гражданскій идеалъ, который рисуется нашему современному сознанію какъ дальнѣйшая фаза нашей общественной эволюціи.

2*

Война съ этого момента вступаетъ въ новый періодъ своего развитія, въ періодъ борьбы мелкихъ деспотій, причемъ сраженія приняли характеръ стадныхъ побоищъ, при которыхъ тоже наиболѣе воинственные индивидуумы въ бо́льшей пропорціи истребляли другъ друга, очищая такимъ образомъ дальнѣйшія поколѣнія человѣчества отъ носителей своихъ качествъ.

...Постоянныя, почти не прекращающіяся войны, дѣйствуя все время односторонне, до такой степени очистили въ послѣдующія столѣтія выжившія массы человѣчества отъ активной воинственности, что стало трудно собирать въ достаточномъ числѣ добровольныя дружины не только, какъ въ первобытныя времена, одной перспективой грабежа, но даже и болѣе возвышенными идеями, въ родѣ религіозныхъ, которыя возникли въ Средніе вѣка какъ искусственные стимулы угасавшей воинственности. Добровольное поступленіе простыми воинами въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы стало, наконецъ, давать такъ мало матеріала, что правительствамъ, не только желавшимъ расширять свою власть, но даже и просто защищаться отъ такихъ же претензій сосѣдей, пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ вербовкамъ.

...Какой же изъ этого окончательный выводъ?

Уже одинъ простой фактъ недостаточности добровольныхъ воиновъ показываетъ намъ ясно, что война теперь окончила въ человѣчествѣ свою главную эволюціонную роль: она до такой степени истребила и ослабила въ людяхъ эмбріональныхъ носителей первичнаго животнаго эгоизма, что борьба съ ихъ остатками стала возможной и чисто идейными и воспитательными вліяніями, хотя бы эти вліянія и не передавались по наслѣдству и ихъ пришлось бы возобновлять въ каждомъ новомъ поколѣніи, подобно обученію языка».

Авторъ даже склоняется къ мысли, что носители альтруизма уже взяли въ насъ верхъ надъ носителями эгоистической энергіи и что, хотя «вторая историческая миссія» войны (созданіе всемірнаго государства) еще далеко не исполнена, скоро однако болѣе не понадобится войнъ—для дальнѣйшей психической и гражданской эволюціи человѣчества.

Есть ли какія-нибудь указанія на это?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:

«Мнѣ кажется, что да и что даже въ самыхъ нашихъ войнахъ мы можемъ видѣть, что переломъ въ борьбѣ добра со зломъ уже совершился въ душахъ множества людей.

Развѣ вмѣстѣ съ боевыми арміями не мчатся теперь на поля сраженій десятки тысячъ сестеръ милосердія? Развѣ тысячи врачей не доходятъ до полнаго изнеможенія, перевязывая день и ночь раны не только своихъ собственныхъ воиновъ, но и враждебныхъ имъ? Какое поразительное противорѣчіе въ современныхъ войнахъ среди культурныхъ народовъ! Одна часть людей наноситъ безъ устали раны другъ другу, а другая старается ихъ исцѣлять! И обѣ эти части не противники другъ другу, а прекрасно уживаются вмѣстѣ!..

Точно такъ же и мотивами современныхъ войнъ являются теперь или прямо освободительныя великодушныя идеи, или причины національнаго характера, въ которыхъ прежній личный эгоизмъ замѣнился эгоизмомъ національнымъ, а вѣдь это уже наполовину альтруизмъ, т.-е. переходная ступень къ дальнѣйшей стадіи гражданскаго развитія человѣческаго рода, единаго во всѣхъ своихъ племенахъ и народахъ.

...Войны явно еще не достигли своихъ конечныхъ результатовъ, но уже освободили къ пышному развитію зародыши новыхъ, великодушныхъ чувствъ въ чело-

вѣческой душѣ, которые впослѣдствіи будутъ совершать дальнѣйшую эволюцію человѣчества и безъ потоковъ человѣческой крови и цѣлаго океана страданій».

Н. Морозовъ. («Рус. Вѣд.» №№ 29 и 32 с. г.).

Озонъ войны.

Военная гроза окисляетъ нравственную атмосферу, на благо людямъ, какъ озонируетъ воздухъ, на благо природѣ, Божья гроза. Эту мысль проводитъ въ двухъ своихъ очеркахъ **Ю. Волинъ,** въ «Петр. Кур.» (№№ 186 и 216), откуда и беремъ нижеслѣдующія строки:

«Такъ ужъ заведено передъ войной и во время войны—ужасаться массѣ жертвъ и подсчитывать рожденныя войной бѣдствія. А я бросаю вызовъ!—говоритъ доброволецъ-интеллигентъ, о которомъ разсказываетъ авторъ въ первомъ очеркѣ.—Я хочу подсчитать блага такой войны, именно такой войны, и восхититься массой осчастливленныхъ и возрожденныхъ этой войной людей! Я хочу подсчитать исцѣленныя души, расправленныя крылья, зажженные огни — всѣ дары этой войны!»

«...Какъ случилось, что всѣ мы, противники милитаризма, «глубоко штатскіе» люди,—разсуждаетъ «писатель-беллетристъ» во второмъ фельетонѣ г. Волина,—какъ случилось, что мы душой приняли войну, сразу вошли въ созданную ею атмосферу, какъ за руку избавителя, схватились за нее?.. Вѣдь, она—развязка! Вѣдь, она именно то большое, то стихійное, котораго мы ждали!.. И не только мы, русскіе!.. То же творится и во Франціи, и въ Англіи, и даже,—я допускаю это вполнѣ,—въ странѣ нашихъ враговъ!.. Война нужна бы-

ла всему человѣчеству... Не для рѣшенія политическихъ вопросовъ, этой стороны я теперь не касаюсь!.. Я разсуждаю только, какъ психологъ, какъ индивидуалистъ!.. Для личности, для индивидуума, запутавшагося въ исканіяхъ и сомнѣніяхъ, нужна эта война!.. Она разрядитъ воздухъ, напитанный личными трагедіями, выдвинувъ на первый планъ великую трагедію человѣчества!.. Она дастъ развязки безвыходнымъ путанницамъ душевной жизни... Она принесетъ усталому человѣчеству новую бодрость, новую красочность жизни, возродивъ героизмъ и романтизмъ!..»

Война и личная совѣсть.

Искупительный и очистительный огонь войны.

«Война — одно изъ явленій, многими считавшееся пережитымъ. Думали, а вѣрнѣе, надѣялись, что именно эта форма борьбы уже отошла и не вернется, что на очереди другая борьба, въ совсѣмъ другихъ разрѣзахъ, съ другимъ содержаніемъ.

Но война вернулась.

Я не буду излагать здѣсь всеобщаго, всѣми безъ спора принимаемаго, современнаго взгляда на войну. Онъ слишкомъ извѣстенъ и единъ со всѣхъ точекъ зрѣнія,—съ культурной, этической, философской, религіозной—какой угодно. Фактъ войны показываетъ, что этотъ «взглядъ» еще не вошелъ въ плоть и кровь человѣчества; но кое-что онъ уже измѣнилъ реально. Пережита возможность сказать громко: «хочу войны. Иду на вы». Явилось новое познаніе и слѣдствіе его— новый стыдъ.

...Процессъ войны, «дѣло» войны, властно требуетъ отъ дѣлающихъ опредѣленнаго, гармонирующаго съ дѣломъ, состоянія духовнаго. Когда шли войны филистимлянъ съ евреями, даже когда варвары надвигались на Римъ, внутреннее состояніе воюющихъ было естественно (и праведно, по времени) на уровнѣ ихъ дѣла. Для того же дѣла теперь—необходимо сниженіе духа и сознанія, отступленіе съ уже занятыхъ позицій. Вѣдь, передъ тѣмъ сознаніемъ войны, отношеніемъ къ ней, которое уже достигнуто современнымъ человѣчествомъ, духовное состояніе, потребное для войны, можетъ казаться возвращеніемъ вспять. Да и кажется такимъ въ нормальное время.

Чтобы перебросить хоть какой-нибудь мостикъ черезъ черту, которая легла между современнымъ духомъ, войну переросшимъ, и совершающимся фактомъ, «дѣломъ» войны, пытаются вложить въ самое дѣло, внутрь его, новый смыслъ: война ради отрицанія войны, война ради мира. Но внутрь войны нельзя вложить никакого смысла, кромѣ ея собственнаго,—рамки войны нераздвижимы. Безцѣльны старанья возвысить войну, какъ таковую: надо снизиться до нея; и счастливы тѣ, кому дано сдѣлать это съ инстинктивной простотой.

Народная воюющая масса снижается (все-таки снижается) просто, мгновенно, инстинктивно, почти физіологически: здоровый организмъ защищаетъ себя, приспособляясь къ условіямъ. «Они» уже «не думаютъ, а дѣлаютъ», и легко «возвращаются на круги свои», когда это надо.

Но какъ «возвратиться» окрѣпшему духу того авангарда человѣчества, который уже почти коснулся (или казалось, что коснулся) новыхъ міровыхъ цѣнностей, который былъ готовъ (или казалось, что готовъ) къ

инымъ битвамъ? Какъ угасить новый духъ, если онъ не гаснетъ?..

Антимилитаризмъ—только одно изъ тысячи частныхъ убѣжденій, къ которымъ привела сложная духовная работа. Передовая часть человѣчества, всѣ сознательно волевымъ образомъ участвующіе въ единомъ Великомъ Движеніи, всѣ, ковавшіе оружіе для иныхъ формъ борьбы, въ иныхъ разрѣзахъ, твердо вѣровавшіе, что «сниженіе войны» почти невозможно, всѣ они стали предъ рѣзкой антиноміей жизни. Потому что война пришла.

...Большинство сознательныхъ людей пошло путемъ... принятія войны, участія въ ней, но съ попытками идейнаго оправданія «именно этой войны» всякими болѣе или менѣе удачными аргументами, ... путемъ особенно тяжелымъ. Вѣдь приходилось «возвращаться назадъ», снижаться, волей вводить себя туда, откуда волей выходилъ,—и это безъ всякихъ отвѣтовъ на ропщущіе вопросы совѣсти, потому что какіе же отвѣты—«данная война», «народная», «культурная» и т. д.? Какое же тутъ оправданіе войнѣ, которая всетаки въ полнотѣ—война, со всѣми, до послѣдней мелочи ей присущими свойствами? Ничья совѣсть не скажетъ, что это—не такъ. Значитъ,—итти противъ совѣсти, съ чувствомъ измѣны тому, что́ и теперь дорого, что́ и теперь кажется единственно вѣрнымъ и святымъ...

...Неужели вѣренъ этотъ тяжкій путь и облегчить его можетъ только забвенье?

Да, онъ—вѣренъ, другого пути нѣтъ. Вѣренъ въ томъ, что итти на войну, принять войну, снизиться, возвратиться—надо. Но путь этотъ не долженъ быть измѣнническимъ. Потерять душу, положить душу свою должно, а измѣнить ей нельзя. Не потому мы примемъ

войну, что вотъ эта война—какъ бы не война, какъ бы чѣмъ-то можетъ быть оправдана. Н и ч ѣ м ъ она не можетъ быть оправдана. На войну честно надо смотрѣть, какъ на поворотъ назадъ, загибъ, п е т л ю, удлиняющую всемірный путь человѣчества. Возвращеніе, петля,—но вѣдь не рокъ же это, не фатумъ? Вѣдь путь-то н а ш ъ, мы шли; не на каждомъ ли изъ насъ (все равно въ какой мѣрѣ) лежитъ человѣческая вина, что путь завернулся петлей? Не виноваты ли мы всѣ, и болѣе ясно видящіе, болѣе знающіе, не болѣе ли другихъ виноваты? Кто изъ полюбившихъ новую правду сильнѣе старой осмѣлится сказать, что онъ *всю* мѣру силъ отдалъ на служеніе ей, в с ю волю употребилъ на то, чтобы она вошла въ плоть міра?..

Мы знали, что война — только частность, только слѣдствіе, только яркій цвѣтокъ, расцвѣтающій на соотвѣтственной почвѣ. Мы даже говорили, что знаемъ, въ какихъ направленіяхъ, какими плугами нужно обрабатывать земное поле, чтобы не росли на немъ цвѣты войны. Но много ли капель нашего пота упало на землю?

Мы шли по воздушнымъ ступенямъ, когда легко повторяли имена великихъ грядущихъ истинъ: «всечеловѣчество», «универсализмъ», «братство», вселенскость», и думали, что онѣ сами собой войдутъ въ міръ, сами, безъ нашихъ усилій, измѣнятъ порождающія войну старыя цѣнности. Мы хорошенько не знали ни существа этихъ старыхъ цѣнностей, ни того, почему онѣ подлежатъ измѣненію, а не уничтоженію. Намъ казалось, что «изжитая» истина не значитъ «исполненная» истина, а просто зачеркнутая, да еще только мыслью.

Медлительные въ познаніи, въ работѣ, въ волѣ,—не мы ли виноваты, если замедляется Великое Движеніе,

удлиняется путь, завернувшись петлей? Эта петля — дѣло и нашихъ рукъ; какъ же намъ отказываться отъ своего дѣла?

Общая воля не была достаточна для сдвига; вотъ на старыхъ мѣстахъ загорѣлся старый костеръ—война. Онъ—не кара намъ, но знакъ. Нельзя сходить съ пути Великаго Движенія, а сейчасъ этотъ путь лежитъ черезъ огонь костра. Нельзя не итти на войну, какимъ бы «возвратомъ назадъ», сниженіемъ, она ни была. Но можно и должно итти вольно, съ открытыми глазами, безъ жажды забвенья, безъ насильственныхъ оправданій неоправдываемому, съ чувствомъ всей своей вины, всей своей отвѣтственности.

Пусть мнѣ не говорятъ, что **такъ** принять войну, отдать себя войнѣ нельзя, потому что это принятіе включаетъ въ себя все ея непринятіе. Нѣтъ, только такъ и пойдутъ всѣ войны не желавшіе, всѣ, въ комъ «вѣрна душа». Не малодушными измѣнниками войдемъ въ костеръ, но въ силѣ духа, съ радостнымъ желаніемъ, чтобы искупительный огонь этого костра былъ для насъ и огнемъ очистительнымъ, закаляющимъ волю для новой борьбы во имя новой Истины»...

З. Гиппіусъ. («Гол. Жизни» № 7, 1914 г.).

Какъ преодолѣвается нравственное противорѣчіе войны.

«Нѣтъ въ жизни болѣе тяжелаго во всѣхъ отношеніяхъ времени, какъ время войны. Ко всѣмъ обычнымъ бременамъ жизни, лежащимъ на душѣ человѣка, ко всѣмъ затрудненіямъ личнаго пути, семейной жизни, экономическаго неустройства и общественно-политическаго разлада, война прибавляетъ новое и

горькое бремя, которое своими размѣрами и своею остротою можетъ отодвинуть на второй планъ все остальное. Нравственно противорѣчивый характеръ тѣхъ заданій, которыя война обрушиваетъ на насъ, составляетъ главную тяготу этого бремени.

Съ того момента, какъ начинается война,... мы непрерывно живемъ въ атмосферѣ, заставляющей насъ сочувствовать тому, что обычно вызываетъ въ насъ самое глубокое и рѣшительное непріятіе; однако это обычное и оправданное непріятіе не покидаетъ насъ и во время войны, но страннымъ образомъ уживается съ опредѣленнымъ чувствомъ удовлетворенія и смутнымъ, неопредѣленнымъ полуоправданіемъ непріемлемаго. Сознаніе безпомощно стоитъ передъ непонятнымъ и этически невозможнымъ явленіемъ: повидимому, совѣсть даетъ сразу на одинъ вопросъ два противорѣчивыхъ, два взаимно исключающихся отвѣта.

...Сомнѣніе въ совѣсти, какъ въ послѣднемъ и высшемъ источникѣ нравственной очевидности—вотъ первое глубокое послѣдствіе, къ которому философское сознаніе можетъ быть, повидимому, приведено войною. Голосъ совѣсти, повидимому, не въ силахъ «вывести насъ на дорогу». ... Душа теряетъ довѣріе къ совѣсти, желаніе испытывать ея голосъ, или даже способность найти къ ней какой-нибудь доступъ. Конечно, не этимъ только, но отчасти и этимъ, объясняется то своеобразное нравственное утомленіе и отупѣніе, которое обнаруживается иногда въ людяхъ послѣ войнъ и послѣдствія котораго проникаютъ потомъ во весь строй жизни, воспитанія, общественности и религіи воевавшаго народа.

Позволительно ли убивать человѣка? Можетъ ли человѣкъ разрѣшить себѣ по совѣсти убіеніе другого

человѣка? Вотъ вопросъ, изъ котораго, повидимому, вырастаетъ основное нравственное противорѣчіе войны.

...Эпоха войны... дѣлаетъ всѣхъ насъ,—и сражающихся и несражающихся, — соучастниками и совиновниками въ организованномъ и планомѣрномъ убиваніи. И нѣтъ нравственныхъ основаній къ тому, чтобы мы закрывали себѣ на это глаза.

...Никто не долженъ закрывать глаза на нравственную природу войны. Мученія и убійства, которыя люди чинятъ другъ другу въ сраженіи, не станутъ ни благимъ, ни праведнымъ, ни святымъ дѣломъ, какимъ бы цѣлямъ они ни служили. Но каждый разъ, какъ человѣкъ, имѣя возможность выбирать и рѣшать, совершаетъ нравственно недоброкачественное дѣяніе,—онъ несетъ на себѣ вину; поэтому война есть наша общая великая вина (никакія казуистическія соображенія не должны заслонять отъ насъ этого вывода)... вина, которая справедливо тяготитъ даже тѣхъ, кто самъ не участвуетъ въ сраженіяхъ: ибо мы слишкомъ хорошо понимаемъ, что мы не убиваемъ сейчасъ только потому, что за насъ убиваютъ другіе.

Но что же остается дѣлать тому, кто признаетъ это? Не участвовать въ войнѣ? Повидимому, непротивленіе нападающему есть единственный остающійся исходъ?

...Въ сказкѣ Л. Н. Толстого «Объ Иванѣ дуракѣ» война тараканскаго царя съ Ивановымъ народомъ кончается быстро оттого, что дураки не обороняются, а добровольно отдаютъ свое добро насильничающимъ солдатамъ; солдатамъ становится «скучно» и «гнусно», и войско разбѣгается. Читая эту сказку, невольно соглашаешься, что дуракамъ Иванова царства воевать не стоило. Но если есть въ жизни людей такое духовное достояніе, которое они любятъ больше себя и которое стоитъ защищать хотя

бы цѣною мученій и смерти, и если этому достоянію грозитъ опасность отъ нападенія насильниковъ, то какъ же не отозваться имъ доброю волею и готовностью на призывъ къ защитѣ отъ нападенія?

Бываютъ въ жизни человѣка такія положенія, когда вся прошлая виновная жизнь его приводитъ его къ необходимости взять на себя открыто и сознательно новую вину. И, если человѣкъ оказывается неспособнымъ къ этому, то нравственная и духовная жизнь его терпитъ величайшее крушеніе. ... Бываютъ случаи, когда длительное пренебреженіе къ интересамъ духовной жизни, къ содержанію нравственныхъ требованій или къ судьбѣ духовнаго достоянія ставитъ подъ угрозу самую сущность или самую возможность достойной творческой жизни. Въ такомъ положеніи человѣкъ, открыто и сознательно пріемля новую вину, идетъ на войну, спасая и отстаивая духовное достояніе своего народа.

Въ этомъ принятіи на себя послѣдствій своего виновнаго дѣланія, хотя бы они, какъ въ данномъ случаѣ, имѣли форму новой, тягчайшей вины, есть черта истиннаго героизма, трогающаго душу и не позволяющаго произнести слово осужденія. Мало того, именно на войнѣ эта рѣшимость принять на себя новую вину выливается неизбѣжно въ форму безкорыстнаго и самоотверженнаго, духовно творческаго напряженія, высота и чистота котораго не имѣетъ подчасъ равной себѣ. Нравственное противорѣчіе не устраняется въ этомъ героическомъ исходѣ, но пріемлется и изживается во всемъ своемъ значеніи и во всей своей глубинѣ. Участіе въ войнѣ заставляетъ душу принять и пережить высшую нравственную трагедію: осуществить свой, можетъ быть, единственный и лучшій, ду-

ховный взлетъ въ формѣ участія въ организованномъ убіеніи людей.

И для того, чтобы конецъ войны былъ какъ свѣтъ, возгорѣвшійся надъ тьмою, но не какъ тьма, поглотившая свѣтъ, необходимъ во время войны тотъ истинный, духовный, творческій подъемъ, въ которомъ человѣкъ не закрываетъ себѣ глаза на виновность своего рѣшенія и своего дѣла, но видитъ все, какъ есть, и мужественно пріемлетъ виновный подвигъ. ...Рѣшимость убить пріемлется сознаніемъ и волею съ ощущеніемъ вины, какъ неправедное и духовно-мучительное средство. Но оно пріемлется съ рѣшеніемъ: увести потомъ свою жизнь съ пути этой слѣпой безвыходности.

...Виновность дѣянія не исчезаетъ, но остается; герой—открыто избираетъ неправедный путь, ибо праведнаго пути нѣтъ въ его распоряженіи. Онъ слѣдуетъ голосу совѣсти, зовущей его къ защитѣ духа, но средства, къ которымъ онъ обращается, ложатся на душу его виною и бременемъ. Только истинное духовное горѣніе можетъ дать достаточно силы, чтобы человѣкъ не изнемогъ подъ этимъ гнетомъ».

Ив. Ильинъ («Вопр. Филос. и Псих.», ноябрь-дек.).

Война—духовное испытаніе.

«Наступленіе войны властно обрываетъ обезпеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствіе за себя. Согласенъ я или не согласенъ; готовъ или не готовъ—я призванный участникъ дѣла. Это участіе означаетъ, что насталъ для меня

часъ принять лишенія, вѣроятно, тяжелыя физическія мученія и, можетъ быть, смерть.

Война какъ будто говоритъ мнѣ: «доселѣ ты жилъ такъ, какъ ты впредь жить не будешь; и, можетъ быть, ты вообще больше не будешь жить». И въ большей или меньшей степени этотъ голосъ звучитъ для всѣхъ: и для военныхъ, и для запасныхъ, и для ихъ семей, и для врачей, и для пограничнаго и не пограничнаго населенія. Помимо воли моей, безъ всякаго повода съ моей стороны, въ моей жизни состоялся какой-то переломъ, непоправимая бѣда: передо мною встало начало конца моей жизни.

И въ отвѣтъ на это у человѣка пробуждается инстинктивный протестъ и желаніе отклонить отъ себя эту бѣду. Угроза смерти и мученій будитъ въ душѣ инстинктъ самосохраненія.

Почему я долженъ обрывать мое жизненное дѣло и идти на смерть? Развѣ я отвѣтствененъ за то, что другіе не сумѣли мирно и полюбовно сговориться? Развѣ нельзя было не воевать? И почему эта гнетущая и разрушающая мою жизнь повинность падаетъ именно на меня? Почему остаются дома столь многіе другіе?

Здѣсь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясеніе, но духовное испытаніе и духовный судъ.

«Доселѣ ты жилъ такъ, какъ ты впредь жить не будешь»,—вотъ голосъ войны. Но чѣмъ же я жилъ до сихъ поръ?

Всегда, когда человѣкъ стоитъ передъ лицомъ смерти и видитъ, что будущаго нѣтъ или что онъ безсиленъ передъ нимъ, что онъ уже не строитъ его,—онъ обращается вспять и пересматриваетъ свой жизненный путь. И если это бываетъ даже при стре-

мительномъ наступленіи смерти, когда прошлое проносится вихремъ въ угасающемъ сознаніи, то война вызываетъ этотъ пересмотръ съ особенной силой и отчетливостью.

Стòитъ ли жить тѣмъ, чѣмъ мы живемъ; стòитъ ли служить тому, чему мы служимъ? Война, какъ ничто другое, ставитъ этотъ вопросъ съ потрясающей силой и вкладываетъ въ него простой и глубокій отвѣтъ: «жить стòитъ только тѣмъ, за что стóитъ и умереть». Ибо смыслъ войны въ томъ, что она зоветъ каждаго возстать и защищать до смерти то, чѣмъ онъ жилъ доселѣ, чтó онъ любилъ и чему служилъ. Чтó бы ты доселѣ ни дѣлалъ; чѣмъ бы ты ни занимался; чему бы ни служилъ,—словомъ, чѣмъ бы ты ни жилъ—умѣй умереть за то, чѣмъ ты жилъ. Этимъ война ставитъ передъ человѣкомъ начало отвѣтственности: каждый отвѣчаетъ за то, чѣмъ онъ жилъ и какъ онъ жилъ.

...Война учитъ насъ всѣхъ,—призванныхъ подъ оружіе и не призванныхъ,—жить такъ, чтобы смерть являлась не постылымъ и позорнымъ окончаніемъ озлобленнаго и хищнаго прозябанія; но естественнымъ увѣнчаніемъ жизни, послѣднимъ, самымъ напряженнымъ, творческимъ актомъ ея; чтобы дѣйствительно каждому стоило защищать дѣло его жизни хотя бы цѣною мученій и смерти. И это простое правило сосредоточиваетъ въ себѣ всю вѣковую нравственную мудрость человѣчества. Оно даетъ преодолѣніе смерти потому, что превращаетъ самую смерть въ подлинный актъ духовной жизни.

Война учитъ насъ провѣрять нашу жизнь, ея достоинство, ея качество, ея вѣрность, ея правоту—поставляя ее передъ необходимостью защищать дѣло ея до конца; война учитъ насъ судить и испытывать

жизнь—смертью и превращать смерть въ высшее жизненное и духовное проявленіе. Она указываетъ намъ путь героя и требуетъ, чтобы этотъ путь сталъ общимъ, универсальнымъ; и этимъ она даетъ разрѣшеніе основной жизненной проблемы.

Этотъ путь необходимо предполагаетъ такую жизнь, при которой отказъ отъ нея былъ бы нетруденъ человѣку. Эта духовная естественность и нравственная незатрудненность въ отказѣ отъ жизни недоступны тѣмъ, кто—сознательно или безсознательно—полагаетъ центръ тяжести въ своемъ личномъ удовлетвореніи и благополучіи.

...Духовный смыслъ войны учитъ насъ: «живи такъ, чтобы ты при жизни любилъ нѣчто высшее болѣе, чѣмъ себя». Тогда только ты справишься легко и непосредственно не только съ тѣмъ духовнымъ испытаніемъ, которое несетъ тебѣ война, но и со всякимъ бременемъ жизни. Потому что только тогда ты осуществишь въ душѣ твоей состояніе истиннаго, непоколебимаго удовлетворенія, наполняющаго жизнь радостной, творческой легкостью, и въ то же время—состояніе цѣлостной, нравственной красоты, слагающей духовный образъ героя».

Итакъ, «война учитъ насъ жить всегда такъ, чтобы быть готовымъ встать на защиту того высшаго, которое мы любимъ больше себя».

Что же такое это «высшее»?

«...Духовнымъ достояніемъ, которое дѣйствительно стоитъ защищать всѣми силами, какъ высшее благо, слѣдуетъ признать: во-первыхъ, все то, что создано человѣчествомъ и въ частности даннымъ народомъ въ его духовномъ устремленіи—его науку, его философію, его религію, его музыку, его живо-

пись, его литературу, его театръ, его пѣсню, его архитектуру. Во-вторыхъ, всѣ тѣ живыя силы, которыя создаютъ эти богатства, или могутъ создавать ихъ и создавали бы при другомъ болѣе совершенномъ устройствѣ жизни. Наконецъ всѣ тѣ основныя и необходимыя жизненныя условія и формы, внѣ которыхъ гибнетъ или не расцвѣтаетъ духовная жизнь народа: это—свобода жизни, исканія и созиданія, т.-е. экономическая, политическая и церковная нестѣсненность въ личномъ, групповомъ, національномъ и государственномъ самоопредѣленіи.

Изъ этого достоянія не должна быть изъята и такъ называемая «матеріальная культура». Чтобы жить прекрасно, надо жить свободно: человѣкъ не долженъ притѣснять человѣка. Чтобы жить прекрасно и свободно, народъ не долженъ прозябать впроголодь или платить за пропитаніе неотрывнымъ, цѣлодневнымъ, изнуряющимъ трудомъ».

Ив. Ильинъ. («Духовный смыслъ войны». М. 1915).

Въ четвертомъ отдѣлѣ («Предчувствія и ожиданія») читатель найдетъ еще рядъ замѣтокъ, относящихся къ «проблемѣ войны», но уже тамъ данная проблема рѣшается въ иной плоскости, и это уже не столько проблема войны, сколько проблема мира.

II.

Современная культура при свѣтѣ войны.

Экзаменъ европейской цивилизаціи.

Повліяла ли и какъ повліяла «матеріальная культура» на духъ человѣка?

«Будущіе историки несомнѣнно будутъ разсматривать нынѣшнюю войну, какъ экзаменъ европейской цивилизаціи, какъ генеральный подсчетъ достигнутыхъ ею успѣховъ. И съ этой точки зрѣнія мы отчасти можемъ оцѣнивать событія уже теперь. Жестокое озлобленіе нѣмецкаго общества, захватившее даже передовые умы Германіи, неистовства нѣмецкой толпы и звѣрства нѣмецкихъ войскъ свидѣтельствуютъ о томъ, что ни прогрессъ научный, ни успѣхи матеріальной культуры сами по себѣ не очищаютъ, не облагораживаютъ человѣка.

...Но эта война показала и нѣчто другое: она показала, что изнѣженная культура новыхъ вѣковъ не развратила, не обезсилила человѣка, что въ европейскихъ обществахъ, съ виду столь суетныхъ и извращенныхъ, не изсякла духовная сила,

живы доблесть, безстрашіе, самоотверженіе предковъ. За сто лѣтъ ни одна война не была отмѣчена такимъ героизмомъ, какъ эта. Кто повѣрилъ бы еще вчера, что эти англійскіе лавочники, всецѣло погрязшіе въ наживѣ, что французскіе журналисты и адвокаты, опошленные, казалось, до дна души, обнаружатъ сегодня героизмъ, ничѣмъ не уступающій отвагѣ павшихъ подъ Мараѳономъ?.. Поистинѣ, крѣпко и доброкачественно ядро человѣческаго духа; какъ бы онъ ни былъ загрязненъ извнѣ,—кинь его въ пламень, и, очищенное огнемъ, его ядро вновь засіяетъ золотыми лучами.

И нѣтъ противорѣчія между этимъ вторымъ и тѣмъ печальнымъ наблюденіемъ, но оба они согласно говорятъ намъ о неподатливости, о консерватизмѣ человѣческаго духа, о томъ, какъ мало вліяетъ на него по крайней мѣрѣ внѣшняя выучка и въ сторону добра, и въ сторону зла. Эта война не впервые, но только необычайно разительно доказываетъ, что гуманность европейскаго общества еще весьма поверхностна, но зато столь же поверхностны и пошлость, и растлѣніе, въ которыхъ многіе вслѣдъ за Руссо видятъ органическую болѣзнь культуры».

М. Гершензонъ. («Рус. Вѣд.» № 240 мин. г.).

Европеецъ XX вѣка въ сравненіи съ своими далекими предками.

«Одинъ изъ пріятныхъ сюрпризовъ этой войны, это—неожиданный и, такъ сказать, всеобщій героизмъ, обнаруженный народами, принимающими въ ней участіе. Всѣ считали, что храбрость, физическій и нрав-

ственный закалъ, самоотверженіе, забвеніе своей личности и своихъ интересовъ, способность жертвовать собой и рисковать жизнью—свойственны только народамъ первобытнымъ, не способнымъ разсуждать, сознавать опасность, представлять себѣ страшную пропасть, отдѣляющую эту жизнь отъ другой, совершенно намъ невѣдомой. Люди готовы уже были повѣрить, что настанетъ день, когда войны прекратятся за отсутствіемъ солдатъ... Повѣрить этому было тѣмъ естественнѣй, что по мѣрѣ того, какъ жизнь принимала все болѣе смягченныя формы, а нервы пріобрѣтали все большую чувствительность, средства разрушенія становились все болѣе жестокими, безпощадными, неотвратимыми. Представлялось все болѣе вѣроятнымъ, что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи будетъ больше выносить адъ и ужасъ битвы, и что послѣ первыхъ гекатомбъ воюющія арміи, охваченныя непреодолимою паникой, обратятся въ бѣгство.

И вдругъ, къ нашему удивленію, мы видимъ совершенно противоположное! Мы убѣждаемся, что до сихъ поръ имѣли неправильное понятіе о человѣческомъ мужествѣ...

Мы считали его качествомъ исключительнымъ. Если мы углубимся въ исторію, то она только подтвердитъ это мнѣніе. Припомнимъ, напримѣръ, героевъ Гомера, посмотримъ на нихъ вблизи. Эти первые профессіональные воины, эти первые храбрецы, послужившіе образцомъ для всего древняго міра, въ сущности вовсе не были такими храбрецами. Они боялись ударовъ, боялись ранъ и еще больше—смерти. Ихъ великія сраженія, носившія, прежде всего, декоративный характеръ, не были особенно кровопролитными: тамъ больше шумѣли, чѣмъ дѣйствовали, и больше разговаривали, чѣмъ дрались. Затѣмъ, всякая война разрѣшалась въ то вре-

мя двумя или тремя выдающимися моментами, огромнымъ напряженіемъ, продолжавшимся нѣсколько часовъ, самое большее—день, въ теченіе котораго разряжались вся энергія, весь героизмъ, накопившіеся въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ приготовленій и ожиданій. Послѣ побѣды или пораженія все было кончено: наступалъ отдыхъ, возвращались къ домашнему очагу. Искушать судьбу больше одного раза не полагалось. И всякому было извѣстно, что въ самомъ ужасномъ сраженіи всегда имѣется 20—30 шансовъ противъ одного—избѣжать смерти.

...Вообще же наши предшественники казались гораздо сильнѣе насъ. Это были суровые, строгіе люди, близкіе къ природѣ. Мысли у нихъ были простыя. Они привыкли къ физическимъ страданіямъ, усталости и несчастнымъ случаямъ. Но едва-ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что они способны были бы вынести то, что вынесли наши солдаты, и совершить то, что они совершили.

Не имѣемъ-ли мы права заключить изъ этого, что цивилизація, вопреки тому, чего такъ опасались, не только не энервируетъ, не развращаетъ, не ослабляетъ, не уменьшаетъ, не принижаетъ человѣка, а напротивъ возвышаетъ его, очищаетъ и укрѣпляетъ, облагораживаетъ, дѣлаетъ его способнымъ къ жертвамъ, къ великодушію, къ подвигамъ, которыхъ онъ раньше не зналъ? Дѣло въ томъ, что цивилизація, даже тогда, когда она, повидимому, портитъ человѣка, повышаетъ его интеллигентность. А интеллигентность, въ дни испытаній, это—гордость, благородство, героизмъ въ дѣйственности.

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ состоитъ неожиданное и бодрящее откровеніе этой ужасной войны: мы окончательно можемъ разсчитывать на человѣка, имѣть

къ нему полное довѣріе и не бояться, что, удаляясь отъ первобытной грубости, онъ теряетъ свои мужскія добродѣтели. Чѣмъ больше онъ побѣждаетъ природу, тѣмъ больше онъ становится способнымъ, самъ того не зная, къ отказу отъ самого себя, къ жертвамъ для другихъ, тѣмъ больше онъ начинаетъ сознавать, какъ мало значитъ онъ въ сравненіи съ вѣчною жизнью предковъ и потомковъ.

Что человѣкъ выдержитъ такое серьезное испытаніе, до войны не смѣли и мечтать. Поставленъ вопросъ о всей будущности человѣчества. И великолѣпные отвѣты, стекающіеся со всѣхъ сторонъ, даютъ намъ полную увѣренность въ благопріятномъ исходѣ другой борьбы, болѣе грозной, ожидающей насъ впереди, борьбы, въ которой мы будемъ сражаться уже не съ подобными намъ, а съ таинственными силами, жестокими и могущественными, которыя природа держитъ противъ насъ наготовѣ. Если правда, что человѣчество стоитъ той суммы героизма, которую оно заключаетъ въ себѣ, то можно утверждать, что оно никогда не было сильнѣе и лучше, и что оно достигло въ настоящую минуту одного изъ тѣхъ возвышенныхъ пунктовъ, находясь на которомъ оно можетъ на все дерзать, на все надѣяться.

Вотъ съ чѣмъ мы, среди всѣхъ нашихъ печалей, можемъ поздравить другъ друга, вотъ чему мы имѣемъ право радоваться».

Морисъ Метерлинкъ. (Перев. «Бирж. Вѣд.»).

«Гнилой Западъ» по даннымъ новаго діагноза.

«...Въ исторіи еще не было цивилизаціи, достигавшей такой мощи,—какъ по внѣшнему, количественному

масштабу, такъ и по силѣ духовнаго вліянія. Если мѣщанство,—«любовь къ мѣсту», amor loci, и вѣра въ его незыблемость, желаніе «устроиться на землѣ» прочно и съ комфортомъ,—если мѣщанство потенціально всегда присутствуетъ въ человѣкѣ и духовно его подстерегаетъ, то положительная его энергія никогда еще не была такъ велика, какъ теперь, и поэтому новоевропейскую эпоху въ исторіи слѣдуетъ опредѣлить какъ мѣщанскую по преимуществу: быть-можетъ, это не просто упадокъ, грѣхъ, заблужденіе, безсиліе грѣховной природы человѣка безнаказанно вынести бремя цивилизаціи, но и неизбѣжная духовная жертва, уплачиваемая человѣчествомъ ради достиженія еще невѣдомой исторической цѣли.

Въ эволюціонный кругозоръ мѣщанства не входитъ идея катастрофы, гибели, землетрясенія; напротивъ, всѣмъ существомъ своимъ оно ее отрицаетъ, забывая, что подъ тонкимъ слоемъ застывшей лавы скрывается пламя, и что человѣческая мощь ограничивается только поверхностью. Но вотъ нежданное, невѣроятное произошло. Совершается катастрофа, опрокидывающая сдѣланныя доселѣ выкладки и расчеты... Сразу устарѣли всѣ руководства исторіи, соціологіи, политической экономіи, соціальной политики, статистики. Начался всеобщій пожаръ комфорта и цивилизаціи. «Производительныя силы», темпъ развитія коихъ такъ увѣренно предрасчисляла экономическая наука, сгораютъ въ огнѣ великой войны. Объятъ пламенемъ міровой капитализмъ. Что же предъ лицомъ этого пожара можетъ сказать вѣра въ эволюцію, основанная на убѣжденіи въ прочности и несгораемости зданія, въ невозможности проваловъ и перерывовъ въ ходѣ развитія?

Конечно, вполнѣ возможно причинно и эволюціонно объяснять и происходящее нынѣ, но вѣрно то, что тепе-

решній поворотъ исторіи совершенно не предполагался эволюціонными схемами, является для нихъ катастрофическимъ сюрпризомъ. Самые смѣлые, считавшіе себя революціонерами, эволюціонисты мечтали лишь о захватѣ власти и перераспредѣленіи благъ. Происходитъ же нѣчто гораздо болѣе потрясающее, чѣмъ всѣ бывшія доселѣ революціи. Была Бельгія — fuit Belgica, «промышленная», соціалистическая, кооперативная, представлявшая собой гнѣздо мѣщанскаго уюта въ Европѣ; она давала основу для разныхъ заключеній о настоящемъ и будущемъ капиталистическихъ странъ, о «соціализмѣ въ дѣйствіи». И вотъ нынѣ та же Бельгія, но уже бездомная, скитающаяся, лишенная своего м ѣ с т а, въ прочность котораго вчера еще такъ крѣпко вѣрилось; не пощажены ея «производительныя силы», погублена промышленность, стали фабрики и кооперативы, и будущее превратилось для нея въ какую-то зіяющую дыру, темную загадку.

Не есть ли эта неповинная и великодушная жертва войны лишь наиболѣе яркій символъ того, что происходитъ нынѣ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ? Не совершается ли и съ нимъ, хотя въ малой степени, той же потери чувства мѣста, вѣры въ его прочность, незыблемость, составляющей духовную опору мѣщанства? И такое д у х о в н о е о с в о б о ж д е н і е,—и б о э т о, н е с о м н ѣ н н о, е с т ь о с в о б о ж д е н і е,—п р и н о с и т ъ с ъ с о б о й м і р о в а я в о й н а. Своимъ нещаднымъ молотомъ богъ войны разрушаетъ кровли уютныхъ домиковъ, въ которыхъ устроилось человѣчество, и оставляетъ людей снова подъ кровомъ бездоннаго неба. Онъ совлекаетъ мѣщанина съ европейца, иногда прямо сдирая съ него кожу, и тогда предъ изумленнымъ міромъ предстаетъ средневѣковый рыцарь, который, оказывается, не умеръ, а только притаился въ европейскомъ бюргерѣ.

Европа еще духовно жива, мѣщанство оказалось болѣзнью, которая не затронула жизненныхъ органовъ; такова радостная, благая вѣсть этой войны. Тамъ, гдѣ видѣлось порою словно духовное кладбище, царство комфорта и цивилизаціи, невѣрія и расчета, нынѣ вспыхнуло пламя, испепеляющее многое изъ того, что достойно сожженія, и отдѣляющее шлаки отъ чистаго металла.

Чѣмъ же совершается это освобожденіе, какою силою вызвано это начало духовнаго воскресенія? Что оказалось сейчасъ для европейскаго человѣчества сильнѣе, нужнѣе, спасительнѣе его цивилизаціи, его науки, его техники? Пусть странно, а для многихъ дико прозвучитъ мое слово, но скажу его: это воскрешеніе приносится смертью, откровеніемъ смерти. Надъ міромъ стала смерть, о которой забыли или, вѣрнѣе, хотѣли забыть, и, какъ небесный благовѣстъ, какъ предвѣстіе грозной трубы архангела, зазвучала въ сердцахъ ея вѣсть.

Смерть старательно изгонялась изъ мѣщанскаго обихода. Было стремленіе духовно отгородиться отъ смерти, по крайней мѣрѣ, возможнымъ устраненіемъ ея мистики и самой мысли о ней: смерть разсматривалась, какъ непріятный біологическій эпизодъ, а не какъ грань, мѣсто встрѣчи двухъ міровъ, новое рожденіе. Смерть есть тихій свѣтъ истины, предъ которою блекнутъ всѣ ложныя цѣнности. Этотъ свѣтъ пытались закрыть или затемнить разными подложными цѣнностями, но пламя вѣчности снова вспыхнуло надъ міромъ.

Война неимовѣрно приблизила къ сознанію смерть, сдѣлала ее реально ощутимой, а это означаетъ не что иное, какъ то, что мірочувствіе эволюціонно-мѣщанское должно уступить мѣсто религіозно-трагическому. Жизнь есть тра-

гедія, великая очистительная жертва,—это религіозное сознаніе, которое пытался заглушить и притупить эволюціонизмъ своими надеждами на будущій миръ и всеобщее счастье, теперь неизбѣжно становится всеобщимъ. Не экономическое пониманіе исторіи, но мистическое пониманіе самой экономики; не утилитарные интересы, личные или классовые, но святыня и радость жертвы и тайна жертвы,—вотъ чему учитъ современная исторія, вотъ что вдругъ стало жизненной правдой для Европы и, въ частности, Бельгіи.

Никто не знаетъ, насколько глубоко пройдетъ и всесторонне совершится это возрожденіе, но несомнѣнно, что своды духовной темницы уже разрушены, и надъ головами показалось синее небо».

С. Булгаковъ. («Война и русское самосознаніе». М. 1915.)

Новоевропейская цивилизація передъ судомъ науки.

До сихъ поръ современную западную цивилизацію «экзаменовали» историкъ, поэтъ-мистикъ и—мистически же настроенный—славянофильствующій мыслитель. Ихъ объединяетъ то, что всѣ они довольно оптимистически оцѣниваютъ эту цивилизацію и ея вліяніе. Строже, «трезвѣе» отнесся къ испытуемой офиціальный, присяжный, такъ сказать, «экзаминаторъ»,—представитель науки, спеціально призванной вѣдать цивилизаціей и культурой *). Имѣемъ въ виду извѣстнаго нашего соціолога, **проф. Е. де-Роберти.**

*) Для этого автора понятія цивилизаціи и культуры — почти синонимы. Культура внѣшняя и внутренняя, вмѣстѣ взятыя, съ его точки зрѣнія, повидимому, составляютъ то, что принято называть цивилизаціей.

М. Гершензонъ въ цитированной выше статьѣ писалъ между прочимъ слѣдующее:

«Мы несомнѣнно переоцѣнивали прямое вліяніе науки и техники на нравственную жизнь человѣка, какъ въ смыслѣ повышенія, такъ и въ смыслѣ пониженія ея уровня. Наука и техника хотятъ и должны быть объективными, не знать добра и зла; положите передъ собою рядомъ губительную разрывную пулю и маленькую ампулу спасительной вакцины: онѣ обѣ съ равнымъ тщаніемъ изготовлены наукой и техникой. Наука и техника даютъ намъ въ руки острое и бездушное орудіе: нужно, чтобы нравственное сознаніе человѣчества, развивающееся независимо отъ нихъ, научилось владѣть этимъ орудіемъ умѣло и употреблять его только на благо, а не на зло. Такъ человѣкъ умѣетъ своимъ дыханіемъ и грѣть холодное, и остужать горячее, и разжигать тлѣющее, и гасить горящее,—но чтобы владѣть дыханіемъ, ему даны разумъ и воля».

Мнѣніе проф. де-Роберти. («Бирж. Вѣд.» № 14775) вытекаетъ изъ совершенно иного, противоположнаго воззрѣнія на условія развитія нравственности.

«...Міровая война, съ помощью «огромнаго прожектора многомилліонной человѣческой совѣсти», если можно такъ выразиться, сразу обнаружила и ярко освѣтила скрытые дефекты, тайные недочеты, глубокіе изъяны той самой цвѣтущей цивилизаціи, которою вступившее въ XX вѣкъ христіанской эры человѣчество такъ безмѣрно гордилось.

Чтобы ближе подойти къ сколько-нибудь научному объясненію такого, если не полнаго краха, то, по крайней мѣрѣ, серьезнаго и опаснаго кризиса современной культуры, надо, очевидно, дать себѣ, прежде всего, ясный отчетъ въ томъ, что такое культура и изъ какихъ

существенныхъ элементовъ, или главныхъ факторовъ, она всегда и всюду слагается и состоитъ.

...Если положенія современной соціологіи сколько-нибудь обоснованы и вѣрны, то изъ нихъ съ неоспоримой силой вытекаетъ выводъ, что первоисточникомъ и краеугольнымъ камнемъ культуры является знаніе. Судьба его уже точно предопредѣляетъ собою судьбу всѣхъ остальныхъ факторовъ прогрессивной эволюціи (какъ «функцій» знанія) — міропониманія (религіи и философіи), искусства и техники, понимаемой здѣсь въ смыслѣ всякаго поведенія, всякой практической дѣятельности. Знаніе всюду становится мѣриломъ, а просвѣщеніе людей—синонимомъ цивилизаціи. И такимъ образомъ, изслѣдованіе недостатковъ или недочетовъ данной культуры естественно сводится къ изслѣдованію прорѣхъ или пробѣловъ соотвѣтствующаго знанія.

Приложимъ этотъ безошибочный и, во всякомъ случаѣ, наименѣе ошибочный критерій къ оцѣнкѣ современнаго состоянія интересующей насъ европейской цивилизаціи. Дѣйствительно-ли она такъ высока и интенсивна, какъ обыкновенно думаютъ? Или мы тутъ стали жертвой своеобразной умственной иллюзіи, глубокаго самообмана, разсѣять который могутъ только жестокія внѣшнія и внутреннія, нравственныя потрясенія, въ родѣ тѣхъ, что переживаются въ эту скорбную минуту многими сотнями тысячъ, если даже не милліонами людей?

...Если мы спросимъ себя, въ какомъ состояніи находится необозримая масса знаній, составляющая прочный фундаментъ, на которомъ покоится кичащаяся своимъ высокимъ уровнемъ и прямо-таки влюбленная въ себя современная культура, то нашимъ глазамъ представятся двѣ ярко противоположныя картины.

Съ одной стороны, блестящій рядъ дѣйствительно точныхъ наукъ, но исключительно внѣшней, такъ сказать матеріальной, природы, объединяемыхъ основанной на математикѣ физикой, химіей и біологіей, открывшими значительное число естественныхъ законовъ и выработавшими технику, пониманіе которой и примѣненіе не возбуждаютъ ни въ комъ сколько-нибудь серьезныхъ или принципіальныхъ разногласій. А, съ другой стороны, безпорядочный, безсистемный конгломератъ чисто эмпирическихъ знаній, посвященныхъ изученію огромной естественной области, имѣющей для насъ такую первостепенную важность, что мы считаемъ ее второй половиной природы и, въ отличіе отъ первой, называемъ ее природой внутренней, безконечнымъ царствомъ духа. Сюда входятъ всѣ общественыя, психологическія, историческія знанія и, въ томъ числѣ, если не на первомъ, то все-таки на очень почетномъ мѣстѣ этика, экономика и право. И вотъ, эти-то разрозненныя знанія пытается объединить въ настоящее время, но объединяетъ только номинально и въ глазахъ лишь небольшой группы мыслителей, не настоящая, зрѣлая, «дѣйствительная» точная наука, а лишь, такъ сказать, «кандидатка» въ такія науки,—соціологія. Но ни она, ни группирующіяся около нея описательныя отрасли знанія еще не открыли законовъ «духа и общественности», и, само собою разумѣется, не выработали соотвѣтствующей техники, всѣхъ одинаково связывающей, для всѣхъ равно обязательной. Такую единую и однообразную «технику» замѣняетъ здѣсь довольно пестрая и разнообразная «практика», руководимая и объединяемая, въ извѣстной мѣрѣ, лишь обычаемъ, навыкомъ, традиціей, рутиной.

Такимъ образомъ, въ самомъ фундаментѣ современной культуры существуетъ и замѣчается широко зіяю-

щая брешь. Мы, въ сущности, имѣемъ дѣло не съ одной, а съ двумя культурами: съ культурой внѣшней, матеріальной, дающей намъ власть надъ физическими, химическими, а въ послѣднее время и біологическими силами природы, и преслѣдующей, какъ конечныя цѣли свои, богатство, достатокъ, а въ послѣднее время также здоровье и долговѣчность; и съ культурой внутренней, духовной, призванной дать намъ власть надъ сверхорганическими силами природы, т. е., въ дѣйствительности, «надъ нами самими», или еще «надъ звѣремъ въ насъ», и преслѣдующей, какъ свои конечныя цѣли, общественную свободу, правду, равенство и тому подобныя блага и цѣнности, кажущіяся еще многимъ неосуществимыми химерами.

Первая культура, внѣшняя, физическая, матеріальная, сильна, значительна, устойчива, какъ та гранитная скала, — точнѣе, научное знаніе, — на которой она воздвигнута. А вторая культура — внутренняя, духовная, общественая—слаба, малоцѣнна, неустойчива, какъ та груда строительнаго матеріала—эмпирическое знаніе, изъ котораго мы только собираемся сложить для нея какой-нибудь фундаментъ. Здѣсь, въ этой области, царятъ еще многіе вредные и опасные предразсудки. Между «нравственной» культурой и такъ-называемой «умственной», проводится рѣзкая грань, роется пропасть, одна противополагается другой; сплошь и рядомъ утверждаютъ, что первая питается совершенно иными источниками, чѣмъ вторая. Фактически это вѣрно, ибо въ послѣдней этими источниками пока еще остаются жалкія, эмпирическія полузнанія; но теоретически положеніе это—ложно и не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Защитники его не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое нравственность или, точнѣе, нравстенное поведеніе. Они

не видятъ, что это поведеніе — только **техника соціальнаго знанія**, которая въ настоящее время, само собою разумѣется, является столь же неудовлетворительной и слабой, какъ и породившая ее причина.

Но если это такъ, нельзя безъ улыбки, правда, очень грустной, внимать восторженнымъ дифирамбамъ, все еще слагаемымъ въ честь головокружительной по своей высотѣ культуры XX вѣка; нельзя и наивно удивляться тому, что эта «великая» культура была вдругъ омрачена такимъ событіемъ, какъ міровая война, со всѣми ея ужасами, рѣками крови, горами труповъ, матеріальнымъ разореніемъ огромнаго количества людей и цѣлыхъ государствъ, не говоря уже о массовомъ одичаніи и чудовищномъ озвѣрѣніи, проявленныхъ, къ счастью, лишь одной изъ воюющихъ сторонъ. Величайшій урокъ, который міровая война можетъ дать человѣчеству, будетъ **урокомъ скромности**. Мы обладаемъ не культурой, а, въ лучшемъ случаѣ, только полу-культурой. И упадочныя явленія, которыя иногда пугаютъ европейца и нарушаютъ его самодовольный покой, стали возможными и представляются, дѣйствительно, грозными не потому, что его культура—слишкомъ утонченна, высока, стара и совершенна, а исключительно потому, что она — еще слишкомъ груба, низка, маловозрастна и несовершенна».

Духъ новоевропеизма и германскій геній.

Kultur и Culture.

«Ни одно слово, кажется, не треплется теперь такъ въ тылу великихъ событій, рѣшающихъ судьбы міра, какъ «культура»; этимъ словомъ публицисты перебра-

сываются, какъ мячомъ. Ибо передъ нами сейчасъ титаническое столкновеніе двухъ культуръ.

Какъ извѣстно, нѣмцы говорятъ о культурѣ, какъ о неотъемлемой привилегіи германскаго народа, какъ о привилегіи, дающей имъ не только право, но и обязанность стремиться къ міровой власти. Франція и Англія тоже высоко цѣнятъ культуру. Очевидно, одно и то же слово совершенно разно понимается.

Нѣмцы пишутъ слово «культура» такъ: Kultur, а французы и англичане — Culture. Самый поверхностный анализъ покажетъ намъ, что между «Kultur» и «Culture» есть разница не только въ транскрипціи. Если же заглянемъ глубже, то увидимъ, что носящія эти названія двѣ культуры, двѣ цивилизаціи, одинаково развитыя, одинаково основанныя на высокой матеріальной культурѣ, прямо противоположны по духу своему.

Одна ставитъ въ вершину угла права индивидуума, а другая говоритъ, что индивидуумъ живетъ только для государства. Одна говоритъ объ обязанностяхъ государства къ индивидууму; другая знаетъ лишь обязанности индивидуума къ государству. Одна вѣритъ въ право человѣка; другая признаетъ только право избранной національности. Одна подразумѣваетъ обожествленіе индивидуума, другая — обожествленіе государства. Одна цивилизація — мирная, а другая — военная. Одна говоритъ: «человѣчество брошено на землю, чтобы коллективными усиліями, за дружной работой всѣхъ народностей, побороть природу и создать возможно болѣе счастливое существованіе для возможно большаго числа людей». Другая говоритъ: «человѣчество живетъ, чтобы воевать». Одна усматриваетъ въ природѣ біологическій законъ взаимопомощи, а другая—крайне односторонне понятую борьбу за суще-

ствованіе. Мирная цивилизація признаетъ равенство; военная въ основу своего міровоззрѣнія кладетъ неравенство классовъ, народовъ, націй.

...Такимъ образомъ, подъ словомъ «Kultur» подразумѣется организованная дѣйствующая сила цѣлой націи и достигнутые ею результаты въ гражданской и военной администраціи, въ промышленности, торговлѣ, финансахъ, а отчасти также въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. А «culture» представляетъ собою принадлежность не націи въ цѣломъ, а отдѣльныхъ индивидуумовъ. «Culture» пріобрѣтаетъ національное значеніе только тогда, когда окружающіе по доброй волѣ подражаютъ индивидуумамъ. Цѣлью «culture» является поднятіе умственнаго и нравственнаго развитія индивидуума.

...Нѣмцы имѣютъ теперь очень высокую «Kultur», но «culture» у нихъ развита очень слабо, по всей вѣроятности, меньше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Германія, быть можетъ, сознательно пожертвовала «culture» отдѣльныхъ индивидуумовъ ради «Kultur» цѣлаго государства. Вотъ почему Германія имѣетъ теперь неизмѣнно меньше «culture», чѣмъ не только Франція и Англія, но и Россія. «Culture» означаетъ, прежде всего, извѣстный гуманный складъ ума, она въ очень отдаленной степени связана съ ученостью и даже съ образованіемъ. Испанскій крестьянинъ или итальянскій рабочій могутъ быть, поэтому, болѣе культурны, чѣмъ профессоръ германскаго университета.

...По внѣшней культурѣ обѣ эти цивилизаціи одинаково высоки; обѣ основаны на всеобщемъ обученіи. Но такъ какъ онѣ діаметрально противоположны по своему міровоззрѣнію и міропониманію, то рядомъ ужиться не могутъ. Передъ нами теперь великій, безпримѣрный по своимъ размѣрамъ и,

быть можетъ, послѣдній поединокъ двухъ цивилизацій, двухъ культуръ,—«Kultur» и «Culture».

Діонео («Рус. Записки» XII и «Одес. Листокъ» № 16).

Культъ великаго и культъ колоссальнаго.

«Въ виду взрыва страшнаго насилія, опустошающаго Европу, авторитетные голоса ставятъ вопросъ: не становится ли человѣкъ хуже одновременно съ увеличеніемъ его богатства, знанія, мощи? Несомнѣнно, однако, что наша эпоха исполнила дѣло первостепенной важности—дѣло нравственнаго воспитанія. Ведя въ теченіе двухъ вѣковъ гигантскую борьбу съ природой ради овладѣнія ея сокровищами и уловленія ея силъ, наша цивилизація побѣдоносно боролась со всѣми пороками и учила всѣмъ добродѣтелямъ, которые могли вредить или приносить пользу въ этой борьбѣ. Особенно рѣшительные удары наносила она лѣности. Изъ добродѣтелей она особенно энергично прививала людямъ точность, аккуратность, настойчивость въ исполненіи ихъ обязанностей, духъ солидарности во всѣхъ общественныхъ группировкахъ, какъ незначительныхъ, такъ и крупныхъ, гдѣ приходилось дѣйствовать совмѣстно. Тѣсная взаимная связь, о которой свидѣтельствуютъ въ настоящее время всѣ воюющія націи, показываетъ, какъ силенъ сталъ духъ солидарности въ массахъ. Ни въ одну эпоху это явленіе не обнаруживалось еще въ такомъ обширномъ масштабѣ, какъ теперь. Отсюда слѣдуетъ, что и наша эпоха также поработала для нравственнаго прогресса.

Какъ же случилось, что она оказалась охваченной дикимъ безуміемъ разрушенія и насилія?

Это произошло потому, что, поглощенная созданіемъ дисциплинированныхъ работниковъ, наша эпоха позабыла, что другія страсти, предоставленныя самимъ себѣ, могутъ извратить нравственное чувство массъ. Особенно это слѣдуетъ сказать о спеси, для которой манія колоссальности является одной изъ наиболѣе чудовищныхъ формъ. ...Ибо именно здѣсь кроется конечная причина страшнаго катаклизма, именно въ спеси того народа, который болѣе всего одержимъ страстью къ колоссальному, и эта спесь въ значительной мѣрѣ является плодомъ нашего вѣка.

...Наступило время возстановить въ памяти игнорируемыя позднѣйшими поколѣніями славныя традиціи греко-латинской цивилизаціи. Особенно же важно, если только хотимъ мы изъ знакомства съ прошлымъ почерпнуть силу для исполненія нашего долга по отношенію къ настоящему, напомнить о томъ, что характеризовало латинство въ періоды его наибольшей славы, а именно—о его героическомъ усиліи къ достиженію во всѣхъ областяхъ величія и непобѣдимомъ отвращеніи къ огромности, колоссальности.

Присядемъ подъ колоннами какого-нибудь храма, пройдемъ среди руинъ огромныхъ персидскихъ, вавилонскихъ или ассирійскихъ сооруженій. Какъ ничтожны, малы и незначительны по своимъ размѣрамъ,—сравнительно съ этими колоссальными постройками, гигантскими колоннами, чудовищными каменными громадами, являющимися предметомъ гордости Востока,—Парѳенонъ, Храмъ Согласія въ Джирджентѣ и замѣчательныя созданія греческой архитектуры! Возьмемъ «Иліаду» и «Одиссею». Сравнительно съ восточными эпопеями, съ такими безконечными поэмами, какъ «Рамайама» или «Книга царей,» это совсѣмъ маленькія книги! Каждое Евангеліе есть собраніе рѣчей Іисуса

Христа. А сравните Евангеліе съ рѣчами Будды. Нѣсколько страницъ было достаточно на берегахъ Средиземнаго моря, чтобы изложить цѣлое ученіе, которому суждено было обновить міръ, тогда какъ на крайнемъ Востокѣ для новой религіи потребовались огромные, подавляющіе своими размѣрами фоліанты. Востокъ это—масса, тяжеловѣсность, огромность, повтореніе, многословіе; Греція, это—соразмѣрность, гармонія, воздушность, ясность, сжатость. Первый стремится быть колоссальнымъ, вторая всѣ усилія направляетъ на то, чтобы быть великой.

Между колоссальнымъ и великимъ есть несомнѣнная разница, въ одно и то же время интеллектуальная и моральная. Великое, это—усиліе къ достиженію идеала совершенства, созданнаго человѣческимъ духомъ, это—честолюбивое стремленіе къ преодолѣнію трудности существенно духовнаго характера, имѣющей исключительно внутреннее происхожденіе. Колоссальное, это—усиліе, употребляемое для торжества надъ матеріей и тѣми трудностями, которые она противопоставляетъ нашимъ хотѣніямъ и капризамъ; слѣдовательно, здѣсь дѣло идетъ о преодолѣніи препятствій чисто внѣшнихъ. Не только для того, чтобы создать, но даже для того, чтобы понять и оцѣнить великія творенія въ какой бы то ни было области, требуется строгая умственная дисциплина и очень много скромности, ибо идеалъ совершенства необходимо принимать какъ законъ. Колоссальное, напротивъ, есть одна изъ тысячи формъ человѣческой спеси; оно легко доступно пониманію и поклоненію даже грубыхъ и недисциплинированныхъ умовъ.

...Послѣ Греціи жизнь стала непрерывной борьбой между началомъ великаго и началомъ колоссальнаго. Борьба этихъ двухъ началъ проявляется всюду—въ

литературѣ, въ войнѣ, въ политикѣ, въ торговлѣ и промышленности. Всюду и всегда были и будутъ люди, народы, эпохи, которые хотѣли и будутъ хотѣть творить великія вещи, и другіе, которые хотѣли и будутъ хотѣть дѣлать вещи колоссальныя. Оглянемся вокругъ себя: развѣ не испытываемъ мы послѣдствій безконечнаго кризиса, среди котораго бьется весь міръ?...

...Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ страсть къ колоссальности болѣе или менѣе овладѣла всѣми народами Европы и Америки, и, къ сожалѣнію, одинъ изъ нихъ оказался совершенно ослѣпленъ ею. Природа, повидимому, одарила его импульсивной энергіей, легко доводящей его до эксцессовъ. Чувство мѣры, духъ самоограниченія, точность — всегда были ему глубоко чужды. Въ немъ, видимо, заложенъ запасъ мистицизма, непобѣдимаго и толкающаго его на поиски безконечнаго во всемъ, что есть смутнаго, неяснаго, неопредѣленнаго. Онъ одержалъ блестящіе побѣды въ двухъ счастливыхъ войнахъ; въ его обладаніи оказалась земля, богатая желѣзомъ и углемъ,—преимущество весьма цѣнное въ вѣкъ, когда желѣзо изъ скромнаго слуги человѣка превратилось въ властелина міра. Кончилось тѣмъ, что онъ взомнилъ о себѣ какъ о народѣ избранномъ, какъ о соли земли, какъ о сокровищѣ міра, и сплошь и рядомъ сталъ употреблять слово колоссальный для выраженія высшихъ ступеней совершенства. Но онъ не замедлилъ сдѣлаться ненасытнымъ, безпокойнымъ, подозрительнымъ, завистливымъ, какъ всѣ спесивцы, мечтающіе о колоссальныхъ вещахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, могли ли быть счастливы и довольны народъ или цѣлая эпоха, поставившіе себѣ цѣлью всегда и во всемъ подниматься выше ступеней, достигнутыхъ уже другими? Счастье обрѣтается въ

стремленіи къ опредѣленной цѣли и въ сознаніи дѣйствительнаго приближенія къ ней. Народъ и эпоха, которые хотятъ творить великія вещи, еще могутъ добиться нравственнаго удовлетворенія и тѣмъ самымъ стать довольными и счастливыми, поскольку это вообще возможно въ нашемъ мірѣ; ибо идеалъ совершенства есть цѣль опредѣленная и точная, къ которой возможно приближеніе. Но эпоха и народъ, которые стремятся къ созданію вещей все болѣе и болѣе колоссальныхъ, обречены на вѣчное движеніе за предѣлы достиженій, т.-е. въ безграничность, до тѣхъ поръ, пока не совершатъ какого-нибудь безумнаго акта. Потому-то всѣ цивилизаціи, стремившіяся къ колоссальности, развиваясь въ атмосферѣ вѣчной тревоги, кончали крушеніемъ среди внезапныхъ и странныхъ катастрофъ, и потому же мы можемъ поставить вопросъ: не суждено ли намъ еще разъ стать свидѣтелями одной изъ такихъ трагедій?..

...Не нужно никогда забывать одного: только пройдя черезъ рядъ испытаній, среди которыхъ народы сумѣли сохранить свою жизнеспособность, они могутъ сохранить и жизненность началъ цивилизаціи, самостоятельно ими созданныхъ или заимствованныхъ у другихъ. Да, наши предки создали много великихъ вещей. Они построили Парѳенонъ, Пантеонъ, Венецію и Версаль; они создали имперію, церковь, право, философію и декоративное искусство XVIII вѣка; они сдѣлали Революцію. Какую цѣнность все это имѣетъ отнынѣ? Чувство величія, составляющее основную черту латинства, задушено азіатской маніей колоссальности; количество восторжествовало надъ качествомъ; прогрессъ, т.-е. заслуги народовъ, измѣряли не иначе, какъ растущими колоннами статистическихъ цифръ. Франція, какъ міровая страна, дольше другихъ противостояла

этому теченію, и очень многіе на этомъ основаніи признавали ее страной одряхлѣвшей. Только потому, что ея торговля и ея населеніе не увеличиваются съ такой же быстротой, какъ населеніе и торговля Германіи, она будто бы обречена на исчезновеніе! Думаете ли вы, что философія, доктрина, теорія могла бы пойти вслѣдъ за этимъ опаснымъ направленіемъ мнѣній, чувствъ и интересовъ (ибо очень крупные интересы связаны съ этимъ теченіемъ), которое увлекло бы всѣ народы и всѣ классы къ отвратительнымъ громадамъ чисто количественной цивилизаціи?

Нѣтъ, нужно было одно изъ великихъ историческихъ событій, которыя одни только и въ силахъ измѣнить идейное направленіе массъ: одно изъ тѣхъ испытаній, при которыхъ сразу же обнаруживается относительная цѣнность принциповъ, одухотворяющихъ два общества».

Гульельмо Ферреро *).

Борьба матеріи съ духомъ.

Изъ президентской рѣчи виднѣйшаго современнаго философа, **Анри Бергсона,** на годичномъ собраніи парижской академіи моральныхъ и соціальныхъ наукъ (напечатана въ «Figaro»).

---

*) Приведенныя слова извѣстнаго итальянскаго историка взяты изъ его рѣчи, съ которой онъ выступилъ недавно, въ качествѣ представителя своей страны, въ Парижѣ—въ Сорбоннѣ—на грандіозной манифестаціи духовнаго братства латинскихъ народовъ. Рѣчь эта въ переводѣ дана журналомъ „Сѣвер. Записки“ (февр. кн.).

«Когда затихнетъ грозный шумъ событій нашихъ дней, что скажетъ философъ, который оглянется на нихъ?

Синтезъ текущихъ событій представится въ слѣдующемъ видѣ.

Девятнадцатый вѣкъ провозгласилъ идею приспособленія науки къ человѣческимъ матеріальнымъ нуждамъ. Идея эта породила гигантскій расцвѣтъ техники: въ теченіе какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ человѣчество создало въ тысячу разъ болѣе орудій, чѣмъ въ теченіе тысячъ лѣтъ своего существованія на землѣ.

Каждая новая машина стала новымъ, искуственнымъ органомъ человѣческаго тѣла, какъ бы продолженіемъ его естественныхъ органовъ. Тѣло человѣка, такимъ образомъ, сразу выросло; душа же не могла расшириться достаточно быстро, чтобы объять это новое тѣло,—поспѣть за его внезапнымъ ростомъ. Изъ этого несоотвѣтствія возникъ рядъ проблемъ нравственныхъ и соціальныхъ, которыя различные народы, чтобы заполнить пробѣлъ, пытались разрѣшить, стремясь къ бо́льшей свободѣ, братству и справедливости.

Въ то время, какъ лучшіе умы человѣчества заняты были огромнымъ трудомъ спиритуализаціи косной матеріи, одухотворенія жизни, низшія, можно было бы сказать—«адскія» силы производили обратный опытъ.

Что сталось бы, если бы механическія силы, вызванныя и направленныя наукой, сами овладѣли человѣкомъ, чтобы свести его къ голой матеріальности? Что сталось бы съ міромъ, если бы этотъ механизмъ внезапно овладѣлъ человѣчествомъ и если бы народы, вмѣсто того, чтобы расти свободно, каждый въ своей самобытности, впали въ однородность, какъ вещи? Что сталось бы съ человѣчествомъ, если бы грубая сила за-

мѣнила нравственную силу? Какое новое варварство, на этотъ разъ уже окончательное, вышло бы отсюда, чтобы подавить всѣ чувства, идеи, даже цивилизацію, которую старое варварство несло въ зачаткѣ?...

...Произвести такой опытъ взяла на себя Пруссія, сумѣвшая толкнуть на путь механическаго развитія всю Германію. Механизмъ административный и механизмъ военный поджидали только механизмъ индустріальный, чтобы вступить съ нимъ въ тѣснѣйшую связь. Соединеніе получилось — и чудовищная машина поднялась.

Здѣсь обрѣлъ полное торжество принципъ всеобщей механизаціи жизни. Вмѣсто одухотворенія матеріи, такимъ образомъ, матеріализовался и механизировался человѣческій духъ.

Побѣда Германіи надъ Европой была бы побѣдой матеріи надъ духомъ. Вотъ первая мысль, навѣянная нынѣшней войной. Но судьба судила иное: сила духа, которую хотѣли подчинить грозному давленію механики, сама породила матеріальную мощь: маленькій народъ оказался способнымъ выдержать борьбу съ огромной имперіей. Въ людяхъ заговорило чувство справедливости, творящее чудеса: страна, имѣвшая донынѣ только флотъ, выставила милліонъ солдатъ; нація, раздираемая внутренними распрями, въ теченіе одного дня превратилась въ крѣпко спаянное цѣлое.

Съ этого момента исходъ борьбы не подлежалъ сомнѣнію. Передъ нами два лагеря: съ одной стороны— техника, машина, нѣчто готовое, застывшее, съ другой—жизнь, творческая сила, мѣняющаяся и совершенствующаяся ежеминутно. Съ одной стороны, то, что подвергается порчѣ, гибели, съ другой—то, что неистребимо. И, дѣйствительно, машина не выдержала испытанія и сломалась.

Къ сожалѣнію, она сломала при этомъ множество молодыхъ прекрасныхъ жизней. Но неумолимый законъ требуетъ, чтобы духъ наталкивался на сопротивленіе матеріи, чтобы жизнь двигалась впередъ, разрушая живое,—черезъ трупы, чтобы великія моральныя побѣды покупались цѣною крови и слезъ. На этотъ разъ жертва должна быть столь же плодотворна, какъ и прекрасна.

Смерть дала рѣшительное сраженіе жизни; она собрала всѣ свои силы и орудія—и жизнь побѣдила. Человѣчество цѣною матеріальныхъ жертвъ и физическихъ страданій спасло себя отъ моральнаго паденія, которое было бы его гибелью».

Что далъ міровой культурѣ германизмъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ беремъ изъ статьи французскаго ученаго **Эмиля Бодреро** «Finis Germaniae», съ которою познакомилъ русскихъ читателей П. Рыссъ въ «Днѣ» (№ 339 мин. г.).

«...Германіи суждено быть побѣжденной, ибо ея назначеніе въ исторіи цивилизаціи закончено. Она оказала человѣчеству грандіозныя услуги—и принуждена уступить мѣсто другимъ. Гибнетъ не милитаризмъ только: гибнетъ цѣлая эпоха исторіи, и потрясенное человѣчество присутствуетъ при декадансѣ «могучей цивилизаціи». Въ чемъ же дѣло?

Гегемонія, какова бы она ни была, неизмѣнно опирается на нѣкое идеальное содержаніе. Міръ зналъ рядъ гегемоній. Аѳины дали человѣчеству познаніе самого себя, Римъ—идеалъ права и государства; папство — христіанскую мораль; средневѣковая имперія — власть

и іерархію; французская революція—соучастіе народа въ управленіи государствомъ. Каждая изъ этихъ гегемоній поддерживалась силой, чтобы повелѣвать. И каждая умирала, закончивъ свое назначеніе. Умирали естественной смертью, ибо народы, находившіеся подъ гегемоніей, впитывали въ себя опредѣленныя идеи, воплощали послѣднія въ жизнь и — насыщенные — чувствовали потребность въ свободномъ развитіи этихъ идей, соотвѣтственно своему генію и своимъ силамъ. Такимъ образомъ, всякая гегемонія является подготовительной школой для другихъ народовъ. Но лишь только послѣдніе достигаютъ совершеннолѣтія, — какъ они стремятся уйти изъ школы и свободно зажить.

Можно намѣтить рядъ историческихъ цикловъ, каждый изъ которыхъ опирается на общій принципъ, могучій и жизненный, но преходящій. Изъ каждаго такого цикла человѣчество выходитъ обогащеннымъ. Такъ исторія, въ концѣ концовъ, есть «педагогія народовъ», школа мудрости и культуры. Каждой гегемоніи, соотвѣтствуетъ великая иллюзія, иллюзія единства и счастья народовъ. И когда рушатся великія идеи, погибаютъ и иллюзіи, имъ сопутствующія. Одной изъ такихъ иллюзій надо считать мечту о всемірномъ политическомъ господствѣ.

...Послѣдній циклъ — германскій. Вотъ уже столѣтіе, какъ мы находимся въ полосѣ германской культуры, и всѣ мы болѣе или менѣе — дѣти этой культуры. Положительно нѣтъ области человѣческой дѣятельности, въ которой не проявился бы германскій духъ, и нѣмецкій языкъ сталъ необходимъ для людей, желающихъ пріобщиться къ какой-либо дисциплинѣ. Изъ Японіи, Россіи, Соед. Штатовъ, Франціи ѣдутъ въ Германію пріобщиться къ нѣмецкой культурѣ.

Сущность германской цивилизаціи въ томъ, что она — организующая. Это — культура метода, системы, дисциплины. Ея свойство—анализъ, который далъ изумительные результаты. Но для того, чтобы всего достигнуть, необходимо было «подавить интуитивную индивидуальность» человѣка, развивъ въ немъ до безконечности механическую индивидуальность. Ибо только тогда цѣнна идея для нѣмца, если она удовлетворяетъ предшествующему ей анализу. Такъ германская культура превратилась въ «культуру объективности».

Работа индивидуума сводится къ нулю во всемірномъ балансѣ, превращаясь въ автоматическую добродѣтель.

Обратимся, напримѣръ, къ филологіи. Монументальная работа Германіи заключалась въ томъ, что она собрала, пересмотрѣла, классифицировала, распредѣлила и опубликовала весь научный матеріалъ древности. Собранія текстовъ и фрагментовъ, незаконченныя изданія, коллекціи эпиграфовъ и монографій — все это было обработано съ такой точностью метода, словно вся эта исполинская работа сдѣлана одной головой. Такъ во всѣхъ дисциплинахъ. И человѣчество копировало за это столѣтіе германскую организацію и организованность.

...Человѣчество «обновлялось», ликвидируя духъ и мысли конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Всѣ цѣнности человѣчества созидались «объективно», «внѣ метафизики». Это сдѣлалъ германскій духъ, позитивный и анаціональный. Это тоже была «иллюзія прогресса», какъ необходимый стимулъ для работы.

Пересмотръ и реорганизація цѣнностей — совершены. Міръ заимствовалъ у Германіи не ея грубый позитивизмъ («иллюзію прогресса»), а методъ и идею орга-

низаціи, т.-е. прогрессъ. И теперь всѣ услуги, которыя германская культура оказала человѣчеству, закончены. Ибо сверхъ нормъ этой цивилизаціи мыслимы лишь гиперкритика въ мысли и грубый милитаризмъ.

...Итакъ, различные народы использовали урокъ, данный имъ германской культурой, и хотятъ эту послѣднюю приспособить къ своимъ національнымъ особенностямъ. Съ другой стороны, нѣмцы, увлекшись иллюзіями, видя успѣхъ своего метода и своихъ интеллектуальныхъ теченій, стали думать, что ихъ вліяніе на міръ должно стать прямымъ, т.-е. политическимъ.

«И народы возстали». Пока нужно было быть римлянами, чтобы считаться цивилизованными, міръ былъ—римскимъ. Но быть цивилизованными—гораздо больше, чѣмъ быть организованными. Римъ доминировалъ поэтому долго, гегемонія Германіи была недолговѣчна.

Германизмъ слишкомъ насытилъ человѣчество. Всѣ цивилизаціи хотятъ «индивидуализироваться». Подчиняться германской гегемоніи не позволяетъ болѣе исторія. Вотъ почему фатально міръ произноситъ слова: Finis Germaniae!» *).

---

*) Любопытно сопоставить съ словами Бодреро извѣстное, также высказанное недавно, мнѣніе В. Оствальда о той же „организующей способности“ нѣмецкой націи. Въ то время какъ французскій авторъ пророчитъ скорый конецъ германской духовной гегемоніи именно въ силу того, что культура Германіи—организующая, знаменитый нѣмецкій профессоръ въ этой способности своего народа видитъ залогъ прочности и преуспѣянія его культурнаго господства. „Мы должны теперь,—говорилъ онъ,—насадить нашу культуру и примѣнить нашу организаціонную способность во всей Европѣ. И это будетъ въ интересахъ прогресса, ибо остальные народы не обладаютъ такой способностью къ высшей организаціи, какъ нѣмецкая раса, а безъ этой способности невозможно дѣйствительное развитіе культуры“.

Какъ создавалась нѣмецкая духовная гегемонія.

«Питая мечты о всемірномъ владычествѣ и въ то же время находясь посреди культурнѣйшихъ націй, которыя быстрымъ темпомъ прогрессируютъ и развиваются, Германія принуждена была проникнуться особымъ лозунгомъ: не только не отставать отъ сосѣдей, но и во что бы то ни стало ихъ обгонять. Нѣмцы какъ бы забыли, что въ высшихъ областяхъ жизни духа работа и напряженіе человѣческой воли есть только одно изъ условій созиданія, что безъ вдохновенія, безъ озаренія, безъ даровъ свыше, безъ геніальности, совершенно невозможно производить подлинныя духовныя цѣнности.

...Никакая форсировка не можетъ повысить уровень геніальности въ націи. Я даже думаю, что обратно: форсировка неизбѣжно влечетъ пониженіе и паденіе, ибо геніальность—свобода, форсировка же—не-свобода. Въ нѣмецкой культурѣ XIX вѣка мы замѣчаемъ укорененіе любопытнѣйшаго сальеризма. Когда живой потокъ творчества изсякаетъ и начинаетъ бить въ другихъ странахъ, Германія напрягается изо всѣхъ силъ, чтобы создавать суррогаты геніальности, шумомъ «работы» заглушить духовное превосходство другихъ націй, и, если можно, убить въ нихъ ихъ высшее, что возникло въ нихъ по Божьему дару, своими машинными, методологическими, вымученными созданіями. Такъ повторяется въ міровыхъ масштабахъ пушкинская исторія Моцарта и Сальери.

Но какъ ни завистливъ и душевно слѣпъ Сальери, онъ все же не можетъ не чувствовать, что Духа Святого не купишь ни за какую «работу», и потому внутреннюю форсировку онъ все болѣе и болѣе сочетаетъ съ форсировкой внѣшнею, которая даетъ ему воз-

можность если не господствовать въ самомъ дѣлѣ, то хоть утѣшаться иллюзіей первенства и внѣшнимъ образомъ удерживать въ своихъ рукахъ подольше и побольше какія-то общія вожжи въ стремительномъ бѣгѣ европейскаго развитія.

Форсировка внѣшняя есть не что иное, какъ перенесеніе центра тяжести съ качества на количество. ...Въ гордомъ порывѣ во что бы то ни стало «учить», подымать другихъ, а не себя, непремѣнно духовно экспортировать, а не импортировать, Германія закидываетъ всѣ страны свѣта третьесортными, чисто нѣмецкими продукціями, созданными лихорадочнымъ возбужденіемъ больной воли, которая варится въ своемъ собственномъ соку и съ каждымъ десятилѣтіемъ все больше и больше отъединяется отъ міра, все болѣе и болѣе оскудѣваетъ чертами всечеловѣчности и, такъ сказать, внутренно все болѣе и болѣе провинціализируется. И тутъ наблюдается удивительный парадоксъ: въ то время какъ культурное нѣмецкое комми-вояжерство захватываетъ всѣ страны свѣта, и рейсы всякихъ «Сѣверныхъ Ллойдовъ», говоря символически, покрываютъ густой сѣтью всѣ моря и океаны земного шара,— въ это время внутренно германская культура суживается до какихъ-то невѣроятныхъ мелкихъ размѣровъ и забирается въ истинно нѣмецкія щели, явно лишенныя какого бы то ни было общечеловѣческаго значенія».

В. Эрнъ. («Утро Рос.» № 40).

Культура, культивирующая варварство.

Война поставила насъ лицомъ къ лицу съ проблемой культуры, точнѣе сказать—съ вопросомъ о соотношеніи

движущихъ силъ такъ называемаго новоевропеизма и германизма, «духа» и «матеріи», по терминологіи Бергсона. Вышецитированные авторы по разному, съ разныхъ позицій, опредѣляютъ эти силы, главныя «нити» и «пружины» современной культуры, но мы не только хотимъ знать, мы хотимъ и понять, и прежде всего—понять эту неожиданную для всѣхъ, эту гнетущую загадку нашихъ дней, которой однѣми политическими и другими «внѣшними» причинами не объяснить, а именно загадку двуликости германизма: какъ совмѣстить «духъ» и «матерію» самой Германіи, какъ согласовать Германію нынѣшнюю, Германію Вильгельмовъ и Гауптмановъ, Крупповъ и Оствальдовъ, съ «доброй старой» идеалистической «Германіей Канта, Гёте и Шиллера»? И далѣе: какъ могъ моральный упадокъ «націи философовъ, поэтовъ и ученыхъ» дойти до систематическаго варварства, другими словами—какъ могъ въ германцѣ XX вѣка, послѣ болѣе чѣмъ тысячелѣтней культуры, воскреснуть древній тевтонъ?..

Что касается перваго вопроса, то съ одной изъ болѣе серьезныхъ попытокъ отвѣтить на него мы уже познакомились—по рѣчи итальянца Г. Ферреро. Еще болѣе глубокій подходъ къ данному вопросу видимъ въ статьѣ «Трагедія германизма» русскаго автора, Д. Койгена. Основательнѣе другихъ прослѣживаетъ этотъ авторъ психологическую метаморфозу Германіи. Интересенъ еще отрывокъ изъ книжки проф. Крэмба «Германія и Англія». Англійскій историкъ, спеціально изучавшій движеніе пангерманизма, тоже проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на важный для насъ здѣсь фактъ — своей характеристикой духовныхъ стремленій «молодой Германіи».

Наконецъ, нельзя пройти мимо достаточно нашу-

мѣвшей и болѣе чѣмъ достаточно осмѣянной лекціи одного изъ молодыхъ русскихъ философовъ неославянофильскаго толка, В. Эрна—о Кантѣ, а также мимо другого, духовно близкаго къ этой лекціи, доклада, тоже поднятаго на смѣхъ,—именно за «эрновщину», — доклада Г. Василевскаго о томъ, «виновата ли германская культура» и, въ частности, тотъ же Кантъ. Нельзя пройти мимо, чтобы не поставить ихъ рядомъ съ толкованіемъ, предлагаемымъ г. Койгеномъ.

Конечно, экспериментъ съ проведеніемъ прямой линіи, «безпересадочнаго идейнаго сообщенія», между великимъ философомъ и «пушечнымъ королемъ» Круппомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и о чисто доктринерской смѣлости и «прямолинейности», однако далеко не все въ эрновской лекціи укладывается въ рамки идеологическаго курьеза. А что касается г. Василевскаго, то пусть даже правы оппоненты и печатные критики докладчика, что аргументація его «дѣтски»-слаба и что тезисы его мало продуманы и мало раскрыты, все же въ основѣ его сужденій лежитъ большая идея, которую стоитъ выдѣлить. Вообще, замѣтимъ здѣсь кстати, что и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ не чураемся мы спорныхъ, «парадоксальныхъ» взглядовъ, — поскольку въ шаткихъ, хотя бы даже рискованныхъ утвержденіяхъ зрѣетъ здоровое, плодотворное зерно.

Въ частности же, относительно модныхъ теперь попытокъ связать печальную эволюцію нѣмецкой культуры съ именемъ кого-нибудь изъ идейныхъ выразителей и руководителей Германіи *), замѣтимъ, что принятіе нѣкоторыхъ изъ подобныхъ построеній нисколько не мѣшаетъ понимать и признавать историческое зна-

*) „Отъ Канта къ Круппу", отъ Лютера къ Круппу, отъ Канта къ жестокости современнаго нѣмца, „отъ Гете къ Бисмарку", отъ Фихте къ варварамъ, отъ Ницше къ Вильгельму II, и тому подобныя темы.

ченіе этихъ «духовныхъ отцовъ» современнаго германизма гораздо шире приписываемаго имъ въ данныхъ случаяхъ. Вѣдь дѣло собственно не въ томъ, что именно Кантъ, или Лютеръ, или Фихте могли (или не могли) быть хотя бы даже только невольными «воспитателями» уродствъ германизма; центръ тяжести вовсе не въ той или другой личности, а въ томъ, что на германской национальной почвѣ именно тѣ, а не другія идеи и тенденціи ихъ могли такъ прочно привиться и такъ пышно расцвѣсти, заглушая собою иные, болѣе желательные всходы,—болѣе «добрыя» сѣмена тѣхъ же духовныхъ вождей.

Наполеонизмъ вмѣсто христіанства.

Стало уже избитой истиной, что Вильгельму II не даютъ спать лавры великаго корсиканца. Но суть не въ Вильгельмѣ—«маленькомъ Наполеонѣ». По заключеніямъ англійскаго наблюдателя идейной жизни современной Германіи, чуть не вся она заражена маніей наполеонизма, и увлеченіе это, наложившее свою печать и на внѣшній и на внутренній обликъ націи, страны, государства, имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни, чѣмъ можно было бы думать. И такимъ образомъ, съ точки зрѣнія проф. **Крэмба**, германскій имперіализмъ—этотъ трагическій узелъ всѣхъ нитей настоящей войны — представляетъ собою гораздо болѣе сложное психологическое явленіе, чѣмъ казалось *).

---

*) Можно не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что приводимыя далѣе слова проф. Крэмба высказаны были имъ еще до войны, — въ 1913 году,—потому что и здѣсь въ концѣ-концовъ дѣло сводится къ „горизонту войны". Если и не самая война, то предчувствіе ея, ея близости и неминуемости, открыло глаза англійскому изслѣдователю воинствующаго германизма на загадку германской души и на идейную подкладку германскаго имперіализма.

«Отличительнымъ свойствомъ германскаго міровоззрѣнія, благомъ, которое господство этого міровоззрѣнія дало бы человѣчеству, является,—какъ сказалъ бы нѣмецъ, — то, что оно замѣнило бы обманъ истиной въ глубочайшихъ и серьезнѣйшихъ стремленіяхъ человѣческаго ума, что оно поставило бы нѣмецкую искренность на мѣсто британскаго лицемѣрія,— Фауста на мѣсто Тартюфа. А каждый разъ, когда я задавалъ кому-нибудь изъ сторонниковъ этого идеала дальнѣйшій вопросъ: «гдѣ въ исторіи современной Германіи вы видите гарантію, что характеръ этой духовной имперіи будетъ именно таковымъ; развѣ подлинная роль Германіи не заключается въ космополитизмѣ и миролюбіи? развѣ не Гердеръ и Гёте являются у васъ пророками?»—каждый разъ я получалъ неизмѣнный отвѣтъ: «Политическая исторія Германіи, отъ восшествія на престолъ Фридриха въ 1740 году вплоть до настоящаго дня, лишена всякаго значенія, если не разсматривать ее какъ движеніе къ созданію міровой имперіи, необходимымъ вступленіемъ къ которой должна быть война съ Англіей. Точно такъ кривая, которую начертала Германія въ теченіе послѣднихъ полутора вѣковъ въ области религіи и метафизической мысли, отъ Канта и Гегеля до Шопенгауэра, Штрауса и Ницше, было движеніемъ къ созданію новой міровой религіи, новой міровой вѣры».

Но какова собственно роль, которую Германіи суждено (какъ она твердо увѣрена) играть въ исторіи человѣческой мысли въ будущемъ?

Германія на это отвѣчаетъ:

«Намъ предназначено возстановить ту творческую роль въ области религіи, отъ которой вся тевтонская раса отказалась четырнадцать вѣковъ назадъ. Когда

Грецiя и Римъ стали приходить въ упадокъ и творческая сила въ нихъ изсякла, Iудея и Галилея заразили ихъ своимъ мрачнымъ обаянiемъ. Германiю же Iудея и Галилея поразили въ эпоху ея величiя, въ эпоху героизма ея молодости. И Германiя—какъ и весь тевтонскiй народъ — совершили въ пятомъ вѣкѣ великую ошибку. Тевтоны побѣдили Римъ, но, ослѣпленные его авторитетомъ, переняли религiю и культуру побѣжденнаго. Самобытный глубокiй религiозный инстинктъ Германiи, талантъ въ области религiознаго творчества, не получилъ дальнѣйшаго развитiя. Въ теченiе болѣе тридцати поколѣнiй она боролась съ собою и стремилась смотрѣть глазами, которые были не ея глазами, преклоняться предъ Богомъ, который былъ не ея Богомъ, жить мiровоззрѣнiемъ, которое было не ея мiровоззрѣнiемъ, и возноситься къ небу, которое было не ея небомъ.

«Но вотъ семнадцатый вѣкъ наконецъ отбросилъ Римъ; восемнадцатый подорвалъ самую Галилею; Штраусъ закончилъ работу, начатую Эйхгорномъ, и съ началомъ двадцатаго вѣка Германiя, завершивъ свою долгую работу, возвращается къ своему первоначальному генiю, къ своему творчеству въ области религiи и мысли.

«Каково это новое движенiе? Это движенiе, руководящая идея нѣсколькихъ столѣтiй, отъ четырнадцатаго до девятнадцатаго—борьба германской мысли не только съ Римомъ, но и съ самимъ христiанствомъ.

«Отсюда значенiе Ницше. Кантъ подъ старость идетъ на компромиссы; Гегель находитъ абсолютную религiю въ христiанствѣ; Шопенгауэръ обращается на Востокъ и въ возрастѣ тридцати одного года приспособляетъ Упанишады къ западному мышленiю; Давидъ-Фридрихъ Штраусъ, отрицая и отвергая метафи-

зику христіанства, цѣпляется за этику. Но Ницше? Ницше расчищаетъ «накопившійся вздоръ» тысячи двухсотъ лѣтъ; онъ старается вернуть германское воображеніе ко времени Алариха и Теодориха, безъ страха, съ сознаніемъ торжества, подойти къ безднѣ. Такимъ образомъ, въ то время какъ Германія готовится основать міровую имперію, она вмѣстѣ съ тѣмъ готовится создать и міровую религію».

...Великій Кантовскій императивъ былъ порожденъ пораженіями и побѣдами Фридриха; его ученіе сложилось подъ вліяніемъ великихъ страданій, порождено покорностью и горечью, поборовшими философа. Въ новомъ императивѣ слышатся слова болѣе свѣжія:

«Вы слышали, что было сказано въ древнія времена: «Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю». А я вамъ говорю: Блаженны храбрые, ибо они дѣлаютъ землю своимъ престоломъ. И вы слышали людей, говорившихъ: «Блаженны нищіе духомъ». А я вамъ говорю: Блаженны великіе духомъ и свободные умомъ, ибо они войдутъ въ Валгаллу. И вы слышали людей, говорившихъ: «Блаженны миротворцы». А я вамъ говорю: Блаженны творящіе войну, ибо они будутъ названы если не дѣтьми Іеговы, то дѣтьми Одина, болѣе великаго, чѣмъ Іегова».

Это—вѣра молодой Германіи. Преобладающее настроеніе умовъ въ университетахъ, въ арміи, среди наиболѣе культурныхъ элементовъ — направлено въ сторону того, что можетъ быть названо религіей Доблести, въ толкованіи Наполеона и Ницше, — прославленіемъ дѣйствія, героизма, совершенія великихъ поступковъ. Тѣ самые молодые люди, которые съ трепетомъ вспоминаютъ 1813 годъ и видятъ въ Наполеонѣ притѣснителя, они же въ догматѣ Наполеона: ведите

жизнь, исполненную опасностей! — слышатъ пламенный призывъ. . .

...Вліяніе Наполеона на молодую германскую мысль своеобразно и поучительно. Борьба двухъ началъ за властвованіе надъ человѣческими умами (наполеоновскаго принципа подчиненія людей своей волѣ, принципа героическихъ цѣлей—и Христова закона смиренія, самоуничиженія) представляетъ самое значительное духовное событіе двадцатаго вѣка въ Европѣ. Вы встрѣчаетесь съ нею и въ Англіи, и въ Америкѣ, и въ Австріи, и въ Испаніи. Вы встрѣчаетесь съ нею даже въ Италіи. Въ Россіи страстныя выступленія Толстого свидѣтельствуютъ о ея усиливающемся вліяніи. Новое направленіе во Франціи — безсознательный результатъ этой борьбы. Но только въ одной Германіи наполеонизмъ пріобрѣлъ ясность и сущность символа вѣры.

Германцы не забыли 1806 года и послѣдовавшихъ за нимъ годовъ страшнаго униженія; они не забыли нѣмецкихъ рекрутовъ, вынужденныхъ сражаться подъ знаменами своихъ побѣдителей; они не забыли 297,000 человѣкъ германскаго происхожденія, которые, подъ предводительствомъ корсиканца, были вынуждены итти въ 1812 г. противъ Россіи; не забыли они также страшнаго часа, когда судьба Европы, и можно сказать—всего міра, рѣшалась подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Кацбахомъ и Лейпцигомъ. Однако, отрекаясь отъ тирана Германіи и притѣснителя Европы, германцы постепенно проникались все болѣе и болѣе глубокимъ преклоненіемъ предъ вѣрой и религіей, за которую этотъ великій и одинокій умъ все продолжалъ бороться среди горестей и тревогъ, торжества и славы, побѣдъ и пораженій своей трагической и краткой карьеры.

Молодая Германія изучаетъ по сочиненіямъ Трейчке и его послѣдователей наполеонизмъ, освѣщающій политику строгимъ величіемъ. Въ сочиненіяхъ Ницше и его послѣдователей она изучаетъ тотъ же наполеонизмъ, мѣняющій основы повседневной жизни, вдыхающій новый духъ въ этику, преобразовывающій скучную, полу-лицемѣрную мораль прошлаго поколѣнія.

Сожалѣніе о великой ошибкѣ, совершонной въ пятомъ вѣкѣ, вытѣснило всякое другое чувство. Словомъ, Корсика побѣдила Галилею»...

Проф. Крэмбъ. («Германія и Англія». М. 1915).

Отъ законодательства къ завоевательству.

«Люди, привыкшіе судить о германской культурѣ по ея духовнымъ и бытовымъ явленіямъ, стоятъ нынѣ передъ неразрѣшимой загадкой. Откуда это устремленіе нѣмцевъ вовнѣ, что питаетъ германскій натискъ, всю экстенсивность германской энергіи?

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ глубокимъ переломомъ во всемъ волевомъ организмѣ, приведшимъ и къ измѣненіямъ духовнаго склада.

...Самое важное дѣло господствующей нынѣ общеміровой цивилизаціи —положительная оцѣнка и производство матеріальныхъ благъ—не является самобытнымъ продуктомъ нѣмецкаго духа. Англія первая, въ лицѣ своего реформированнаго христіанства, шотландскихъ моралистовъ и политико-экономовъ, радикально измѣнила европейское сознаніе, обративъ его взоръ на хозяйственную дѣятельность и экономическія блага, какъ на центръ жизни. Религія призвана была освятить новый хозяйственный бытъ, мораль—найти оправданіе

ея устремленіямъ, а государственная власть должна была охранять и расширять сферу его вліянія. Внѣшнее устроеніе жизни, вообще внѣшнее въ человѣкѣ совершенно отодвинуло на задній планъ внутренняго человѣка, весь его самодовлѣющій духовный міръ. Англійское сознаніе, а съ нимъ и все цивилизованное человѣчество, стало въ какое-то «естественное» отношеніе ко всѣмъ вещамъ, оно почувствовало себя вполнѣ на твердой почвѣ. Но ни воля, ни умъ нѣмецкій—почти до самаго послѣдняго времени—не были причастны къ этому дѣлу европейской цивилизаціи.

Германскій духъ былъ занятъ внутреннимъ человѣкомъ, его творческими способностями, подчиненіемъ міра вещей, міра естественной необходимости организаторскимъ притязаніемъ человѣческаго ума и человѣческой воли. Что я могу?—первый вопросъ, который носится передъ германскимъ сознаніемъ. Что есть?—занимаетъ его уже во вторую очередь. Надо вдуматься въ это основное отношеніе нѣмца къ міру. Ибо только въ силу него становится понятнымъ какъ натискъ германскаго духа, такъ и свойственная ему слѣпота.

Уже великій кризисъ нѣмецкаго народа,—его реформаціонная эпоха,—обнаруживаетъ коренную черту германской культуры. Имена Лютера и Кальвина суть прямо символическое выраженіе для обоихъ основныхъ устремленій европейской культуры. Изъ, видимо, одинаковыхъ теологическихъ предпосылокъ они дѣлаютъ діаметрально противоположные выводы. Отъ идеи Бога Кальвинъ, а съ нимъ и все англосаксонское христіанство, заимствуетъ представленіе о строгой и желѣзной необходимости всего совершающагося; для Лютера же Богъ—лишь причина и условіе нашей человѣческой свободы.

...Чтобы понять внутреннюю цѣль германскаго духа, слѣдуетъ разъ навсегда обратить вниманіе на религіозные истоки его: непреклонная воля къ независимому бытію. Древній furor teutonicus («тевтонское бѣшенство») нашелъ новое выраженіе въ дѣйственной вѣрѣ. Христіанская вѣра хочетъ, по мысли Лютера, освободить сердца отъ «всѣхъ грѣховъ, законовъ и заповѣдей». Это не значитъ, что міръ человѣческій, что жизнь въ естественной и соціальной средѣ можетъ обойтись безъ грѣховъ, безъ законовъ и безъ заповѣдей. Конкретный, эмпирическій человѣкъ самъ плоть отъ плоти и кость отъ кости этой закованной въ цѣпи необходимости среды. Какъ существо естественное, протестантъ, «человѣкъ-христіанинъ — рабъ всѣхъ вещей и подданный каждаго». Но, въ качествѣ носителя вѣры, идеи, человѣкъ-христіанинъ— «свободный владыка надъ всѣми вещами и ничей подданный».

Напряженіе и экстазъ индивидуальной воли, освобожденіе этой воли отъ тяжести законовъ естественныхъ и соціальныхъ, наконецъ, самодѣятельность ея, какъ признакъ ея существованія—вотъ въ какую сторону устремлена мысль протестантства. Она ищетъ сверхъ-эмпирическій центръ жизни и находитъ его въ дѣйственномъ, почти что метафизическомъ проявленіи человѣческаго «я». Не смиреніе, а подъемъ знаменуетъ фактъ протестантства.

...За предѣлами внутренней активности кончается власть героической вѣры и творческой свободы, и начинается царство всего внѣшняго, рокового. На вопросъ: что есть? германская мысль даетъ пессимистическій отвѣтъ. Человѣкъ здѣсь снова спрашиваетъ себя: что я могу сдѣлать, на что способна проникнутая вѣрою въ себя моя воля и что я, стало быть,

должен, обязан сдѣлать? Не только окружающая среда, но и самъ человѣкъ глубоко раздвоенъ. Это—когда міръ управляется извнѣ и предоставленъ самому себѣ. Но человѣкъ становится царемъ мірозданія, коль онъ отдается самодѣятельности духа, воли.

Изъ такой пессимистической оцѣнки непосредственно данной жизни англо-саксонское, кальвинистическое направленіе въ протестантизмѣ сдѣлало выводъ: что слѣдуетъ довѣриться суровой школѣ жизни: строгое и добросовѣстное выполненіе профессіональныхъ и общественныхъ обязанностей закаляетъ характеръ, ведетъ къ внутренней концентраціи и даетъ силу вынести жизнь. А иногда доставляетъ почетъ и власть и приноситъ удачу. Во всемъ остальномъ—упованіе на Бога или же на неразгаданные законы бытія. Взоръ былъ обращенъ внизъ, гдѣ происходила борьба за существованіе и благополучіе, и гдѣ изъ тысячи сцѣпленій складывается жизнь. Самобытный нѣмецкій духъ не могъ пойти по этому пути. Оставаясь вѣренъ своей основной позиціи, онъ думалъ и продолжаетъ думать и нынѣ, что лишь активность ума и воли, лишь чисто человѣческія, героическія усилія способны укрѣпить его и дать свободу, что лишь этотъ знакомый ему творческій духъ истинно существуетъ и обладаетъ реальностью. Свобода—имманентное выраженіе человѣческой мощи, его конкретной духовной силы. Въ этой вѣрѣ въ свои способности и право на самодѣятельность духа беретъ начало и прославившійся на весь культурный міръ нѣмецкій идеализмъ. Изъ германскаго активнаго христіанства родился германскій активный идеализмъ.

Еще раньше, чѣмъ нѣмецкій идеализмъ нашелъ свое выраженіе въ системахъ философовъ, теологовъ и въ фантастическихъ построеніяхъ романтиковъ, онъ

жилъ въ каждомъ рядовомъ нѣмцѣ, во всѣхъ дѣлахъ и твореніяхъ. И тутъ сказывается та же исконная черта нѣмецкаго характера: видѣть вещи и людей сквозь призму собственнаго умѣнія, сквозь призму ума и воли человѣческой.

Міръ въ глазахъ нѣмца есть міръ мертвый, въ лучшемъ случаѣ вредный и опасный, коль скоро его не коснулась рука человѣческая. На каждой вещи, на каждомъ явленіи онъ ищетъ печать человѣческаго творчества. Въ связи съ такимъ отношеніемъ къ жизни неудивительно, что высшій общепризнанный человѣческій типъ, который создала нѣмецкая культура, символизируется въ словѣ: мастеръ, Meister, обозначающемъ одновременно и строителя, и творца, и учителя. Итальянско-французскому грансеньеру, англійскому джентльмену нѣмецкое сознаніе противопоставляетъ: мастеръ, майстеръ!

Вотъ что послужило поводомъ для многихъ не совсѣмъ вдумчивыхъ умовъ окрасить нѣмецкую культуру въ одинъ мѣщанскій цвѣтъ. Они не замѣтили, что за «мѣщаниномъ» скрывается «мастеръ». И нынѣ чисто духовное творчество въ Германіи—и это вопреки всеобщей индустріализаціи труда — въ меньшей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ или въ Америкѣ, воплотилось въ образѣ простого «дѣла», исключительно «полезной» дѣятельности.

...Нѣмецкій духъ, даже въ самыхъ своихъ незначительныхъ, повседневныхъ проявленіяхъ, героиченъ въ своемъ раскрытіи и конструктивенъ въ своихъ цѣляхъ. Къ самому незначительному и малому въ жизни онъ подходитъ съ этимъ большимъ масштабомъ, что часто и несетъ въ себѣ зародышъ глубокаго комизма. Средства овладѣнія предметомъ по размѣрамъ своимъ обратно пропорціональны важности самого предмета.

Въ этомъ традиціонномъ отношеніи кроется источникъ какъ нѣмецкой основательности, такъ и нѣмецкаго педантизма. Собственная активность, ея методы, пріемы и задачи необходимо перерастаютъ объемъ и значительность объекта.

Нѣмецкая склонность къ конструктивности, къ мастерству и стремленіе германскаго духа къ самодѣятельности, къ героическимъ усиліямъ, предполагающимъ нравственное самообладаніе и самоограниченіе—оба эти явленія суть два полюса одного и того же процесса. Разсудительно-мудрый Гёте и героически-патетическій Шиллеръ—оба поэта одинаково родственны нѣмецкому сознанію. Мастеръ и воинъ—вотъ символы, надъ сліяніемъ коихъ бьется нѣмецкая мысль.

...Какъ бы ни относиться къ обнаруженіямъ традиціоннаго нѣмецкаго духа, должно признать: всѣ они построены по одному плану, въ нихъ всѣхъ есть стиль, проникающій даже въ политическую сферу жизни. Производство и организація государственной власти и чувство власти, какъ абсолютный мотивъ политическихъ стремленій, долго не находили мѣста въ общей германской концепціи. Здѣсь центростремительная сила, которую мы наблюдаемъ и нынѣ въ культурныхъ нейтральныхъ державахъ, преобладала надъ центробѣжными устремленіями великодержавія. Задачу политики видѣли не въ творчествѣ власти и въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ ею, а въ простомъ упорядоченіи общественныхъ силъ и отношеній. Въ качествѣ династической, частно-семейной, эта экстенсивная политика не проникала глубоко въ душу нѣмецкаго народа и не заражала его своимъ воинствующимъ націонализмомъ.

...Убѣжденіе, что культура есть культура научная и иной не бываетъ,—глубоко укоренилось въ нѣмецкомъ сознаніи. Вначалѣ мысль нѣмецкая блюдетъ за тѣмъ,

чтобы духъ не вышелъ за предѣлы автономнаго, абсолютнаго существа, чтобы онъ не оторвался отъ него. Еще Шиллеръ ищетъ «человѣка въ гражданинѣ» и строитъ «государство эстетическое», гдѣ человѣкъ сходится и сталкивается непосредственно съ такимъ же, какъ онъ, человѣкомъ; попросту—жизнь въ обществѣ, жизнь общенія выше государства политическаго, гдѣ человѣкъ поглощается гражданиномъ, гуманизмъ—требованіями государственнаго фатума. Чтобы примирить нѣмецкое сознаніе съ государственною властью, философія конструируетъ государственность по плану разума. Государство—это воплощенный разумъ,—учитъ Гегель,—власть каждаго изъ чиновниковъ опредѣляется его научнымъ цензомъ. Идеалъ Платона, по существу, осуществленъ въ Прусскомъ полицейскомъ государствѣ, гдѣ вся дѣятельность отъ министра до ландрата представляетъ собою одинъ неразрывный силлогизмъ.

Но здѣсь, какъ и въ исторіи народа въ его цѣломъ, разумъ отрывается отъ единичнаго носителя, духъ начинаетъ жить собственною жизнью, поверхъ головъ отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ поколѣній. Будучи вѣренъ своей тенденціи къ независимости, къ обособленію, духъ этотъ начинаетъ тяготиться собственными имманентными законами, онъ становится духомъ фантастическимъ, тоскующимъ по изначальному, органическому единству человѣка и міра, бытія и разума.

...Кантъ (отгадавшій тайну нѣмецкаго духа) углубилъ нѣмецкое сознаніе. Онъ сдѣлалъ открытіе, что даже законы природы диктуются разумомъ, суть продуктъ его творчества. Если есть что-нибудь за предѣлами разумной активности, если и есть міръ сверхъ-человѣческій, какая-то «вещь въ себѣ», то послѣднюю сознаніе наше можетъ игнорировать, въ лучшемъ случаѣ

смотрѣть на нее, какъ на источникъ вѣрованій. Строить свой міръ человѣкъ можетъ и долженъ исключительно средствами своего, человѣческаго духа. Міръ какъ бы начинаетъ жить по законамъ разума, стремится, по крайней мѣрѣ, воплотить свое законодательство. Это и есть міръ культуры.

На мѣсто «естественнаго міропорядка» долженъ быть воздвигнутъ «нравственный міропорядокъ». Кантъ—это Моисей нѣмецкаго сознанія. Вся послѣдующая философія представляетъ собою истолкованіе начертанныхъ имъ истинъ. Мы не знаемъ міра, какъ такового, но мы знаемъ планъ (идеалъ), по которому онъ строится и строиться долженъ, — таковъ конечный результатъ господствующей нѣмецкой мысли.

...Конкретный человѣкъ и, еще въ меньшей степени, человѣчество сами по себѣ цѣны не имѣютъ. И человѣкъ и человѣчество лишь средства для выполненія долга; активный нравственный міропорядокъ, служеніе объективнымъ, общимъ всѣмъ, требованіямъ культуры—высшая цѣль нѣмецкаго гуманизма. Что относится къ отдѣльному человѣку, сохраняетъ свое значеніе и въ жизни націи. Будучи органомъ обособленной, народной культуры, нація однако находитъ свое оправданіе въ созданіи годныхъ для всего человѣчества универсальныхъ цѣнностей. Таковъ нѣмецкій національнализмъ въ формулировкѣ Фихте и Лассаля.

...Казалось, что другой задачи, чѣмъ внутренне проникать въ жизнь народовъ, оплодотворять собою ихъ активныя проявленія, у германской культуры нѣтъ и быть не можетъ. По самому характеру своему она вѣдь универсальна и въ результатѣ создаетъ нѣчто объективное, усвояемое всѣми. Въ этой «внутренней» композиціи видѣли лучшіе изъ нѣмцевъ задачу германскаго духа. Даже Генрихъ Трейчке, воинствующій на-

ціоналистъ Трейчке, считалъ измѣной нѣмецкой традиціи стремленіе все-нѣмцевъ диктовать законы политическаго поведенія всему цивилизованному міру. Достаточно съ насъ внутренней «гегемоніи»,—думали духовные вожди нѣмецкаго народа. И дѣйствительно, до мірового кризиса, переживаемаго нами нынѣ, идея внутренняго оплодотворенія жизни народовъ духомъ германскаго активизма, идея культурнаго экстерриторіализма стала господствующей въ сознаніи даже зауряднаго нѣмца. Но на этой почвѣ назрѣвало первое трагическое столкновеніе конкретнаго германскаго міра съ міромъ другихъ народовъ.

Прирожденный индивидуализмъ и слабость политическихъ государственно-патріотическихъ инстинктовъ предрасположили нѣмца къ роли мірового миссіонера цивилизаціи. Народы неминуемо видѣли въ нѣмцѣ человѣка-педагога, сухого, ограниченнаго человѣка-профессіоналиста. Музыкальной лиризмъ, созерцательность и душевная проблематичность нѣмца ускользнули изъ поля зрѣнія міра. Да и самъ нѣмецъ-колонизаторъ, будучи занятъ своимъ «учительствомъ», подавлялъ въ себѣ внутренніе творческіе ростки. Между нѣмцами и другими народами выросла стѣна взаимнаго непониманія и затаенной ненависти. Вѣря исключительно въ силу нравственно упорядоченнаго активнаго интеллекта, германизмъ сталъ невольно жертвой собственной переоцѣнки и національнаго самомнѣнія. Націоналистическая гордыня овладѣла нѣмецкимъ сознаніемъ. Переломъ во всемъ культурномъ устремленіи германскаго міра сталъ неминуемъ.

Традиціонный германизмъ тяготѣлъ къ идеалу установленія общаго культурнаго уровня среди всѣхъ народовъ. Объективизмъ и универсализмъ духа толкали его на этотъ путь. Національзмъ же заставилъ его

порвать со своей исконной мечтой. Направляющимъ факторомъ въ жизни становилось сознаніе своеобразія. Центръ тяжести культуры перенесенъ былъ изъ области объективнаго гуманизма въ сферу индивидуальнаго устремленія. Учительство смѣнилось натискомъ, воля къ свободѣ и самодѣятельности—стремленіемъ къ власти и опеканію.

Усиленіе свѣтской государственной власти, централизація этой власти и обще-либеральный строй хозяйственной культуры доставляли пищу индивидуалистическимъ, властолюбивымъ инстинктамъ каждаго. Началась ломка всего раціональнаго нравственнаго міропорядка въ пользу энергетическаго, естественнаго.

...По существу требовался человѣкъ-законодатель, организующій по законамъ разума міръ. Германизмъ, какимъ его выработала протестантски-идеалистическая мысль, и есть система законодательная. Но лишь только промышленная и политическая жизнь переросла свою организаціонную, законодательную оболочку, лишь только моментъ завоевательный, завоевательнаго захвата сталъ условіемъ существованія самой промышленно-политической дѣятельности, человѣкъ-законодатель уступилъ мѣсто человѣку-завоевателю. Послѣдній сталъ господствующимъ типомъ.

Избытокъ силъ проглотилъ законъ. Власть возстала противъ свободы, произволъ ополчился на законъ. Внутренняя гармонія германизма немедленно нарушается. Сама германская и съ нею вся принципіально-свѣтская культура подвержена глубокому кризису. Въ самой концепціи германизма перевѣсъ «индивидуализма» надъ «гуманизмомъ», личнаго своеобразія надъ объективизмомъ, закончился кризисомъ самого активнаго устремленія.

...Заколдованный кругъ германскаго активизма готовъ замкнуться. Вмѣсто священной и обще-человѣческой исторіи, предпосылкой культуры должна стать исторія естественная. Разумъ, мораль и религія — все должно найти свое оправданіе передъ лицомъ природы. Автономія воли и разума должна уступить мѣсто автономіи инстинктовъ и наклонностей. Наша плоть, наше естество стремится къ возрожденію. И сама внутренняя свобода, исходное начало нѣмецкаго духа, означаетъ теперь не побѣду надъ міромъ внѣшнимъ, не самодовлѣющее бытіе человѣка, а простое уподобленіе природному энергизму и титанизму. Свобода да подчинится власти, культура—безудержнымъ стремленіямъ расоваго язычества! Такъ, расовый націонализмъ сначала фальсифицировалъ идею національнаго своеобразія, пока не подвергъ опасности и идею своеобразія культурнаго. Концепція же естественнаго міропорядка нашла здѣсь свое окончательное выраженіе».

Д. Койгенъ («Сѣвер. Записки», окт.—ноябрь).

Отъ кантовскаго феноменализма къ воинствующему имперіализму.

«Остріе Кантовой мысли сводится къ двумъ принципамъ: къ абсолютной феноменалистичности всего внѣшняго опыта и къ абсолютной феноменалистичности всего опыта внутренняго; изъ этихъ двухъ принциповъ сами собой вытекаютъ два радикальнѣйшихъ положенія: 1) никакой ноуменъ, т.-е. ничто онтологическое, истинно Сущее, не можетъ встрѣтиться въ нашемъ внѣшнемъ опытѣ и 2) ничто ноуменальное, т.-е. относящееся къ міру истинно Сущаго, не можетъ быть дано и реализовано въ нашемъ внутреннемъ опытѣ.

Въ историческомъ самоопредѣленіи нѣмецкаго народа феноменалистическій первопринципъ Канта—этого высшаго и самаго геніальнаго представителя разума цѣлой расы—(первопринципъ, ставшій несокрушимой осью всего дальнѣйшаго движенія нѣмецкой мысли) неизбѣжно долженъ былъ сгуститься въ весьма опредѣленныя и конкретныя вещи. Если внутренній и внѣшній опытъ дѣйствительно лишенъ всяческаго контакта съ ноуменомъ, т.-е. съ міромъ истинно Сущаго, тогда ноумену нѣтъ никакого мѣста ни въ теоретическомъ представленіи человѣка о совокупности міровой жизни, ни въ практической дѣятельности, взятой во всѣхъ ея проявленіяхъ. Крикъ Ницше: Der alte Gott ist todt, есть явный анахронизмъ. Старый Богъ умеръ—гильотинированъ былъ въ лабиринтѣ трансцендентальной Аналитики. Палачомъ стараго и живого Бога былъ Кантъ, и съ тѣхъ поръ сложное и титаническое явленіе нѣмецкой культуры было лишь всегерманскимъ пріобщеніемъ къ потрясающей тайнѣ богоубійства, свершившагося въ неизслѣдимыхъ глубинахъ нѣмецкаго духа. Контактъ разума съ Сущимъ, то-есть съ Богомъ, былъ «законодательно» перерѣзанъ именно Кантомъ.

Въ планѣ исторіи теоретическое богоубійство, какъ апріорный и общеобязательный для всякаго «нѣмецкаго» сознанія принципъ, неизбѣжно приводитъ къ посюстороннему царству силы и власти, къ великой мечтѣ о земномъ владычествѣ и о захватѣ всѣхъ царствъ земныхъ и всѣхъ богатствъ земныхъ въ нѣмецкія руки. Если весь внѣшній опытъ абсолютно феноменалистиченъ, тогда на аренѣ исторіи ничего не значитъ святыня, ничего не значитъ подлинная онтологическая Справедливость, ничего не значитъ божественный Промыслъ. Первымъ великимъ всходомъ кантовскаго посѣва былъ величественный расцвѣтъ феноме-

налистическихъ наукъ въ Германіи. Эти науки интересовались рѣшительно всѣмъ, кромѣ Истины, и безсознательно превратились въ систематическую, методологическую грандіозную р а з в ѣ д к у всѣхъ міровыхъ и духовныхъ условій для грядущаго торжества германскаго духа. Съ другой стороны, если феноменалистиченъ и внутренній опытъ, тогда всѣ императивы и максимы морали неизбѣжно превращаются въ количественный принципъ гимнастическаго увеличенія «силы воли». Онтологическое и безусловное к а ч е с т в о воленія отбрасывается какъ «превзойденная точка зрѣнія».

...Убіеніе Сущаго въ волѣ, свершонное Кантомъ, постулировало крайнее развитіе волевой мускулатуры, а убіеніе Сущаго въ разумѣ, свершонное имъ же, раскидывало прельстительную арену для проявленія этой мускулатуры: для германскаго сознанія со всего міра были сняты онтологическіе запреты и высшія предназначенія, и географическая карта Земли предстала германскому воображенію огромнымъ и сладкимъ «меню» невиданнаго и неслыханнаго въ исторіи мірового пиршества. Но для этого нужно было мускулатуру воли и внутреннихъ напряженій одѣть несокрушимой броней милитаризма.

Возстаніе германизма, какъ военный захватъ всего міра, какъ насильственная мировая гегемонія manu militari коренится, такимъ образомъ, въ глубинахъ феноменалистическаго принципа, установленнаго въ первомъ изданіи «Критики чистаго разума».

В. Эрнъ («Русская Мысль», XII, 1914).

«...Если принять во вниманіе необходимыя поправки, то мысль Эрна можно было бы редактировать такъ,

чтобы она заключала несомнѣнную долю истины; ибо источникъ современнаго зла германской культуры заключается въ идолопоклонствѣ, въ обожествленіи земныхъ интересовъ и цѣнностей, а источникъ этого идолопоклонства заключенъ въ соединеніи религіознаго инстинкта съ безрелигіознымъ позитивистическимъ міросозерцаніемъ; и поскольку Кантъ соучаствовалъ въ воспитаніи этого противоестественнаго умонастроенія, позволительно связывать его съ уродствами современной нѣмецкой общественной мысли».

С. Франкъ (тамъ же).

Мертвящій принципъ культуры.

«Неожиданная и яркая откровенность Германіи въ обнаруженіи своей отчужденности, обособленности, отрѣзанности отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ поразила больше, чѣмъ самый фактъ войны. И по мѣрѣ того, какъ все больше выяснялась эта картина глубокой разрозненности внутри Европы, гдѣ врагъ оказался не только воюющей стороной, но и носителемъ какой-то чуждой и страшной внутренней дѣйствительности, война пріобрѣтала характеръ не обычнаго столкновенія національныхъ эгоизмовъ, а великой борьбы за всеобщее освобожденіе отъ европейскаго кошмара.

Насъ поразило, когда мы вдругъ ясно увидѣли, что Германія не признаетъ никакой общеевропейской культуры, презирая ее, но зато высоко чтитъ свою, германскую, которую и считаетъ вершиной доступнаго человѣчеству могущества. Однако, такое отношеніе къ другимъ и къ себѣ въ Германіи существуетъ уже давно. Но оно не имѣло до сихъ поръ той широкой гласности,

какую пріобрѣтаетъ теперь. Теперь изъ кабинетной теоріи, мало для насъ интересной и блѣдной, оно превратилось въ живой кровавый фактъ широкой дѣйствительности.

Но если всевозможныя проявленія дѣйствительности народной жизни организуются въ нѣчто цѣльное и большое, то надо общую живую причину этого явленія искать въ народной душѣ, т.-е. въ культурѣ, такъ какъ только культура выражаетъ народную душу.

...Можно принять какъ несомнѣнный фактъ, что культура рождается изъ религіозныхъ источниковъ. Какія бы формы и виды ни принимала культура въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, основной религіозный принципъ жизни, заложенный въ ея фундаментѣ, скажется во всей силѣ даже тамъ, гдѣ, казалось бы, повидимому, ему нѣтъ мѣста.

Германская культура также является носительницей опредѣленнаго принципа, получившаго свое начало изъ религіозныхъ истоковъ. Принципъ этотъ — отрицаніе дѣйствительности (какъ объективно-данной реальности).

Отъ Лютера и до нашихъ дней живетъ это отрицательное начало и является существенно характернымъ признакомъ всей германской культуры, родившейся изъ отрицанія церкви черезъ отрицаніе свободы воли *).

---

*) Точнѣе,—черезъ отрицаніе свободы воли и вытекающій изъ этого отрицанія основной принципъ лютеранства—ученіе объ оправданіи одною вѣрою, которая „есть всецѣло даръ благодати". А уже ученіе объ оправданіи вѣрою послужило ближайшей предпосылкой отрицанія церкви, какъ *видимаго* общества *вѣрующихъ*. Собственно идея церкви не чужда лютеранской религіозной мысли, но пріемлется ею церковь лишь какъ нѣкое сверхчувственное, надмірное, ни познанію, ни дѣйственному участію нашему недоступное „общество" — „*невидимое* общество *святыхъ*, оправданныхъ и возрожденныхъ".

Необходимо еще замѣтить для точности, что авторъ, говоря о

Отрицаніе свободы воли—первоначальная философія протестантизма. Это ученіе было лишь первой попыткой обоснованія сознаніемъ факта отрицанія церкви, факта, который религіозно-волевымъ образомъ свершился въ жизни народныхъ массъ. Суть дѣла лежала въ разрывѣ съ церковью народныхъ массъ и въ стихійномъ созданіи ими новой религіозной атмосферы, не церковной, а индивидуалистической.

...Признаніе міра, какъ объективной реальности, имѣющей свое содержаніе, свою внутреннюю жизнь и смыслъ, для протестантизма немыслимо, потому что въ противномъ случаѣ неизбѣжно пришлось бы принять церковь, какъ высшій принципъ объективнаго міра, т.-е. пришлось бы отказаться отъ самой природы протестантизма.

Христосъ, Логосъ міра, реально пребываетъ въ церкви. Принять міръ внѣ Божескаго Разума, внѣ Христа, для христіанскаго сознанія было бы нестерпимымъ противорѣчіемъ и совершенно невозможно, потому что смыслъ міра не можетъ мыслиться внѣ открывающагося Логоса. Принять міръ по-христіански — значитъ принять его какъ церковь. И вотъ по этой причинѣ возставшее на церковь протестантское религіозное сознаніе неизбѣжно должно было, черезъ отрицаніе церкви, устранить самую проблему смысла міра, объявивъ ее за несуществующую. Внутреннее содержаніе объективнаго міра дѣйствительности было зачеркнуто религіознымъ сознаніемъ, какъ находящееся внѣ его.

Итакъ, порывая съ церковью, протестантизмъ съ логической неизбѣжностью долженъ былъ порвать и

протестантизмѣ, разумѣетъ здѣсь вездѣ, очевидно, не протестантизмъ въ цѣломъ, а только его лютеранскую вѣтвь. *Примѣч. составителя.*

съ дѣйствительностью, замыкаясь въ мірѣ чистой субъективности.

...Интуиція, какъ актъ внутренняго выхожденія изъ границъ собственной эмпиріи во внутренній міръ бытія другого, естественнымъ образомъ не могла имѣть мѣста въ той религіозной практикѣ, которая, путемъ уничтоженія принципа церкви, вычеркивала самое бытіе другого. Религія должна была обходиться безъ интуиціи, потому что интуиція не имѣла приложенія въ изолированномъ мірѣ субъекта. Но это кореннымъ образомъ противорѣчитъ самой природѣ религіи, такъ какъ религія есть, такъ сказать, организація интуиціи.

Такимъ образомъ, христіанство въ протестантизмѣ съ самаго начала стало на путь вырожденія въ раціонализмъ. Ratio безпрепятственно водворился въ субъективномъ религіозномъ мірѣ и, оказавшись въ положеніи верховнаго владыки, скоро занялъ мѣсто живого Бога.

...Дрожжи реформаціоннаго движенія заквасили всю народную жизнь. Народъ же родилъ своихъ мыслителей, выразившихъ народную душу, воплотившихъ въ опредѣленныя формы сознанія стихію его религіознаго бытія.

Высшимъ теоретическимъ выразителемъ субъективизма въ германской культурѣ явился Кантъ.

Своей философіей Кантъ открываетъ пути творчества изъ себя, помимо дѣйствительности. Его система построена какъ доказательство того, что человѣкъ можетъ создавать міръ независимый отъ реальнаго бытія, міръ разумный, обладающій универсальнымъ характеромъ; дѣйствительности же, какъ объективно-универсальнаго начала, не существуетъ; если и допускается нѣкоторое подобіе ея, то постольку лишь, по-

скольку человѣческій разумъ синтезируетъ хаотически раздробленное бытіе.

«Познавая природу, мы познаемъ только себя, только свои переживанія». Природа сама по себѣ оказалась недоступной для насъ; ея самостоятельное бытіе—за предѣлами нашего живого участія.

Дѣйствительность сама по себѣ,—«бытіе въ себѣ»,—оказалась внѣ всякаго смысла и была какъ бы выброшена въ небытіе.

...Смыслъ міра былъ утерянъ, и живая дѣйствительность въ сознаніи разсыпалась на мертвые атомы. Дѣйствительность, какъ церковь, какъ идеальное всеединство, перестала существовать, и жизнь превратилась въ духовную пустыню. Остались одни феномены, блуждающіе призраки.

Но вѣдь на самомъ дѣлѣ дѣйствительность не была уничтожена ни сектантскимъ принципомъ протестантизма, ни сложными сооруженіями философскаго ума, и міровая жизнь продолжала стучаться хотя бы и въ бронированную тюрьму «бытія въ себѣ».

Несмотря на всю строгость и замкнутость въ своихъ принципахъ, представители протестантской культуры, несомнѣнно, все же должны были считаться съ вселенской дѣйствительностью, и они считались, и на стуки ея отвѣчали неустанной и кропотливѣйшей критикой.

Критика была ихъ раціоналистическимъ оружіемъ противъ живой жизни.

Германцами написаны десятки тысячъ томовъ критики, направленной на всѣ виды и формы человѣческой дѣйствительности, чтобы отнять у этой дѣйствительности содержаніе, лишить міръ внутренняго смысла.

Больше всего вниманія удѣлено было, конечно, христіанству. Живую ткань исторіи они раздергали по ниточкѣ, каждую ниточку обслѣдовали самымъ тщатель-

нымъ образомъ въ многотомныхъ сочиненіяхъ и торжествующе увѣряли себя, что никакой объективной религіозной дѣйствительности нѣтъ и не должно быть, что міровой Логосъ—плодъ заблужденія греческой философіи, что Христосъ, кромѣ морали, ничего не принесъ людямъ, и т. д.

Критика, построенная сама на себѣ, критика, имѣющая цѣлью не живую истину, а только собственныя раціоналистическія операціи, оказалась оружіемъ вполнѣ пригоднымъ для убійства дѣйствительности въ человѣческомъ сознаніи. Разложенная на отдѣльные разрозненные элементы и разрушенная въ своемъ живомъ единствѣ, дѣйствительность, конечно, должна оказаться бездушной и мертвой.

...Безжизненность и пустота, созданная въ мірѣ сознанія исключительнымъ господствомъ чистаго разума, послужила свободнымъ пространствомъ для ложнаго расширенія той единственной реальности, которую оставилъ безпощадный ratio,—реальности самого субъекта. Въ безстрастно холодномъ и тускломъ царствѣ раціонализма вдругъ неожиданно жизненно вспыхнулъ яркій цвѣтокъ человѣческаго эгоизма. Ego, оставшійся въ пустотѣ какъ единственная реальность, громко и страстно заявилъ о значеніи своей единственности.

Самъ разумъ оказался явленіемъ второстепеннымъ, принадлежащимъ и подчиненнымъ единственному.

Наивно-откровенный цинизмъ философіи абсолютнаго эгоизма Штирнера—явленіе не только не случайное на почвѣ германской культуры, но органически вытекающее изъ основныхъ ея предпосылокъ. Ибо, если субъектъ оказался лишеннымъ живого выхода къ утвержденію другихъ, то у него никто не отнялъ живой жизни собственнаго эгоистическаго бытія, и это бытіе

по необходимости оказалось единственною живою цѣнностью, внѣ всякой конкуренціи.

«Я для себя—все, и дѣлаю все ради себя». «Прочь все, что не есть м о е вполнѣ. Я для себя— богъ. Я вывожу всякое право и всякое оправданіе изъ меня. Я имѣю право на все, что въ моей силѣ». Отрицая объективную дѣйствительность, Штирнеръ совершенно правъ, когда заявляетъ: «Я—ничто, изъ котораго я самъ почерпаю все, какъ творецъ-создатель»...

...Отрицаніе дѣйствительности должно было, съ роковой неизбѣжностью, привести германскую культуру въ замкнутый міръ «бытія въ себѣ и для себя». А такое самоутвержденіе въ пустотѣ, въ изолированности отъ живого вселенскаго дыханія привело культуру къ смерти.

Отрицаніе дѣйствительности безнадежно ограничило душу человѣка и обѣднило его до минимума, приведши къ замкнутому міру абсолютнаго эгоизма.

Но эгоизмъ, несмотря на ограниченную сферу своего бытія, все же имѣетъ тенденцію къ росту, и тучная почва зоологіи въ сочетаніи съ оскопленной мыслью породила расцвѣтъ грубаго германскаго н а ц і о н а л и з м а. Въ ледяномъ царствѣ разсудочности создались системы абсолютнаго эгоизма; а жизнеспособная практика увѣнчала германскій національмъ формами классической законченности — въ могущественномъ м и л и т а р и з м ѣ.

...Германская культура в н у т р е н н о оказалась несостоятельной. Ея претензіи насильно стать во главѣ исторіи обнаружили безуміе эгоистическаго самоутвержденія.

Общеевропейская культура вѣками шла и развивалась въ принципѣ церкви, т.-е. въ направленіи вселенскаго соединенія. Несмотря на первобытную грубость

и тяжесть жизни, средніе вѣка таили въ себѣ огонь міровой любви, и жизнь кипѣла великими творческими возможностями.

Но протестантизмъ измѣнилъ принципу церкви, отклонился отъ единаго русла въ сторону, и его сектантская, индивидуалистическая культура залегла грандіознымъ ледникомъ раціонализма въ центрѣ Европы, понижая ея температуру.

Энергія жизни Европы, внутренно расколовшейся на два враждующихъ лагеря, ушла на вѣковую борьбу культуръ; леденящее дыханіе раціонализма и индивидуализма пронеслось по всему христіанскому міру, и движеніе впередъ ко всеобщему соединенію было задержано.

...Только внутренно расширяясь и объединяясь съ дѣйствительностью путемъ интуиціи, личность найдетъ свою свободу въ безконечности бытія. Истинное освобожденіе личности совершится въ наполненіи ея жизни вселенскимъ содержаніемъ, и основной задачей грядущаго историческаго дня является религіозное принятіе дѣйствительности.

Принципъ церкви долженъ быть выдвинутъ съ новой силой на арену культурнаго міра. Ибо дѣйствительность можетъ быть принята только въ свѣтѣ всемірнаго Логоса—какъ церковь *).

...Кто зналъ силу германской культуры и потомъ пе-

---

*) По поводу даннаго доклада А. В. Карташевъ, предсѣдатель петроградскаго религіозно-философскаго общества, на одномъ изъ собраній котораго докладъ г. Василевскаго читался, указалъ на тотъ симптоматическій фактъ, что все громче начинаютъ раздаваться голоса, осуждающіе обмірщеніе и абстрактность современной европейской культуры, и высказалъ предположеніе, что, можетъ быть, дѣйствительно наступило время перестроить ее на иномъ принципѣ, родственномъ тому, которой лежитъ въ основѣ православно-каѳолической церкви.

режилъ вѣроломство ея судьбы, для того культура сама по себѣ уже не можетъ остаться высшимъ критеріемъ.

Вавилонская башня — великій символъ погибшей культуры—скорбной тѣнью стоитъ въ наши дни.

Въ глубинѣ переживаемыхъ событій назрѣваетъ сознаніе того, что «душа человѣка не есть солнце, которое само источникъ свѣта, а земля, которую солнце освѣщаетъ».

Г. Василевскій («Виновата ли германская культура». П. 1915).

То, что намъ сейчасъ показали съ нѣсколькихъ сторонъ, можно назвать процессомъ (внутренно неизбѣжнымъ) матеріализаціи германскаго духа. Но на этомъ разсматриваемый процессъ не остановился, не могъ остановиться. Дальнѣйшій, тоже внутренно обусловленный, путь паденія высоко-культурной націи, путь уже окончательнаго паденія ея, — который рисуютъ другіе авторы,—есть уже процессъ варваризаціи народной души.

Прежде всего остановимся на мнѣніи **В. Розанова,** которое предлагаемъ читателю сопоставить съ разсужденіями Г. Василевскаго и тою частью статьи Д. Койгена, гдѣ рѣчь идетъ о протестантизмѣ. Розановъ тоже исходитъ изъ факта протестантства, какъ фактора культуры, но онъ обращаетъ вниманіе на иную его сторону.

«Общественно-воспитанные, но не религіозно-воспитанные»...

«Исключительныя звѣрства нѣмцевъ заставляютъ спросить себя: «христіане ли они?» Вопросъ естественный, на который отвѣтъ можетъ быть очень любопытенъ.

Никто во время этихъ звѣрствъ не слышалъ окрика другъ другу, офицера—солдату, солдата—офицеру, или кого-нибудь вообще изъ толпы: «ты—Христа забылъ». Въ запальчивости, въ раздраженіи, въ мускульномъ движеніи можно «все забыть», и стать животнымъ; но тогда, если дѣло происходитъ въ толпѣ, сейчасъ кто-нибудь напомнитъ около плеча: «да ты Бога забылъ! что ты дѣлаешь?» О нѣмцахъ нѣтъ воспоминанія, чтобы кто-нибудь напомнилъ.

...И ни въ комъ, ни въ комъ не пробѣжалъ религіозный испугъ...

Въ немъ почти и все дѣло... Ни въ комъ, ни въ единомъ не пробѣжалъ тотъ безотчетный, суевѣрный, невольный испугъ, который такъ же быстръ и приходитъ вдругъ, какъ и животная ярость, и тогда, вмѣшиваясь въ пути ея,—ломаетъ ее. «Хочется убить, да испугался»... «Вырвалъ у матери ребенка, хотѣлъ бросить подъ ноги толпѣ на растоптаніе, да вдругъ почувствовалъ ужасъ»... «Поднялъ кулакъ надъ старухой женщиной, да что-то остановило»...

Вотъ этихъ невольныхъ движеній, слѣпыхъ, но уже не разрушительныхъ, а удерживающихъ разрушеніе, не было въ нѣмецкой толпѣ, столь религіозно обученной. По-протестантски, по-лютерански обученной...

...Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ, если говорить жёстко, — всѣ были въ сущности резонеры,

«разсуждатели о богословскихъ предметахъ», теоретики, мыслители, писатели и говоруны. И по образцу ихъ невольно всѣ протестантскіе пасторы резонеры же. Благочестивые, соглашаюсь, корректные, правильные, но—резонеры. И именно они «внушаютъ» вѣру, внушаютъ какъ «правило поведенія», которое въ экстатическій моментъ, какъ въ іюлѣ—августѣ у германцевъ, «на умъ не пришло», «забылось», «выскочило изъ головы».

Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и всѣ пасторы не суть «святые», и протестантство (вообще) не знаетъ самого этого дѣла—«святость». Тамъ нѣтъ «святыхъ» и нѣтъ «святого», и даже, напр., сказать: «святая лютеранская церковь»—странно. Она есть (въ сознаніи самого Лютера и всѣхъ лютеранъ) «правильная церковь».

— Мы, лютеране, имѣемъ правильную церковь.

— Мы, русскіе, имѣемъ святую церковь.

Совсѣмъ разница! Совсѣмъ другое дѣло! Совсѣмъ иная нѣжность души, совсѣмъ иной полетъ души! Наше отношеніе къ небу и Богу совсѣмъ другое: испуганное, томящееся, умиленное, восторженное,—«обнимающее ноги Спасителя нашего». Христосъ незамѣтно передѣланъ лютеранами въ резонера же и есть просто Добрый Учитель, Благой Пастырь (пасторъ), совсѣмъ по образцу «ихъ пасторовъ»: существо корректное, правильное, всѣхъ научающее.

Въ Христѣ у нихъ нѣтъ тайны и чуда. У насъ Христосъ есть изводитель чудесъ и тайнъ и всего святого порядка на землѣ. Совсѣмъ разница.

И святые, «гдѣ-то по горамъ», «гдѣ-то въ лѣсахъ»,—были всегда, не прерывались и дотекли до XIX вѣка на Руси. Это есть самый главный фактъ русской церковной исторіи, стержень всего житія ея,—куда важнѣйшій, чѣмъ всѣ церковныя реформы, все синодаль-

ное управленіе, всѣ четыре духовныя академіи, все русское—безъ исключенія—богословіе. Безъ «святыхъ» русская церковь не мыслима. Какъ нѣтъ «святыхъ»—всему крахъ. А есть «святые»,—хотя бы одинъ-два-три за вѣкъ,—все есть, цѣло, блистаетъ, сіяетъ.

Что же такое святой? Да вотъ приблизительно такой «Лазарь болящій, который «будетъ взятъ на небо». Образъ святого показанъ въ Евангеліи, и Русь только «приняла» образъ, ничего не выдумывая. «Приняла»,—когда, напр., лютеранство ничего въ этой сторонѣ Евангелія не поняло. Лютеранство осталось глухо и незряче къ категоріи святого; Лютеръ былъ слишкомъ грубъ, слишкомъ не утонченъ, чтобы воспринять эту тончайшую и главнѣйшую струю евангельскаго свѣта.

...Душа русскаго человѣка испугана грѣхомъ. «Праведное» и «грѣшное» навсегда раздѣлилось въ немъ.

А у нѣмцевъ? У нихъ есть только «корректное». И когда въ движеніи мускуловъ и сердца нѣмцу пришлось совершить «некорректный поступокъ», то вѣдь что же въ этомъ особеннаго и о чемъ будетъ томиться душа? Онъ за «нелойяльный поступокъ» и отвѣтитъ «передъ судомъ»: но на этотъ разъ (германскія звѣрства) суда, кажется, не будетъ. «Тогда, значитъ, я совсѣмъ правъ и чистъ».

Такимъ образомъ, нѣмцы суть общественно-воспитанные люди, публично-воспитанные люди, но они не суть нравственно-воспитанные люди и религіозно-воспитаные люди. У нихъ нѣтъ категоріи святого,—а жизнь души начинается съ нея. Русскіе же уже всегда, съ тѣхъ поръ, какъ есть «Церковь» и въ ней «святые»—уже вочію зрятъ и зрѣли постоянно собственно дѣйствительно высочайшій образецъ человѣчности; и

для всякаго совершенно понятно и убѣдительно, насколько «поговорить наединѣ съ Серафимомъ Саровскимъ» воспитательнѣе, и поучительнѣе, и просвѣтительнѣе, нежели «прочесть страницу Гете». Вотъ разница. При всей литературѣ и философіи, при всѣхъ обильныхъ и древнихъ университетахъ, въ душу нѣмецкую не вплеснулись капли той «воды живой», «воды святой», какія вплескивались въ русскую душу уже отъ временъ татарскаго ига и кіевскихъ пещеръ.

...«Связь Лютера съ Богомъ» или «связь съ Богомъ Николая Чудотворца»? Странно даже сравнивать. О Лютерѣ мы знаемъ, что онъ бросилъ чернильницею въ чорта, т.-е. что у него были галлюцинаціи; но о немъ не разсказывается ни одной изъ тѣхъ святыхъ легендъ, которыя разсказываются о безчисленныхъ святыхъ древней христіанской церкви и русской церкви. Вся «исторія лютеранства» есть чисто свѣтская исторія, характерная «исторія изъ Иловайскаго», а отнюдь—не «священная исторія», не «житія» святыхъ и мучениковъ. Все это—необыкновенно важно. Самая почва Германіи—какой-то религіозный булыжникъ, а не живые цвѣточки, сплетенные изъ вздоховъ, изъ слезъ, изъ мученическихъ подвиговъ, страданій и кровей. «Какъ имъ не быть грубыми»,—скажемъ мы въ оправданіе звѣрствъ. Они—несчастны.

...Они забыли Бога: не въ однихъ звѣрствахъ, а—и внѣ ихъ, до нихъ, въ самой жизни. Съ ними нѣтъ Бога—вотъ откуда звѣрства. Не они «Его не вспомнили», а Онъ о нихъ забылъ, какъ о существахъ мало одушевленныхъ, плоскихъ и грубыхъ.

Грубая нація; нѣмцы всегда были грубы. Только тонкою кожицею, только поверхностнымъ слоемъ лежала въ ихъ поэзіи и философіи культура, плодъ индивидуальныхъ нѣмецкихъ воспареній къ небу. Наверху,

въ одинокой башнѣ астролога и алхимика, копался Фаустъ, а внизу двигались чудовищные образы Брунегильды и Фредегонды, и всей кровавой и жестокой исторіи Нибелунговъ... Чета ли это нашимъ благодушнымъ Ильѣ Муромцу, Святогору-Богатырю, Микулѣ Селяниновичу, Владиміру Красному-Солнышку. Совсѣмъ другіе сюжеты и напѣвы»...

В. Розановъ. (Война 1914 г. и русское возрожденіе». П. 1915).

Философія варварства.

«Они—варвары, потому, что черезчуръ цивилизованы». Такъ начинаетъ свою статью «Германія и война», въ окт. кн. журнала «Revue des deux mondes», извѣстный французскій философъ **Эмиль Бутру** (переводъ см. въ № 9 «Вѣстн. Восп.» и отд. изд.), устанавливающій внутреннюю связь между наблюдаемой нами въ столь широкихъ размѣрахъ практикой нѣмецкаго варварства и теоріей германизма, построенной Фихте и позднѣйшими нѣмецкими метафизиками. Эта, созданная на высотахъ отвлеченнаго умозрѣнія теорія, какъ оказывается, заключаетъ въ себѣ цѣлую философскую концепцію, обосновывающую варварскій образъ дѣйствій.

«...Если нѣмцы безсовѣстно нарушаютъ въ своихъ пріемахъ въ данной войнѣ законы цивилизованнаго міра, то это дѣлается не въ разрѣзъ съ ихъ высокой культурой, но, наоборотъ, во имя этой самой культуры.

...Германская цивилизація развивалась въ духѣ антагонизма къ греко-латинской цивилизаціи. Послѣдняя старается познавать все истинно человѣческое и ставить

человѣка выше всѣхъ другихъ существъ; она отыскиваетъ способы, которые приводили бы къ тому, чтобы въ человѣческой жизни возвышенное преобладало надъ низменнымъ, разумное надъ безсознательно импульсивнымъ, истина надъ грубой силой, добро надъ зломъ. Она поставила себѣ задачей развивать нравственную силу, способную смягчать матеріальную силу и управлять ею.

Этой чисто гуманитарной мысли, объектомъ которой является человѣкъ, противопоставляется нѣмецкая мысль, какъ безконечное конечному, какъ абсолютное—относительному, какъ цѣлое—части.

Ученики грековъ знали только свѣтъ человѣческаго разума; германскій же геній обладаетъ высшей силой, которая проникаетъ въ тайны абсолютнаго и божественнаго. И вотъ что открылъ этотъ сверхчеловѣческій разумъ: небытіе, матерія, зло были несправедливо обезцѣнены и уничтожены классической мыслью, признававшей бытіе, духовную силу, добро. Что былъ бы свѣтъ безъ тѣни, на фонѣ которой онъ становится еще явственнѣе? Можно ли признать за подлинное Я, если бы не существовало гдѣ-либо не-Я, которое ему противополагалось бы?

Зло не менѣе необходимо, чѣмъ добро, въ высшей симфоніи цѣлаго.

Болѣе того: представитель греко-латинской цивилизаціи, упорно слѣдуя своей несовершенной логикѣ, испытываетъ, можетъ быть, удовлетвореніе, повторяя: добро есть добро, а зло—зло. Но эти наивныя формулы противорѣчатъ самой сущности истины. Добро само по себѣ абсолютно безсильно проявить себя реально: это вѣдь только идея, отвлеченность; только злу дѣйствительно принадлежитъ власть и творческая сила.

Такимъ образомъ, добро можетъ быть реальной силой только при посредствѣ зла, и зла, представлен-

наго вполнѣ самому себѣ. И, такимъ образомъ, зло есть добро, а добро — зло. Зло есть добро, потому что оно является творческой силой; а добро есть зло, потому что оно безсильно. Высшій и дѣйствительно божественный законъ заключается въ томъ, что зло, предоставленное самому себѣ, зло какъ зло, порождаетъ добро, которое само по себѣ никогда не могло бы стать реальной силой.

— Я,—говоритъ Мефистофель,—являюсь частицей силы, которая желаетъ зла и всегда творитъ добро.

Таковъ божественный порядокъ: кто предполагаетъ творить добро добромъ, творитъ только зло. Только при власти зла возможно осуществить добро. Руководимая этими метафизическими принципами, идея цивилизаціи получаетъ такимъ образомъ удивительное разрѣшеніе.

Что же такое цивилизація въ нѣмецкомъ значеніи этого слова?

Всѣ націи вообще, особенно націи латинскаго происхожденія, видятъ сущность цивилизаціи въ нравственномъ элементѣ человѣческой жизни, въ смягченіи нравовъ. Къ тѣмъ, кто понимаетъ такимъ образомъ культуру, представители германской мысли охотно примѣнили бы слова, которыя встрѣчаются у Ибсена въ «Брандтѣ»: «Вы хотите великаго, но у васъ нѣтъ энергіи; тогда вы обращаетесь къ кротости и добротѣ». Германская мысль называетъ нѣжность и доброту слабостью и безсиліемъ.

Только одна сила — сила; и высшая сила — наука, которая подчиняетъ намъ природу и увеличиваетъ нашу власть до безконечности. Такимъ образомъ, наука должна быть главнымъ объектомъ нашихъ усилій. Съ развитіемъ науки и интеллекта будутъ неизбѣжно развиваться силой божественнаго духа и воля и сознаніе,

т.-е. то, что называется нравственнымъ прогрессомъ. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Бисмарка: «Мечтательность и чувство относятся къ наукѣ и разуму, какъ плевелы къ добрымъ всходамъ. Плевелы хотятъ заглушить добрые всходы; поэтому ихъ срѣзаютъ и сжигаютъ». Истинная цивилизація достигается мужественнымъ воспитаніемъ, которое имѣетъ въ виду только развитіе силы.

Та цивилизація, которая подъ предлогомъ стремленія къ гуманитарнымъ идеаламъ разслабляетъ и изнѣживаетъ человѣка, годится только для женщинъ и рабовъ. Значитъ ли это, однако, что идея права, къ которой люди обращаются, чтобы противопоставить ее силѣ, не имѣетъ никакого реальнаго значенія, и что высоко культурный народъ ею не интересуется?

Необходимо хорошо понять то отношеніе, которое существуетъ между понятіемъ о правѣ и понятіемъ о силѣ. Сила—не право. Всѣ существующія силы не имѣютъ одинаковаго права на существованіе. Среднія силы не заключаютъ въ себѣ божественнаго элемента. Но по мѣрѣ своего развитія онѣ облагораживаются. Та сила, которая станетъ господствующей и всемогущей, составитъ нѣчто единое съ божественной силой; слѣдовательно, ей будутъ подчиняться и ее будутъ уважать наравнѣ съ божественной силой. Справедливость и сила соприкасаются такимъ образомъ въ одномъ только пунктѣ,—тамъ, гдѣ та и другая абсолютны.

...Есть народы, которые желаютъ, чтобы между отдѣльными націями царила любовь, которые вѣрятъ, что вѣжливое отношеніе возможно между отдѣльными государствами такъ же, какъ и между отдѣльными индивидуумами, и что для человѣчества было бы прогрессомъ, если бы справедливость и правосудіе могли управлять международными отношеніями. Нѣмецъ не за-

ботится о справедливости, когда дѣло касается другихъ народовъ; онъ чувствуетъ только презрѣніе къ той женской чувствительности, которая является характерной чертой латинской расы. Чувства, забота о справедливости и гуманности—все это слабость; а Германія—сила и должна быть только силой.

Нѣмецъ не требуетъ любви къ себѣ. Онъ предпочитаетъ, чтобы его ненавидѣли, но лишь бы его боялись. Находиться среди враговъ вовсе не составляетъ для него непріятности: «Я» опредѣляется только путемъ сопротивленія. Нѣмецъ нуждается во врагахъ, чтобы поддерживать себя въ состояніи напряженія и борьбы, чтó является условіемъ силы. Онъ охотно примѣняетъ въ отношеніи себя то, что Господь Богъ говоритъ человѣку вообще въ прологѣ «Фауста» Гёте: «Человѣкъ слишкомъ склоненъ ослаблять свою энергію; если предоставить его самому себѣ, онъ будетъ искать только покоя. Вотъ потому-то я и даю ему въ спутники дьявола, который его возбуждаетъ и не даетъ ему заснуть».

...Согласно германской доктринѣ, чѣмъ болѣе война проявляетъ свою разрушительную силу, тѣмъ болѣе она приближается къ своей идеальной формѣ. Къ тому же война по существу своему тѣмъ болѣе человѣчна, чѣмъ она болѣе безчеловѣчна, потому что чѣмъ болѣе она жестока и доходитъ до крайностей, тѣмъ она болѣе кратковременна и въ результатѣ всего менѣе смертоносна.

Такимъ образомъ, задача поставлена: развить возможно широко силу зла. Ясно, что народъ высшей культуры вооруженъ лучше всякаго другого для ея разрѣшенія. Дѣйствительно, та наука, въ которой онъ усовершенствовался, предлагаетъ всѣ возможные способы примѣненія своей силы для разрушенія...

Народъ-богъ соединяетъ высшую силу науки съ высшей формой варварства. Формула ихъ поведенія можетъ быть выражена такъ: варварство, усиленное наукой.

Таково послѣднее слово знаменитой доктрины, носящей названіе германизма. И какъ мы видимъ, существуетъ сходство между конечными выводами этой доктрины и характерными чертами настоящей войны.

Итакъ, поставленная проблема нами разрѣшена. Если варварство существуетъ у германцевъ на-ряду съ культурой, если даже оно проявляется въ настоящей войнѣ въ единеніи съ ней, то это потому, что германская культура глубоко расходится съ понятіемъ всего человѣчества о культурѣ и цивилизаціи.

Цивилизація стремится очеловѣчить самую войну. Германская же культура стремится развить первобытную грубость до безпредѣльности при помощи науки».

Политика и экономика варварства.

«...Извращенному честолюбію, возведенному въ теорію, легче итти до конца,—такимъ путемъ оно сложитъ на логику часть своей отвѣтственности.

Если германская раса — избранная раса, одна она имѣетъ абсолютное и неотъемлемое право жить; существованіе остальныхъ расъ, другихъ націй только терпимо, а терпимость эта и будетъ именно тѣмъ, что называется миромъ. Начнется война — Германія должна будетъ стремиться къ полному уничтоженію врага. Но чтобы уничтожить, «раздавить» его, нельзя довольствоваться убійствомъ непріятельскихъ солдатъ,—надо убивать и мирныхъ жителей: женщинъ, дѣтей, стариковъ;

надо грабить, поджигать; надо разрушать города, деревни, уничтожать цѣлое населеніе.

Таковъ конечный результатъ этой теоріи,—доктрины нѣмецкаго милитаризма.

Пока война была лишь средствомъ разрѣшить вопросъ, поставленный между двумя народами, столкновеніе ограничивалось борьбой двухъ армій. По крайней мѣрѣ къ этому результату шло развитіе цивилизаціи. Излишнія насилія все больше и больше устранялись, мирное населеніе старались оставить въ сторонѣ. Мало-по-малу вырабатывался кодексъ войны.

Но съ тѣхъ поръ какъ прусскій милитаризмъ, сдѣлавшись нѣмецкимъ милитаризмомъ, присоединился къ индустріализму, война должна была имѣть въ виду уже не только военную мощь противника, но и его промышленность и торговлю,—источники его богатства и самое богатство. Надобно разрушать непріятельскія фабрики, чтобъ уничтожить конкуренцію; а чтобъ окончательно разорить врага и обогатиться самому, надобно накладывать контрибуціи на города, грабить, жечь...

Но въ особенности надобно, чтобы война длилась недолго, была молніеносной, и это не только для того, чтобъ экономическая жизнь Германіи пострадала какъ можно меньше: этого же требуетъ и психологія милитаризма. Нравственная сила арміи, горделивое представленіе о своей матеріальной силѣ будетъ слѣдовать за всѣми превратностями послѣдней, и по мѣрѣ того, какъ одна будетъ расходоваться, будетъ уменьшаться и вторая. И вотъ, не надо дать ей время израсходоваться. Надобно, чтобы машина выполнила все, что возможно, сразу. Она будетъ дйствовать съ успѣхомъ, если сможетъ терроризировать населеніе, парализовать цѣлую страну. Для этого надо откинуть всякую совѣстливость, только затрудняющую дѣйствіе ея приводовъ. Отсю-

да — система заранѣе приготовленныхъ жестокостей, столь же тщательно скомбинированныхъ, какъ и сама машина.

Таково объясненіе всего, что мы видимъ. Говорятъ: «научное варварство», «систематическое варварство». Да, это варварство, подкрѣпившее себя приложеніемъ силъ цивилизаціи».

Анри Бергсонъ («Figaro»).

Психологія варварства.

«...Корень того специфическаго безумія, которое овладѣло нѣмцами, заключается въ особенностяхъ ихъ отношенія къ ихъ народу, къ ихъ странѣ и ихъ государству. Именно здѣсь надо искать объясненія рокового предѣла духовной жизни современной Германіи.

...Влюбленность въ государство, свое нѣмецкое государство, которая царитъ въ современной Германіи, ...превращеніе государства въ земного бога — одна изъ самыхъ грубыхъ формъ идолослуженія; неизбѣжнымъ результатомъ ея является то общее пониженіе уровня духовной жизни, которое замѣчается въ Германіи за послѣднее полустолѣтіе. Оно проявляется въ общей матеріализаціи всѣхъ жизненныхъ интересовъ, въ общемъ обезличеніи и въ упадкѣ творчества по всей линіи.

Разъ государство стало центромъ всей духовной жизни,—иначе и быть не могло; вѣдь государство—не высшій планъ человѣческаго бытія, а одинъ изъ среднихъ, если и не изъ низшихъ. Если человѣкъ весь, съ головы до пятокъ, ушелъ въ государство, это значитъ, что заботы о средствахъ существованія для него пре-

вратились въ самостоятельную, самодовлѣющую цѣль жизни. Отсюда—та неизбѣжная матеріализація всѣхъ жизненныхъ интересовъ, которая сказывается и въ литературѣ, и въ жизни современной Германіи...

...Война обнаружила съ очевидностью роковую болѣзнь, дотолѣ невидимо для глаза подтачивавшую духовную жизнь современной Германіи: она сдѣлала явными границы этой духовной жизни. Въ этомъ и заключается разгадка тѣхъ, на первый взглядъ необъяснимыхъ, явленій, которыя намъ приходится наблюдать.

Въ служеніи нѣмецкому государству для средняго нѣмца сосредоточилось все, — и нравственность, и умственная жизнь; этимъ культомъ государства, ставшимъ почти религіей для него, окончательно опредѣлился тотъ горизонтъ, за предѣлами котораго онъ ничего не видѣлъ, не понималъ, не признавалъ и не чувствовалъ. И вдругъ война его обухомъ по головѣ. Она поставила его лицомъ къ лицу съ другимъ міромъ, по отношенію къ германскому государству запредѣльнымъ, не признающимъ надъ собою власти германскаго земного бога. Тутъ и совершилось то моментальное превращеніе въ настроеніи Германіи, которое для всѣхъ народовъ послужило предметомъ изумленія и ужаса.

...Такъ какъ служеніе ихъ земному богу для нихъ успѣло стать синонимомъ нравственнаго вообще, то по отношенію къ народамъ, германскому государству не послушнымъ, нѣмцы почувствовали себя свободными отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ. Подвергать враговъ нѣмецкаго государства всякому насилію не только дозволительно, но даже и должно — для того, чтобы возстановить гипнозъ ужаса непокорныхъ народовъ передъ германскимъ земнымъ богомъ.

Съ точки зрѣнія нѣмецкихъ теоретиковъ, ... осуще-

ствленный императоромъ Вильгельмомъ синтезъ между христіанствомъ и исламомъ—великая заслуга его. Неудивительно, что въ Константинополѣ держатся упорные слухи объ обращеніи Вильгельма въ исламъ: онъ засвидѣтельствовалъ свою близость къ исламу самыми своими дѣлами; его отношеніе къ врагамъ государства по самой своей духовной сущности совершенно тождественно съ турецкимъ отношеніемъ къ «невѣрнымъ». Его принципы веденія войны поразительно сходны съ турецкими принципами «священной войны».

...Своей изощренной жестокостью нѣмцы даже превзошли турокъ; въ данномъ случаѣ она тѣмъ болѣе ужасна, что она осуществляется совершенно безсознательно. Нѣмцы просто-напросто не чувствуютъ и не представляютъ себѣ чужого патріотизма! Они остаются въ полномъ убѣжденіи, что служить германскому государству и для другихъ народовъ—благодѣяніе; имъ совершенно непонятно, какъ эти другіе отказываются отъ высшаго счастья—быть нѣмцами».

Кн. Е. Трубецкой («Рус. Вѣд.» № 277).

Исламъ мусульманскій и исламъ протестантскій.

«Если бы мы не были такъ слѣпы, то предвидѣли бы не только всемірно-историческую, но и метафизическую неизбѣжность того, что сейчасъ происходитъ въ союзѣ Германіи съ Турціей.

...Исламъ — «реформація» семитовъ, реформація — «исламъ» арійцевъ. Два ислама, двѣ реформаціи,—метафизически-соотвѣтственныя, обоюдныя: обѣ — движеніе назадъ, возвращеніе, реакція: исламъ — къ

первоіудейству, какъ-будто христіанства не было; протестантизмъ — къ первохристіанству, какъ-будто церкви не было. Дѣло испорчено, надо поправить, а для этого все начать сызнова,—такова общая мысль Магомета и Лютера *).

Главная притягательная сила обѣихъ религій—общедоступность, общепонятность, приспособленность къ среднему человѣческому уровню. Обѣ религіи — «въ ростъ человѣческій». Ничего сверхсильнаго, сверхмѣрнаго. Всѣ метафизическія крайности сглажены, всѣ острея сломаны. Самыя удобныя, умѣренныя, естественныя, разумныя, «раціональныя» религіи,—религіи «здраваго смысла» по преимуществу.

Богъ внѣміренъ, «трансцендентенъ», непознаваемъ, невоплощаемъ. Отсюда — «иконоборчество», отрицаніе всѣхъ божественныхъ знаковъ и знаменій, «символовъ» (предполагающихъ «имманентность», воплощаемость Бога). Вотъ почему такъ просто, пусто, чисто, свѣтло и голо, и холодно въ обоихъ храмахъ—протестантской церкви и мусульманской мечети.

Монизмъ, детерминизмъ — два главныхъ догмата обѣихъ религій. Монизму религіозному, единобожію, противорѣчитъ или какъ-будто противорѣчитъ догматъ о Троицѣ, о воплощеніи Сына Божьяго. Вотъ почему оба «ислама» сводятъ Христа къ «человѣку Іисусу»: мусульманство—сразу, догматически, протестантство—мало-по-малу, критически, отъ Лютера къ Ницше. У авэрроистовъ, средневѣковыхъ арабскихъ

---

*) Я разумѣю здѣсь и въ дальнѣйшемъ, конечно, не весь протестантизмъ, а лишь извѣстный уклонъ его, извѣстное теченіе или, вѣрнѣе, опасность, грозящую протестантизму германскому въ большей степени, чѣмъ какому-либо другому христіанскому исповѣданію. Протестантизмъ самъ по себѣ—великое, вѣчное, религіозное движеніе, въ которомъ заключается, какъ и во всякой религіи, зерно абсолютной истины.

комментаторовъ Аристотеля, точно такъ же, какъ у современныхъ германскихъ ученыхъ, метафизическое единобожіе становится «научнымъ монизмомъ», матеріализмомъ; единство воли Божіей—единствомъ «законовъ естественныхъ». И религіозному «фатализму», который нашелъ свое протестантское завершеніе въ ученіи Кальвина, соотвѣтствуетъ научный «детерминизмъ»; «оправданію вѣрою»—оправданіе вѣдѣніемъ.

...«Священная война»—вотъ смыслъ Корана. Да примутъ исламъ всѣ племена и народы, вся «дрожащая тварь», а кто не приметъ,—огнемъ и мечомъ истребится. Одинъ Богъ, одинъ пророкъ, одно царство,—отъ Гималая до Гибралтара.

Священная война, война-религія,—этого нѣтъ ни въ одной религіи, кромѣ ислама, по крайней мѣрѣ, въ такой степени.

...Въ союзѣ Турціи съ Германіей два «ислама», протестантскій и мусульманскій, соединились именно въ этомъ своемъ догматѣ: священной войнѣ,—войнѣ, какъ религіи».

Д. Мережковскій («Рус. Сл.» № 262).

Россія на перепутьи.

Проблема націонализма.

Религіозная ложь націонализма.

«Война съ милитаризмомъ, война съ войною — таковъ желательный для насъ, должный смыслъ настоящей войны. Но таковъ ли смыслъ данный, дѣйствительный?

Противъ милитаризма, какъ ложной культуры, выставляется принципъ культуры истинной, всечеловѣческой. Но принципъ этотъ оказывается на нашихъ глазахъ отвлеченнымъ и бездѣйственнымъ. Никогда еще, за память европейскаго человѣчества, не бывало такого попранія самой идеи культуры всечеловѣческой.

...Существо культуры сверхнаціонально, всемірно. «Потребность всемірнаго соединенія есть послѣдее мученіе людей. Всегда человѣчество, въ цѣломъ своемъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великой исторіей, но, чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей». (Достоевскій. «Великій Инквизиторъ»).

Эта потребность — одна изъ главныхъ движущихъ силъ древняго дохристіанскаго человѣчества. Ассирія, Мидія, Македонія—неудачныя попытки всемірнаго соединенія. Первая удача—Римъ. Римъ есть «міръ», и «римскій миръ»—pax romana—воистину «миръ всего міра». Таковъ первый моментъ «всемірнаго соединенія»—внѣшняго, государственнаго, какъ будто вѣчнаго, а на самомъ дѣлѣ мгновеннаго, равновѣсія какъ будто непоколебимаго, а на самомъ дѣлѣ неустойчиваго. Нашествіе варваровъ, по преимуществу германцевъ,—своего рода національная реакція противъ римскаго единства, возвращеніе къ національной самобытности племенъ,—разбиваетъ изнутри это внѣшнее единство римской имперіи, какъ теплыя вешнія воды разбиваютъ ледяную кору.

Второй моментъ—всемірное соединеніе уже не внѣшнее, а внутреннее, во имя не человѣческаго, а Божескаго Разума, Логоса. Отвлеченная идея человѣчества впервые воплощается въ церкви вселенской, и «римскій миръ» становится миромъ Божіимъ—pax Dei. Но тутъ же, въ самой церкви, происходитъ смѣшеніе двухъ несовмѣстимыхъ началъ—церковнаго и государственнаго. Вотъ почему и это второе соединеніе, второй «миръ всего міра» оказывается непрочнымъ. Опять націонализмъ вторгается въ единство всемірное, но уже не изнутри, а извнѣ, и раскладываетъ его сначала на двѣ половины — восточную и западную церкви, потомъ на множество національныхъ помѣстныхъ церквей. Въ этомъ смыслѣ реформація, не случайно германская, есть второе «нашествіе варваровъ».

Третій моментъ — наполеоновская имперія, новое возрожденіе древняго единства римскаго. Объявляя цѣлью завоеваній своихъ «le régne de la raison humaine»—царство человѣческаго, только человѣческаго разума,—Наполеонъ совпалъ съ Робеспьеромъ. И въ третій разъ

націонализмъ разрушаетъ единство всемірное: борьба за національную самобытность противъ наполеоновской имперіи приводитъ къ священному союзу.

Что же такое націонализмъ? Утвержденіе національной правды, частной и относительной, какъ абсолютной, всеобщей и всечеловѣческой. Націонализмъ ... словесно утверждаетъ, искренно, дѣятельно исключаетъ всѣ другія національности, кромѣ своей: если національная правда абсолютна, то она исключительна, единственна, ибо не можетъ быть двухъ абсолютовъ.

Съ патріотизмомъ, съ чувствомъ родины (религіозно-истиннымъ утвержденіемъ національнаго чувства) націонализмъ не совпадаетъ. Въ плоскости духовной внутренней понятіе родины шире, чѣмъ понятіе государства: самое живое, личное въ бытѣ народномъ не вмѣщается въ бытіи государственномъ. Въ плоскости матеріальной, внѣшней понятіе государства шире, чѣмъ понятіе родины: въ одномъ государствѣ можетъ быть много народовъ, много родинъ. Существо націонализма всегда государственно, но существо самаго государства сверхнаціонально. Понятіе націи вмѣщается въ понятіи государства, но не обратно: много націй можетъ входить въ одно государство. Нѣтъ столь малой державы, которая не стремилась бы сдѣлаться «великою» насчетъ другихъ, меньшихъ. Неизбѣжный метафизическій предѣлъ государственности—«великодержавность», нація, утверждающая свою частную, относительную правду, какъ абсолютную и всечеловѣческую.

...Борьба съ націонализмомъ велась донынѣ въ позитивной плоскости. Но окончательное преодолѣніе его возможно только въ той плоскости, гдѣ самъ онъ движется, а именно въ религіозной.

Здѣсь дѣло идетъ объ отношеніи религіи вовсе не

къ чувству національности, а къ его болѣзненному искаженію.

Что такое національность? Особое, индивидуальное, личное служеніе націи правдѣ всечеловѣческой. Народы суть части единаго цѣлаго, члены единаго тѣла— человѣчества. Утверждая цѣлое, нельзя отрицать частей; утверждая человѣчество, нельзя отрицать національностей. Христіанство и утверждаетъ ихъ, какъ средство, какъ путь къ человѣчеству и Богочеловѣчеству. «Ни іудея, ни эллина, но во Христѣ новая тварь». Чтобы обновить тварь во Христѣ, надо не отрицать, а утвердить, принять ее всю до конца; чтобы возвысить національность, народность до всечеловѣчности, надо принять и ее всю до конца.

Христіанство отрицаетъ не національности, а національзмъ, какъ самодовлѣющую цѣль.

...Кровавый національзмъ, безкровный универсализмъ (космополитизмъ)—наша Сцилла и Харибда. Какъ проскользнуть между ними?..

Отъ національной «нечисти» русская интеллигенція кидалась въ аскетическій антинаціонализмъ—отъ огня да въ полымя. Конечно, голый антинаціонализмъ—еще не христіанскій универсализмъ, не «всечеловѣчность»: голое отрицаніе лжи—еще не утвержденіе истины. Но нѣтъ ли и у русской интеллигенціи подлиннаго христіанскаго универсализма? Достоевскій указывалъ на всечеловѣчность Пушкина, какъ на его русскую національную особенность. Національное утвержденіе себя не только въ себѣ, но и въ другихъ, преодолѣніе національнаго во всечеловѣческомъ—это, вѣдь, и есть начало подлинной христіанской вселенности. «Потерявшій душу свою обрѣтетъ ее». Вольная потеря и невольное обрѣтеніе національной души не есть ли именно національная особенность русской интеллигенціи, пусть

еще религіозно не сознанная, не достигнутая, но возможная и желанная?

Изживаніе націонализма — не смерть, а воскресеніе націи.

...Религіозное изживаніе націонализма есть изживаніе и милитаризма, войны. Но чтобы изжить войну, надо пережить ее, принять всю до конца. Войной войну побѣдить. Повторяю, голое отрицаніе лжи—еще не утвержденіе, не побѣда истины».

Д. Мережковскій («Голосъ Жизни» № 4 за 1914 г. и «Бирж. Вѣд.» №№ 14472 и 14480).

Мессіанизмъ и миссіонизмъ.

«Признаніе самостоятельнаго національнаго типа приводитъ къ признанію самостоятельной роли націи въ общемъ человѣческомъ прогрессѣ, или, что то же, національнаго миссіонизма. Признаніе исключительнаго достоинства націи, исключительной помазанности Божіей, приводитъ къ признанію особаго назначенія націи, спасенія въ томъ или иномъ отношеніи всего человѣчества ею, или, что то же, національнаго мессіанизма.

...Самоутвержденіе личности, которое является прародителемъ самоутвержденія національнаго, лежитъ на грани съ личнымъ эгоизмомъ, грѣхомъ съ религіозной точки зрѣнія. Какъ религіозная добродѣтель, самоутвержденіе личности заключаетъ въ себѣ два необходимыхъ признака: живое сознаніе постояннаго долга усовершенствованія по идеалу богоподобія и живое сознаніе своей общности, своего родства съ другими

людьми. Личный эгоизмъ — грѣхъ — заключаетъ въ себѣ начало самодовольства и разобщенности, и разъединенія съ другими людьми.

Вѣрно это и въ отношеніи національнаго начала и національизма.

Національное самоутвержденіе, какъ религіозная добродѣтель, заключаетъ въ себѣ переживаніе націей своей миссіи, какъ религіознаго долга, и именно въ силу этого переживаніе своей общности со всѣмъ человѣчествомъ, въ общій прогрессъ котораго оно несетъ и свою лепту.

Націонализмъ, какъ грѣхъ, есть утвержденіе націей себя какъ самоцѣли: въ благѣ ея, и только въ этомъ—начало и конецъ всѣхъ стремленій. Первая черта ведетъ за собою и другую. Если нація—самоцѣль, то всѣ другія націи не соработники для нея на общей нивѣ Божіей, а лишь средство для ея благополучія и счастія. — Народъ Божій только мы, а остальные народы призваны служить намъ,—такъ переживаетъ себя націонализмъ.

...Нація есть субстанція. Ея отличительныя проявленія подлежатъ болѣе или менѣе точному научному описанію и опредѣленію. Въ историческомъ прогрессѣ нація несетъ собою самостоятельную реальность, а потому и цѣнность. Если все человѣчество представить въ видѣ океана, то нація вливаетъ въ него свои воды, различныя отъ другихъ потоковъ.

И только. Индивидуальность не есть превосходство, если имѣть въ виду то содержаніе, которымъ она заполняется. Признаемъ ли мы человѣка искусства качественно отличнымъ отъ человѣка науки, или мыслителя, склоннаго къ анализу, качественно лучшимъ синтетика? Даже въ притчѣ Спасителя о талантахъ при рѣзкой количественной разницѣ даровъ

нѣтъ мысли о превосходствѣ одного надъ другимъ, и послѣднее устанавливается лишь употребленіемъ талантовъ... Для меня лично совершенно непонятно, какимъ образомъ миссіонизмъ долженъ въ нормальномъ порядкѣ душевныхъ переживаній неизбѣжно перейти въ мессіанизмъ: ни логическихъ, ни психологическихъ основаній къ тому я не нахожу.

...Какъ ни велика и ни высока цѣнность націи, какъ ни велика обязанность въ отношеніи къ ней каждаго ея сына, все же абсолютная цѣнность не въ ней. «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будетъ тебѣ бози иніи развѣ Мене»—вотъ верховное благо человѣка, и только неразрывною связью съ этимъ Абсолютнымъ Благомъ національное начало пріобщается къ вѣчнымъ цѣнностямъ. Оторвавшись отъ Бога, сдѣлавши себя самого самодовлѣющей цѣнностью, или, что то же, абсолютнымъ добромъ, національное начало превращается въ простой національный эгоизмъ, которому религіозная цѣна такая же, какъ эгоизму личному и семейному.

Я думаю, ни въ одной книгѣ не содержится такъ много великихъ предупрежденій противъ національизма, какъ въ Евангеліи.

Чѣмъ больше вчитываешься въ эту книгу, тѣмъ больше убѣждаешься, что Голгоѳская трагедія совершилась больше всего на почвѣ національизма.

Юридически начальники еврейскіе выставили противъ Спасителя обвиненіе въ богохульствѣ, но въ дѣйствительности несмываемымъ «преступленіемъ» Іисуса Христа въ глазахъ евреевъ было то, что Онъ не только не раздѣлялъ ихъ національизма, но боролся съ нимъ на протяженіи всей Своей жизни.

«Лучше намъ, — сказалъ Каіафа, — чтобы

один человѣкъ умеръ за людей, нежели, чтобы весь народъ погибъ».

Евангельскій фактъ величайшей важности! Вѣдь здѣсь ни болѣе ни менѣе, какъ дѣйствительный прообразъ Великаго Инквизитора, ведущаго вполнѣ сознательно Невиннаго на крестъ за то, что Онъ «мѣшалъ» ему въ устроеніи жизни еврейскаго народа. Пусть Этотъ Человѣкъ—Мессія (таковъ вѣдь смыслъ словъ Каіафы), творящій великія чудеса, но для насъ важнѣе всего—«придутъ римляне и окончательно поработятъ насъ». Первая заповѣдь Синайской горы стала читаться такъ: національное благо народа—есть твой богъ, и да не будетъ у тебя иныхъ боговъ, кромѣ него...

Исторія съ Вараввой еще болѣе оттѣняетъ значеніе описаннаго факта.

Почему-то принято считать Варавву простымъ разбойникомъ и убійцей. А дѣло по Евангелію представляется иначе. Евангелистъ Маркъ (XV, 7) даетъ ясно понять, что Варавва былъ національный герой, вѣрнѣе всего—присужденный къ казни за бунтовщическія дѣла противъ римлянъ, данниками которыхъ были евреи. Если такъ, то исторія съ отпускомъ Вараввы является удивительно яркимъ, послѣднимъ штрихомъ къ Евангельской исторіи...

Нужно помнить, національнзмъ осужденъ Голгоѳскимъ Крестомъ, и тотъ народъ гибнетъ, который забываетъ этотъ запечатлѣнный Божественной Кровью завѣтъ».

Свящ. К. Агеевъ. («Бирж. Вѣд». №№ 14484 и 14544).

Кольцо Нибелунговъ въ судьбахъ народовъ.

«Тотъ народъ гибнетъ, который забываетъ запечатлѣнный Божественной Кровью завѣтъ». Эту мысль процитированнаго только что автора развиваетъ другой нашъ публицистъ, **кн. Е. Н. Трубецкой** («Рус. Мысль», XII, 1914), иллюстрируя ее уже не историческимъ, а литературнымъ примѣромъ.

«...Многочисленные историческіе примѣры доказываютъ, что именно гегемонія всего чаще создаетъ ту нравственную атмосферу, которая усыпляетъ духовныя силы побѣдителя, а тѣмъ самымъ обрекаетъ его на гибель. Та борьба, которую мы ведемъ въ настоящую минуту, есть прежде всего борьба противъ узкаго національнзма одного народа, ставшаго всеобщимъ врагомъ. Но именно на почвѣ мировой гегемоніи всего чаще расцвѣтаютъ уродливыя крайности этого національнзма: именно она рождаетъ то упоеніе собственнымъ могуществомъ и величіемъ, которое губитъ націи.

...Злой рокъ, тяготѣющій надъ побѣдителями и въ особенности надъ міровыми владыками, угрожаетъ не одной Германіи, также и всякому вообще народу, который увлечется соблазномъ мірового первенства и забудетъ о той нравственной и вмѣстѣ культурной задачѣ, которая одна можетъ служить оправданіемъ мірового могущества. Сущность этой опасности нашла себѣ прекрасное художественное изображеніе въ извѣстной германской сагѣ о кольцѣ Нибелунговъ и въ музыкальной драмѣ Вагнера того же названія.

Одно и то же кольцо Нибелунговъ даетъ власть надъ міромъ и обрекаетъ на смерть мірового влады-

ку. И причина этого злого рока—чисто-психическая; она лежитъ частью въ настроенiи самого побѣдителя, частью въ настроенiи окружающихъ. Съ одной стороны, власть надъ мiромъ искажаетъ духовный обликъ владыки, превращаетъ его въ большинствѣ случаевъ въ ненавистное и опасное для всѣхъ страшилище, въ лютаго хищника; съ другой стороны, она создаетъ вокругъ него атмосферу всеобщей ненависти, и рано или поздно онъ долженъ стать жертвой этой ненависти.

У Вагнера эта мысль особенно ярко олицетворяется образомъ великана-Фафнера. Увлеченный алчностью, этотъ счастливый обладатель кольца утрачиваетъ человѣческiй обликъ и превращается въ злое чудовище; ставши огнедышащимъ дракономъ, онъ удаляется въ «пещеру зависти», гдѣ онъ сторожитъ свою добычу, а всякаго приближающагося къ ней пожираетъ. А вокругъ пещеры нарастаетъ та всеобщая зависть и ненависть, которая должна положить ему конецъ; весь мiръ живетъ въ ожиданiи героя, который сразитъ чудовище. Но герой, завладѣвъ кольцомъ, самъ въ свою очередь долженъ погибнуть...

Напрасно было бы искать какихъ-либо нацiональныхъ чертъ въ этомъ художественномъ образѣ. Несмотря на нѣмецкое имя, Фафнеръ—типъ вовсе не нѣмецкiй, а общечеловѣческiй. Утрата человѣческаго облика и превращенiе въ чудовище съ тѣмъ же неизбѣжнымъ концомъ грозитъ всѣмъ мiровымъ владыкамъ — всякому народу, упоенному собою. зараженному манiей величiя и порабощенному злою страстью алчности».

Патріотизмъ противъ національзма.

«Русскій патріотизмъ стоитъ противъ нѣмецкаго національзма,—вотъ самое сильное и вмѣстѣ самое отрадное впечатлѣніе нашихъ дней. Никогда противоположность этихъ двухъ принциповъ не сказывалась сильнѣе и нагляднѣе, чѣмъ теперь.

Съ одной стороны мы видимъ голый національный эгоизмъ, который сулитъ жестокій гнетъ всѣмъ не принадлежащимъ къ господствующей національности, а потому всѣхъ отталкиваетъ. Съ другой стороны, наоборотъ,—могучій подъемъ патріотическаго чувства, который объединяетъ въ одно цѣлое всѣ народы великой имперіи, потому что въ немъ нѣтъ національной исключительности, нѣтъ самообожанія, нѣтъ того презрѣнія и ненависти къ другимъ народамъ, которыя составляютъ характерную черту національзма.

...Въ сверхнародности русскаго патріотизма, въ этой его преданности цѣлямъ не узко національнымъ, а общечеловѣческимъ—надежда другихъ народовъ.

...Въ этомъ совпаденіи національнаго интереса съ идеаломъ справедливаго, христіанскаго отношенія къ другимъ національностямъ заключается великое счастье Россіи. Ибо ея задача, это—задача христіанскаго разрѣшенія національнаго вопроса.

Мы сражаемся за права національностей вообще, за самый національный принципъ въ политикѣ, въ полномъ его объемѣ... Для разрѣшенія этой задачи нужна не только высшая мудрость,—нуженъ тонкій душевный тактъ. Мы должны совмѣстить пламенный патріотизмъ со справедли-

ным, дружественнымъ отношенiемъ къ другимъ народностямъ. Чтобы побѣдить въ борьбѣ съ германизмомъ, мы должны выработать такое отношенiе къ нацiональному вопросу, которое было бы одинаково чуждо противоположныхъ крайностей космополитизма и нацiонализма».

Кн. Евг. Трубецкой («Рус. Вѣд.» № 177 и «Рус. Мысль», дек. кн.).

Два полюса взаимоотношенiй народностей.

«Есть два крайнихъ предѣла, между которыми колеблются взаимныя отношенiя народовъ: то совершенное, естественное ихъ отчужденiе, которое олицетворяется библейскимъ образомъ раздѣленiя языковъ, и то совершенное духовное ихъ объединенiе, которое въ Новомъ завѣтѣ олицетворяется видѣнiемъ огненныхъ языкъ—Пятидесятницей.

Когда каждый народъ видитъ исключительно въ самомъ себѣ цѣль и разсматриваетъ всѣ прочiе народы только какъ средства для своего благополучiя,—тогда въ ихъ взаимоотношенiяхъ господствуетъ именно то настроенiе, которое выражается въ раздѣленiи языковъ. Каждый руководствуется девизомъ: мой народъ превыше всего,—Deutschland, Deutschland über alles, а всѣ пожираютъ другъ друга.

Задача Россiи заключается именно въ преодолѣнiи этого лозунга,—именно въ установленiи такого единства между народами, при которомъ языкъ не отчуждаетъ и не отталкиваетъ людей другъ отъ друга, а духовно ихъ объединяетъ. Это—то взаимоот-

ношеніе народностей, при которомъ онѣ не исключаютъ другъ друга, а, наоборотъ, духовно другъ друга восполняютъ.

...Видѣніе огненныхъ языкъ когда-нибудь станетъ реальностью въ жизни народовъ. Правда, это случится не скоро; а до того имъ придется пройти долгій, трудный путь. Но уже теперь это видѣніе носится передъ нами какъ отдаленная цѣль, опредѣляющая направленіе нашего странствованія.

...«И явились имъ раздѣляющіеся языки какъ бы огненные и почили по одному на каждомъ изъ нихъ. И исполнились всѣ Духа Святаго, и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщевать. Въ Іерусалимѣ же находились іудеи, люди набожные изъ всякаго народа подъ небесами. Когда сдѣлался сей шумъ, собрался народъ и пришелъ въ смятеніе: ибо каждый слышалъ ихъ говорящими его нарѣчіемъ». (Дѣян. III, 3—6).

Вотъ высшій идеалъ и высшая духовная норма взаимныхъ отношеній народовъ. Всѣ народы подъ небесами должны собраться въ одинъ духовный Іерусалимъ, всякій долженъ говорить своимъ нарѣчіемъ, и всякій долженъ переживать эту рѣчь такъ, какъ если бы онъ слышалъ свой родной языкъ. И то, что сказано въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о языкѣ, должно быть понимаемо шире,—въ примѣненіи ко всей духовной жизни народовъ. Во всемъ народномъ творчествѣ, во всей національной культурѣ долженъ звучать все тотъ же огненный языкъ, у каждаго народа особенный, своеобычный, но вмѣстѣ съ тѣмъ родной и близкій всѣмъ прочимъ народамъ».

Кн. Евг. Трубецкой. («Война и міровыя задачи России». М. 1915).

Синтезъ націонализма и космополитизма.

Вопросъ о «равнодѣйствующей» двухъ этихъ соціальныхъ принциповъ — космополитизма и націонализма—сдѣлалъ предметомъ своего доклада въ петроградскомъ религіозно-философскомъ обществѣ («Идея націи») **С. Гессенъ**. Для передачи содержанія доклада мы пользуемся отчетами о немъ въ «Голосѣ Жизни», «Днѣ» и «Рѣчи».

Космополитизмъ по существу своему противоположенъ націонализму. Но, какъ это ни странно, между ними есть большія черты сходства.

Оба они—симметрическіе продукты механистической точки зрѣнія на человѣчество, видящей въ немъ простой аггрегатъ, сумму отдѣльныхъ націй. Космополитъ, такъ сказать, отрываетъ цѣлое—человѣчество—отъ составляющихъ его въ своей органической связи частей, онъ «абсолютируетъ» его, не замѣчаетъ единаго въ многообразномъ, а повсюду находитъ лишь единообразное, однообразную стихію общечеловѣческаго. Аналогичнымъ образомъ націоналистъ отрываетъ часть отъ цѣлаго,—превращаетъ въ абсолютъ, въ самостоятельное бытіе, въ самодовлѣющее цѣлое, ту націю, къ которой онъ принадлежитъ.

Космополитизму человѣчество представляется суммой отдѣльныхъ разрозненныхъ индивидовъ. Между человѣчествомъ и индивидомъ нѣтъ посредствующихъ звеньевъ; какъ бы отрицается непрерывность исторіи, гдѣ каждый народъ имѣетъ опредѣленное мѣсто. Оттого космополитъ антиисториченъ, онъ — жертва такъ называемой дурной безконечности, утопистъ, гоняющійся за призраками. Націонализмъ — изнанка космополитизма. Націона-

листъ признаетъ лишь то, чѣмъ можно непосредственно обладать; онъ крайне историченъ, не умѣетъ быть сверхъ-историчнымъ, и потому консервативенъ и несправедливъ.

Оторванный отъ стихіи національности, отъ органической почвы—космополитизмъ ведетъ къ скепсису, одиночеству, эпикурейству. Начинаетъ онъ съ идеи всемірнаго гражданства, а кончаетъ самымъ обывательскимъ равнодушіемъ; оторванный отъ связи съ націей, космополитъ превращается въ скучающаго, никому ненужнаго скитальца. Между тѣмъ націоналистъ, утратившій связь съ великимъ цѣлымъ, человѣчностью, превращается въ провинціала, въ обитателя какого-нибудь Щигровскаго уѣзда: изъ россійскаго онъ выдѣляетъ русское, изъ русскаго—великорусское, изъ великорусскаго — свое, щигровское... Такъ получается непрерывное дробленіе націи, тоже своего рода дурная безконечность.

Правильное рѣшеніе національной проблемы—въ томъ, чтобы растопить, растворить космополитизмъ и націонализмъ другъ въ другѣ, пропитать ихъ другъ другомъ и получить, такимъ образомъ, истинный націонализмъ, осуществляющій не человѣчество, а человѣчность, создающій въ процессѣ рѣшенія своихъ національныхъ задачъ общечеловѣческія цѣнности.

Истинный космополитизмъ и истинный націонализмъ не противорѣчатъ другъ другу, они вполнѣ совмѣстимы. Нація возможна только черезъ человѣчество и въ человѣчествѣ. А быть гражданиномъ міра можно только будучи членомъ націи. Чтобы быть индивидуальнымъ, надо жить чѣмъ-то надъ-индивидуальнымъ. А чтобы быть націей, въ полномъ смыслѣ этого слова, надо стать ей чѣмъ-то бо́льшимъ, чѣмъ она сама по себѣ; идея націи только тогда

творчески жива, когда связана со вселенской идеей человѣчности, съ идеаломъ, выше націи стоящимъ.

Мистическая роль государства.

«Исторія человѣчества есть постепенное подготовленіе Царства Божія; христіанство не отметаетъ, а преображаетъ естественно-человѣческое. Идеальная связь человѣчества можетъ быть дана, конечно, только Церковью, союзомъ любви. Но и семья, и государственность—все это подготовительныя ступени къ Церкви. Принципъ, ихъ создающій, тотъ же: «да всѣ едино будутъ». Таковъ былъ первоначальный планъ человѣческой жизни.

...Весь смыслъ міровой исторіи заключается въ томъ, чтобы сила Евангелія проникла въ жизнь: «Царство Небесное подобно закваскѣ, которую женщина взявши положила въ три мѣры муки, доколѣ не вскисло все». Когда проникнетъ закваска во всю жизнь, тогда наступитъ конецъ міровой исторіи.

Мы живемъ въ процессѣ христіанизаціи, борьбы добра со зломъ. Вся наша жизнь сплетена изъ элементовъ добра и зла. Въ христіанской общинѣ, если бы она была изолирована отъ всякаго зла, государственность была бы не нужна: въ Ѳиваидѣ обходились безъ полиціи, суда, парламента. Но въ мірѣ, въ условіяхъ нашего существованія, все это необходимо. Ибо мы еще не стали совершенными, не стали не лично, такъ какъ личность не можетъ оторваться отъ человѣчества, а во всей жизни человѣчества.

Въ условіяхъ жизни воинствующей Церкви, государство и есть институтъ, воспитывающій въ человѣчествѣ сознаніе единства, органическаго сродства.

...Мы еще не доросли до того момента, когда всѣ «едино будутъ во Христѣ»; но уже культура привела насъ къ сознанію единства государственности. Какими бы грѣшными путями въ исторіи ни создавалась извѣстная государственная единица, разъ создавшись, она теперь, съ чисто культурной точки зрѣнія, не можетъ быть разрушена. Пусть московскіе князья въ своихъ усиліяхъ объединить Русь иногда допускали грѣшныя средства,—безуміе говоритъ теперь о выдѣленіи Рязанскаго или Тверского княжества. Это—просто, всѣми принято.

Но немного шире — и настроеніе мѣняется. Народъ—то же, что личность: имѣетъ свой характеръ, свою память, свои настроенія. И если одинъ народъ силою оружія подчиненъ другому, онъ долго будетъ помнить о своей свободѣ.

...Не завоеваніемъ, а психологическими вліяніями создается единство двухъ такихъ народовъ. Совершается прививка одного къ другому; этотъ большой и болѣзненный процессъ на первыхъ порахъ даетъ лишь механическое соприкосновеніе. Проходитъ извѣстный срокъ—и двѣ части срослись и стали однимъ деревомъ, однимъ организмомъ, въ которомъ корень не скажетъ вѣтвямъ: «вы намъ не нужны».

Народы, входящіе въ одно государство, послѣ долгой болѣзненной борьбы срастаются въ единый организмъ. Намъ не особенно больно было потерять Портъ-Артуръ, но потерять Почаевъ было бы нестерпимо больно: съ нимъ мы срослись. «Не можетъ сказать глазъ рукѣ: ты мнѣ не нужна»... «И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ, то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу?» (Ап. Павелъ).

Членъ тѣла—не рабъ. Только принятіе другой на-

родности, какъ равноправной, съ ея человѣческими правами, можетъ вести къ органическому единству. При полномъ превосходствѣ одной изъ нихъ, вторая подчинится и ассимилируется съ нею. Равенство силъ создаетъ—повторяемъ, при признанiи человѣческихъ правъ обѣихъ сторонъ—раздѣленiе труда, полное и всестороннее устроенiе общей жизни.

Гораздо жизненнѣе, выше тѣ организмы, которые обладаютъ болѣе сложнымъ, богатымъ органами, тѣломъ. Отъ простѣйшей клѣточки жизнь идетъ къ многосложному человѣческому тѣлу. Такъ и общественный организмъ отъ семьи идетъ къ сложному государственному организму, въ которомъ гораздо важнѣе не раздѣленiе труда между сословiями, вѣдомствами, а богатство и разнообразiе духовныхъ дарованiй. Извѣстно, какъ вредны браки между людьми одной семьи; создается уродливая односторонность; преобладанiе одинакихъ чертъ ведетъ къ убожеству въ остальныхъ. Таковы же плоды односторонняго народнаго духа. Всѣмъ извѣстна ходячая характеристика нѣмца съ его педантизмомъ, бездушнымъ расчетомъ. Наиболѣе даровитыя нацiи созданы скрещенiемъ. Такъ сама природа зоветъ человѣчество къ единенiю, органическому родству... Въ концѣ мiровой исторiи люди будутъ болѣть именно этой жаждой слiянiя всего человѣчества въ одинъ организмъ.

«Зоологическiй» нацiонализмъ—огромная помѣха на этомъ пути. Онъ требуетъ себѣ господства, не признаетъ равенства всѣхъ людей—и въ этомъ его антихристiанскiй и антикультурный характеръ. Случайно, быть можетъ, съ болью, предки соединили въ одинъ сосудъ три мѣры муки. Закваска культуры, тѣмъ болѣе Евангелiе свяжетъ все такъ, что нельзя будетъ отдѣлить крупинку, одну частицу муки отъ

другой: онѣ сольются, обѣ равно нужныя, по-своему полезныя.

...Въ государствѣ принято видѣть чисто внѣшнюю единицу, члены которой связаны только юридически, формально. Есть связь иная, таинственно вырастающая въ глубинахъ народной души, мистически спаивающей всѣ клѣточки этого организма. Не всегда ощущаемая, сила этой связи въ исторіи человѣчества служитъ къ возвращенію утраченной первоначальной основы человѣческаго единенія — любви. Сколько бы ни говорили теоретики-раціоналисты о выгодѣ, какъ первоначальномъ мотивѣ, соединившемъ людей въ общество,—здоровое чувство знаетъ иную связь съ родиною, кромѣ юридической. И та широта въ пространствѣ и глубина во времени, какія захватываются этою связью, говорятъ неоспоримо, что обычными чувствами привычки къ мѣсту и людямъ ея не объяснить. Ея родники—глубже, въ мистической природѣ человѣка, въ его тяготѣніи слить себя со всѣмъ бытіемъ. Развитіе человѣчества и ведетъ къ расширенію понятія «свое», къ углубленному ощущенію связи между людьми. Развитіе человѣчества ведетъ къ признанію въ государствѣ, какъ бы оно ни было велико, родины. И тѣ моменты, когда злая сила дѣлаетъ попытки разрушить духовныя созданія культуры, неизбѣжно сопровождаются сознаніемъ этой мистики государства. А это осознаніе является основою, на которой человѣчество, освобождаясь отъ зла, идетъ къ устроенію Новой земли, Новой родины, гдѣ обитаетъ правда Евангельская».

Credens («Церк.-Обществ. Вѣст.» № 34).

Міровыя задачи Россіи.

«Окно въ Европу» неуловимо измѣнило свою внѣшность. Створки его стали открываться въ другую сторону, и оно сдѣлалось окномъ для Европы въ Россію». («Бирж. Вѣд.»).

Поворотъ всемірной исторіи.

«Чѣмъ бы ни кончилась настоящая война, мы все же можемъ питать, по крайней мѣрѣ, одну великую надежду: она означаетъ выступленіе на сцену всемірной исторіи славянства, какъ главной творческой силы.

До сихъ поръ въ исторіи всемірной культуры славянство играло лишь пассивную роль. Руководящими выступали другія народности, народы романскаго и германскаго племени. Такъ, напримѣръ, новая исторія даетъ намъ два главныхъ событія: реформацію и революцію. Первая зародилась и протекала, главнымъ образомъ, въ Германіи и германскихъ странахъ, вторая—во Франціи. Славянство, если и принимало участіе въ этихъ событіяхъ, то во всякомъ случаѣ главное руководство принадлежало не ему. Даже походъ Наполеона и героическій 12-й годъ были, съ этой точки зрѣнія, лишь эпизодами освободительныхъ войнъ Европы. Востокъ жилъ особой жизнью, независимой отъ Запада. Постепенное развитіе Россіи протекало безъ рѣшающаго вліянія на судьбы собственно культурныхъ народовъ. Россія до сихъ поръ дѣйствовала въ качествѣ союзницы и сотрудницы другихъ непосредственно заинтересованныхъ въ событіяхъ народовъ, которые и являлись собственно зачинателями и носителями историческаго развитія.

Въ настоящее время роль славянства кореннымъ образомъ измѣнилась. Европа роковымъ образомъ втянута въ борьбу славянъ за свое національное существованіе. Французы и англичане, испанцы, нѣмцы и всѣ «двунадесять языковъ» почувствуютъ такъ или иначе этотъ поворотъ исторіи. Славянскій вопросъ становится міровымъ вопросомъ. Судьба другихъ странъ связана такъ или иначе съ судьбою славянъ. Борьба славянъ захватываетъ всѣ страны и всѣ народы.

Этотъ поворотъ всемірной исторіи разрушилъ всѣ расчеты, недавно казавшіеся столь убѣдительными и ясными.

Едва ли можно сомнѣваться, что союзъ Франціи и Россіи былъ заключенъ въ цѣляхъ и видахъ собственно западно-европейской политики. Вершителями судебъ Европы были Германія и Франція. Эти державы-соперницы недовѣрчиво взирали другъ на друга, одна, затаивъ обиду, другая,—опасаясь за свои недавнія завоеванія. Россія была только союзницей Франціи. Точно такъ же въ самое послѣднее время обнаружилось соревнованіе Германіи и Англіи. Тройственное соглашеніе было придумано Франціей и Англіей противъ Германіи. И здѣсь Россія играла роль только союзницы.

Теперь роли перемѣнились. Можно сказать, вся культура Европы поставлена на карту изъ-за судьбы маленькаго славянскаго государства.

Этотъ историческій парадоксъ легко разрѣшается конкретной обстановкой настоящей драмы. Если будетъ разбита Сербія, Россія должна будетъ признать свое политическое банкротство и перестать существовать, какъ великая держава. Если втянутая въ войну Россія будетъ разбита, то немедленно уничто-

жится и могущество Франціи, а затѣмъ и Англіи, ибо ясно, что при германской гегемоніи надъ всей Европой никакіе флоты не спасутъ Англію отъ разгрома. Такъ одно звено за другимъ сковываетъ судьбу всей Европы съ судьбой сербскаго королевства.

...Не на берегахъ Рейна будутъ рѣшаться судьбы Европы, а на берегахъ Вислы и Дуная».

А. Т—въ. («Утр. Рос.»).

Идея имперіализма и наше призваніе.

«Идея имперіи — одна изъ древнихъ идей человѣчества. Въ ней воплощалась окрыленная мечта о сверхнаціональномъ, всемірномъ единствѣ человѣчества. По идеѣ имперія можетъ быть только одна.

Христіанскій міръ унаслѣдовалъ отъ древняго міра идею Римской имперіи и призналъ ее священной. Имперія не есть національное государство, она сверхнаціональна по идеѣ, и совпаденіе ея съ тѣмъ или другимъ національнымъ государствомъ было лишь обычнымъ замутнѣніемъ чистой идеи въ эмпирическомъ и историческомъ. Идея теократической имперіи на протяженіи всей западно-европейской исторіи боролась съ идеей теократическаго папства. И тамъ и здѣсь было притязаніе на всемірное господство и всемірное единство. Священная Римская имперія поистинѣ сыграла огромную роль въ созданіи единства человѣчества, въ сознаніи самой идеи единаго человѣчества.

Она продолжаетъ свое идеальное, оторванное отъ реальнаго географическаго центра бытіе вплоть до XIX вѣка. Отъ идеальнаго существованія Священной Римской имперіи, потерявшей уже всякую реально-

историческую основу, трудно было отказаться человѣчеству, какъ отъ символа своего всемірнаго единства, не допускающаго распаденія европейскаго человѣчества на атомы. Великая идея эта прикрѣплялась эмпирически то къ Германіи, то къ Австріи.

XIX вѣкъ стоитъ подъ знакомъ окончательнаго образованія національныхъ государствъ и національнаго самосознанія народовъ. Единство человѣчества сознается уже духовно, внѣ прикрѣпленности къ тѣлу всемірной имперіи. Сверхчеловѣчески-геніальныя притязанія Наполеона создать реальную всемірную имперію были послѣднимъ притязаніемъ священнаго имперіализма на Западѣ.

Крахъ Наполеона былъ крахомъ священнаго имперіализма вообще,—въ немъ идея священной всемірной имперіи достигла послѣдняго предѣла и перешла въ свою противоположность. Послѣ наполеоновскихъ войнъ начались національно-освободительныя войны и движенія.

Имперіализмъ не исчезаетъ въ XIX и XX вѣкахъ, но принимаетъ совершенно новую форму, перерождается изъ имперіализма священнаго въ имперіализмъ буржуазный и тѣсно связывается съ національнымъ государствомъ. Въ XIX вѣкѣ на всемірность и на священность претендуетъ международный соціализмъ, интернаціоналъ.

Буржуазный имперіализмъ есть вырожденіе древней идеи, перерожденіе ея въ жажду матеріальнаго господства національнаго государства въ мірѣ и надъ міромъ. Имперіализмъ XX вѣка есть борьба націи за великодержавное положеніе въ міровыхъ отношеніяхъ. Имперіализмъ не есть уже стремленіе къ всемірному, сверхнаціональному единству, къ священному универсализму,—онъ есть лишь стремленіе

націи быть великой и величайшей державой на сушѣ и на морѣ. Это борьба за политическое и экономическое господство, за рынки, за морскую торговлю,— дарвинизмъ въ соціологіи. Отъ imperium Romanum не остается ничего, кромѣ профанированнаго имени. Буржуазный имперіализмъ есть своекорыстное притязаніе національно-государственнаго партикуляризма на господство универсальное, и цѣли его достигаются черезъ хищеніе и порабощеніе.

Въ идеѣ Римской имперіи была, поистинѣ, священная задача, священная мечта о всеединствѣ въ исторической жизни человѣчества. Этой священности не осталось въ буржуазномъ имперіализмѣ, расцвѣтшемъ въ капиталистическую эхопу.

Германская имперія есть профанація священной идеи имперіи, окончательное ея перерожденіе въ буржуазное національное государство XIX и XX вѣковъ.

...Послѣ этой великой войны буржуазный имперіализмъ переживетъ кризисъ къ смерти, и ложно присвоенныя имена будутъ сброшены. Міровое единство человѣчества будетъ окончательно сознано духовно, внѣ всякой матеріальной скованности. Россія является носительницей всемірнаго духа, свернаціональнаго универсализма, который только и соединимъ съ бытіемъ національныхъ индивидуальностей. Въ священномъ имперіализмѣ была заложена идея всемірнаго братства. Но она должна быть окончательно освобождена отъ матеріальнаго государства, должна дать свободную жизнь индивидуальностямъ національнымъ и индивидуальностямъ человѣческимъ. Шелуха священнаго имперіализма спадаетъ, и въ этомъ великая правда процесса секуляризаціи. Всемірный духъ ушелъ изъ старыхъ формъ, онъ не вмѣщается въ историческія тѣла, онъ свободенъ отъ всякой матеріальности.

Все исторически-тѣлесное—ограничено, партикулярно и не можетъ претендовать на всемірную власть. Эту освобождающую правду должна нести въ міръ Россія.

...Все національное своеобразіе Россіи заключено въ томъ, что ея національная индивидуальность исключаетъ національнизмъ. Россія наиболѣе національна, когда она наименѣе националистична. Торжество націоналистической и имперіалистической идеологіи и практики можетъ лишить Россію своеобразныхъ ея національныхъ чертъ, коренныхъ ея нравственныхъ особенностей, ея ищущаго и странническаго духа».

Н. Бердяевъ («Бирж. Вѣд.» №№ 14476 и 14720).

Религіозно-политическое значеніе идеи св. Софіи.

«Волею судебъ съ храмомъ святой Софіи въ Константинополѣ связано самое глубокое и цѣнное, что есть въ нашей душѣ народной,—центральная идея русской религіозности, а по тому самому—и религіозная миссія Россіи,—та ея евангельская жемчужина, ради которой она должна быть готова отдать все, что имѣетъ. Обладаніе проливами можетъ оказаться необходимымъ Россіи какъ обезпеченіе ея хлѣба насущнаго, обладаніе Царьградомъ—какъ условіе ея государственнаго могущества и значенія. А храмъ святой Софіи—выражаетъ для нея тотъ смыслъ ея народной жизни, безъ коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существованіе нашего народа не можетъ имѣть ни малѣйшей цѣны,—то, ради чего стоитъ жить Россіи, то, что составляетъ единственно возможное оправданіе ея существованія и

то, во имя чего она ведетъ теперь борьбу не на жизнь, а на смерть противъ соединенныхъ силъ германо-австрійскаго Запада и турецкаго Востока. Всѣ вопросы русской жизни, поднятые настоящею войною, такъ или иначе завершаются этимъ однимъ, центральнымъ вопросомъ, — удастся ли Россіи возстановить поруганный храмъ и вновь явить міру погашенный турками свѣточъ.

Чтобы понять, что это за задача, надо отдать себѣ отчетъ въ значеніи идеи святой Софіи въ русской религіозности.

Софія—та вѣчная Премудрость, которою Богъ сотворилъ міръ, и притомъ не какую-либо часть міра, не какой-либо планъ бытія, а весь міръ горній и земной: «вся Премудростію сотворилъ еси»; съ другой стороны, наше православное благочестіе всегда видитъ Софію въ человѣческомъ образѣ. Человѣчность Премудрости Божіей—вотъ самое парадоксальное и самое своеобразное, что только есть въ идеѣ св. Софіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ это—и самое глубокое въ ней, то самое, что сообщаетъ ей центральное значеніе въ православномъ и, въ частности, въ русскомъ религіозномъ пониманіи.

Богъ въ Премудрости Своей сотворилъ весь міръ: это значитъ, что въ Премудрости Своей Богъ отъ вѣка провидѣлъ и предначерталъ всю тварь небесную и земную; изъ этого слѣдуетъ, что «Софія» есть тотъ міръ вѣчныхъ идей или первообразовъ, которые были положены Богомъ въ основу творенія.

...Въ образѣ Софіи наше религіозное благочестіе видитъ весь міръ—не нынѣшній, а грядущій міръ, какимъ онъ долженъ быть увѣковѣченъ въ Бо-

гѣ; но въ высшей своей формѣ этотъ міръ—человѣченъ. Въ замыслѣ Божіемъ о мірѣ человѣкъ есть центръ.

...Человѣчество, собранное Духомъ Божіимъ въ одно цѣлое и въ этомъ видѣ обоженное,—вотъ высшее выраженіе замысла Божія о мірѣ, вотъ что должно царствовать въ мірѣ. Таковъ смыслъ образа св. Софіи, сидящей на престолѣ.

...Отсюда видно, какой призывъ и какой религіозный идеалъ заключается въ этомъ чудесномъ имени «Софія». Это—призывъ къ осуществленію вѣчнаго первообраза всей твари, а, стало быть, прежде всего—къ осуществленію того совершеннаго, цѣлостнаго и чистаго человѣчества, которое древніе иконописцы—греческіе и русскіе—видѣли сидящимъ на престолѣ, того человѣчества, которое достойно быть увѣковѣченнымъ и достойно царствовать надъ тварью.

Нынѣшнее человѣчество разорвано и раздроблено. Собственно единаго человѣчества въ нашей дѣйствительности нѣтъ вовсе: есть оторванныя другъ отъ друга, замкнувшіяся въ своемъ эгоизмѣ личности, взаимно-враждебные и пожирающіе другъ друга народы, разрозненныя и проклинающія другъ друга исповѣданія и религіозныя общины. Человѣчество грѣховно и потому мертво; но духовидцы, писавшіе Софію, видѣли его святымъ и по тому самому безсмертнымъ, единымъ и цѣлостнымъ. Возстановленіе поврежденной цѣлости человѣчества и всей твари—вотъ къ чему горѣло у нихъ сердце.

Но возстановленіе цѣлости распавшагося живого цѣлаго есть то же, что преодолѣніе смерти, воскресеніе, и именно эта благая вѣсть связывается въ религіозномъ почитаніи съ образомъ Софіи. Распаденіе живого цѣлаго на части есть то же, что смерть;

напротивъ, возстановленіе живой связи распавшагося цѣлаго есть то же, что воскрешеніе.

...Таковъ религіозный смыслъ воздвигнутаго въ Константинополѣ храма. Онъ дѣлаетъ понятной какъ историческую судьбу этой святыни, такъ и связь ея съ судьбами Россіи».

Сооруженіемъ этого храма императоръ Юстиніанъ,—именно въ Константинополѣ, который, по мысли Константина, олицетворяетъ собою второй, христіанскій, Римъ, въ противоположность первому, языческому, — хотѣлъ показать, что въ Софіи онъ видитъ незыблемое основаніе своего царства. Ея храмъ долженъ былъ знаменовать собою объединеніе народовъ во Христѣ и черезъ Церковь.

«...Царственный обликъ Софіи, сидящей на престолѣ съ камнемъ подъ ногами, какъ нельзя болѣе ясно выражаетъ собою эту мысль о твердомъ христіанскомъ основаніи и о христіанскомъ принципѣ царства.

Въ дѣйствительности Византійская имперія, христіанская только по имени, языческая по своей жизни—не только не осуществляла этого христіанскаго своего начала, исповѣданнаго Юстиніаномъ, но находилась въ полномъ съ нимъ противорѣчіи. И въ этомъ заключается объясненіе дальнѣйшей исторической судьбы константинопольской святыни. Если бы въ XV вѣкѣ у христіанскихъ народовъ горѣло сердце къ св. Софіи, народы, собранные ею во Христѣ, конечно, не допустили бы до Константинополя турецкія рати.

...Дальнѣйшая судьба софійскаго храма также полна глубокаго символическаго смысла. Завладѣвши христіанской святыней, турки, разумѣется, не могли упразднить той вѣчной правды, которую она со-

бою выражала: подлинная св. Софія-Премудрость Божія осталась все та же, ибо не измѣнилъ Богъ Своего замысла о человѣчествѣ и твари; но только этотъ замыселъ на время скрылся отъ недостойныхъ человѣческихъ глазъ. Софія ушла отъ нихъ въ какую-то запредѣльную область, въ какой-то невидимый намъ планъ бытія, откуда она вновь явится и заблистаетъ на землѣ вѣчной своею славою, когда народится въ мірѣ новое человѣчество, достойное стать ея выразителемъ и носителемъ. Символически эта судьба религіозной идеи выразилась въ замѣчательномъ внѣшнемъ фактѣ: иконоборцы-турки не разрушили софійскаго храма, а только покрыли тонкимъ слоемъ штукатурки христіанскія мозаичныя изображенія на его стѣнахъ. И въ числѣ этихъ изображеній ликъ св. Софіи остается замазаннымъ, доколѣ не завладѣетъ Константинополемъ новый христіанскій народъ, который сниметъ съ нея эту турецкую замазку.

Но этотъ подвигъ станетъ возможнымъ только тогда, когда у христіанъ вновь возгорится сердце къ св. Софіи; соотвѣтственно съ этимъ онъ налагаетъ великую обязанность и великую историческую отвѣтственность на того, кто его совершитъ. Христіанскій народъ, который завладѣетъ Царьградомъ, долженъ имѣть *въ душѣ своей* то, во имя чего съ лика св. Софіи можетъ быть снята турецкая замазка; тѣмъ самымъ онъ беретъ на себя обязательство вновь возжечь погашенный турками свѣтильникъ. Ему недостаточно вновь сдѣлать доступнымъ созерцанію ликъ св. Софіи: онъ долженъ явить ее *въ своихъ дѣлахъ*: только тотъ имѣетъ право завладѣть Константинополемъ, кто предварительно овладѣетъ этимъ духовнымъ его смысломъ.

...Религіозно-политическая идея св. Софіи, какъ

извѣстно, пережила паденіе Константинополя и сочеталась съ мечтою о московскомъ третьемъ Римѣ, который долженъ замѣнить собою павшій второй Римъ. Тутъ образовалось то смѣшеніе истиннаго и ложнаго, вселенскаго христіанства и языческаго націонализма, которое еще и до сихъ поръ можно наблюдать въ русскомъ религіозномъ сознаніи.

Съ одной стороны, паденіе Константинополя дало сильный толчокъ русской религіозной мысли: оно пробудило въ русскихъ людяхъ сознаніе выпавшей на долю Россіи религіозной миссіи, унаслѣдованной отъ Византіи. Съ другой стороны, оно же вызвало въ русскомъ обществѣ то самомнѣніе, ту національную гордость, которая является наиболѣе опаснымъ врагомъ всякаго религіознаго призванія и подвига.

...Борьба этихъ двухъ противоположныхъ теченій — вселенски-христіанскаго и націоналистическаго, языческаго—продолжается въ нашемъ народномъ сознаніи до сего времени. И отъ того, какое изъ этихъ двухъ началъ побѣдитъ въ русской душѣ, всецѣло зависитъ осуществленіе Россіей той миссіи, которая выражается въ идеѣ св. Софіи.

Въ особенности одно непремѣнное условіе долженъ выполнить народъ, который въ «Софіи» утверждаетъ свое религіозное служеніе и миссію. Онъ долженъ дѣломъ показать, что онъ дѣйствительно носитъ въ душѣ своей единое, царствующее во Христѣ человѣчество,—ибо въ этомъ и заключается то первое, основное, о чемъ говоритъ намъ образъ Софіи.

Поэтому отрѣшеніе отъ націонализма есть то необходимое отрицательное условіе, безъ котораго служеніе народа Софіи представляется совершенно невозможнымъ.

Россія можетъ прійти въ Константинополь только во главѣ всемірнаго освободительнаго движенія народовъ. И только въ качествѣ державы освободительницы она можетъ въ немъ оставаться».

Кн. Е. Трубецкой. («Національный вопросъ. Константинополь и Св. Софія». М. 1915).

Мы должны побѣдить въ себѣ «внутренняго нѣмца».

«...Дымящіяся развалины завоеванныхъ городовъ, разрушенные храмы и музеи, сожженныя библіотеки, поверженная въ прахъ чужая культура, а надъ ея обломками—огромная бочка пива и фельдфебель, который изъ нея упивается,—таково олицетвореніе современнаго германскаго національзма. Это и есть то самое, что превращаетъ Германію во всемірное пугало и объединяетъ всѣхъ вокругъ Россіи противъ нея.

Но для того, чтобы объединеніе было прочнымъ, нужно, чтобы контрастъ былъ полнымъ. Мы должны окончательно побѣдить въ себѣ того внутренняго нѣмца, который все еще таится въ глубинѣ нашей души и, если мы не примемъ заблаговременно мѣры, въ одинъ прекрасный моментъ можетъ выступить наружу.

Пусть остановятъ насъ предостерегающіе примѣры. Минувшая балканская война,—такъ же какъ и нынѣшняя европейская,—велась славянскими народами во имя высокой культурной и сверхнародной цѣли. Совершенно такъ же она была борьбой всѣхъ противъ одного,—противъ Турціи, которая въ современной Европѣ составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ alter ego Германіи. Совершенно такъ же, какъ теперь

у насъ, велико и свято было воодушевленіе союзниковъ. Въ освобождаемыхъ ими земляхъ ихъ встрѣчали словами: «Христосъ Воскресе». И точно, ихъ побѣдоносное шествіе, казалось, возвѣщало воскресеніе народовъ, томившихся подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ.

Почему же въ концѣ войны внезапно рухнула эта балканская утопія и союзники надругались надъ тѣмъ самымъ идеаломъ, во имя котораго они боролись? Потому, что послѣ побѣды надъ Турціей въ каждомъ изъ нихъ проснулся внутренній турокъ: освободители оказались угнетателями, и послѣ звѣрствъ турецкихъ мы услыхали о звѣрствахъ греческихъ, болгарскихъ и т. п., которыя оказались нисколько не лучше. Неудивительно, что въ результатѣ вновь возродился подлинный турокъ и отобралъ назадъ у Болгаріи стоившій ей столько крови и усилій Адріанополь. Такова историческая Немезида. Побѣда турокъ надъ славянскимъ народомъ стала возможна лишь потому, что въ самомъ южномъ славянствѣ восторжествовалъ турецкій идеалъ. Она была бы немыслима, если бы славяне до конца остались на почвѣ того сверхнароднаго идеала, во имя котораго велась балканская война.

Эта историческая Немезида должна страшить насъ больше всякой внѣшней опасности.

...Борьба съ узкимъ націонализмомъ не только въ другихъ, но и въ насъ самихъ должна стать нашимъ національнымъ дѣломъ. Единеніе всѣхъ племенъ и народностей въ одномъ могучемъ и святомъ порывѣ—вотъ чего не должна забывать Россія».

Кн. Е. Трубецкой. («Рус. Вѣд.» № 204).

Міровая война эта, какъ столкновеніе не только государствъ и націй, но и культуръ, должна была, естественно, «разбудить» и вопросъ всѣхъ вопросовъ, проблему всѣхъ проблемъ нашихъ, — проблему духовнаго бытія, культурнаго развитія русскаго народа: Западу ли быть путеводной звѣздой для Россіи, или итти намъ за Востокомъ, или же, наконецъ, наши пути лежатъ гдѣ-то между Востокомъ и Западомъ, — «черезъ Европу должны мы вернуться къ себѣ и черезъ себя къ человѣчеству» (Я. Лавринъ)?..

Очередной вопросъ этотъ въ послѣднее время усиленно рѣшался и рѣшается какъ въ печати, такъ и въ публичныхъ лекціяхъ. Кто, напримѣръ, убѣждалъ Россію въ томъ, что призваніе ея—«быть Востокомъ и строить свою культуру на высокихъ мистическихъ откровеніяхъ, ведущихъ народы къ миру и къ любви» (Ѳ. Сологубъ). Кто настаивалъ на противоположномъ и приглашалъ насъ радоваться тому, что русскихъ наконецъ-то по настоящему «приняли въ семью» европейскихъ народовъ, что союзники наши, Англія и Франція, наконецъ-то удостоиваютъ насъ духовнымъ сближеніемъ съ нами. А кто проводилъ иную, болѣе оригинальную мысль,—что Россія должна предстать самобытной востоко-западной страной, соединить свою стихійную, мистически-прозорливую, но пассивную «женственность» съ крѣпкой, дѣятельной «мужественностью».

Эту послѣднюю мысль развиваетъ Н. Бердяевъ. На концепціи его мы остановимся ниже, въ своемъ мѣстѣ. Предварительно же займемся неославянофильской теоріей, въ противовѣсъ которой и строитъ концепцію свою названный нашъ философъ. А еще раньше прослѣдимъ обмѣнъ мнѣній по данному пред-

мету, нашедшій себѣ мѣсто на страницахъ еженедѣльника «Голосъ Жизни».

Между Сциллой и Харибдой культуры.

«Великая по своимъ размѣрамъ война должна привести и къ великимъ внутреннимъ перемѣнамъ. Она властно требуетъ отъ насъ переоцѣнки,—если не всѣхъ, то большинства культурныхъ цѣнностей. И прежде всего она требуетъ пересмотра, упорядоченія и углубленія нашихъ отношеній къ западно-европейской цивилизаціи.

...«Отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрное хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде»,—сказалъ Достоевскій. Если подъ цивилизаціей понимать техническій и вообще внѣшній прогрессъ, то Достоевскій глубоко правъ. И явленіе это—не случайное.

...Техника, устремляя все вниманіе людей на внѣшнее. на матеріальныя достиженія, и ведетъ людей въ дебри звѣрства. Техническій прогрессъ заставляетъ человѣческій организмъ видоизмѣняться быстрѣе, чѣмъ этого требуютъ законы природы, онъ заставляетъ людей сообразовать работу своего сознанія съ работой всяческихъ машинъ, и въ концѣ-концовъ машина подчиняетъ себѣ человѣка физически и умственно. Она не можетъ подчинить его духовно, потому что сама бездушна, но она загораживаетъ человѣку путь вверхъ, задерживаетъ его въ низинахъ животнаго существованія, въ омутѣ плотскихъ вожделѣній. Опьяненные внѣшними побѣдами надъ природой, люди перестаютъ думать о внутренней борьбѣ и побѣдахъ и, благодаря этому, они преждевременно слабѣютъ физически, развращаются умственно, мельчаютъ духовно.

...Природа ограничила человѣка физически; создавъ машину, онъ искусственно расширилъ свой физическій міръ, но не нарушилъ ли онъ этимъ нѣкой тайной и грозной заповѣди природы? Быть можетъ, онъ оставилъ истинный путь развитія, предначертанный Высшею Волею, уцѣпившись за легкія достиженія? Кантъ прожилъ 80 лѣтъ и ни разу не отъѣзжалъ отъ родного Кенигсберга далѣе, чѣмъ за семь верстъ; это не помѣшало ему, однако, объять умственно не только всю земную природу, но и всѣ солнечные міры. Индусскіе мудрецы не пользуются телефономъ, но это не мѣшаетъ имъ общаться другъ съ другомъ всегда, когда имъ это нужно, ибо они умѣютъ побѣждать разстояніе направленіемъ своей воли. Не является ли путь Канта и индусскихъ мудрецовъ путемъ истиннымъ, путемъ, съ котораго европейское человѣчество свернуло, соблазненное Дьяволомъ? И вотъ—въ результатѣ у насъ прекрасные телефоны, но дряблая и злая воля; великолѣпныя ротаціонныя машины, но пустяковыя сочиненія; отличные пути сообщенія, но мелкія и низкія дѣлишки, ради которыхъ не стоитъ торопиться...

Изъ всего этого слѣдуетъ, что намъ не нужно больше заботиться о новыхъ изобрѣтеніяхъ, не нужно заимствовать у Европы машинъ и меркантильныхъ идеекъ. Будемъ жить бѣдно и просто, станемъ жить неторопливо и радостно! Мы не должны прерывать связей съ западнымъ искусствомъ и философіей, но нашъ бытъ и религія должны сохранить черты арійскаго Востока.

На Западѣ стремятся поработить себѣ природу— мы должны стремиться къ творческому, но мирному сотрудничеству съ природою. Активность Запада и миролюбіе Востока должны мы соединить въ себѣ,

и плодомъ этого соединенія должна стать наша будущая культура.

Мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать въ себѣ европейское, германское упорство, нѣмецкую волю; но съ помощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сообщенія, а наше нравственное «я».

...«Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно». Здѣсь не можетъ быть колебаній и совмѣщеній: Христосъ и Эдиссонъ идутъ въ разныя стороны, и если намъ душа Маріи дѣйствительно ближе души Марѳы, то мы пойдемъ за Христомъ, не слушая того, что намъ будетъ кричать Эдиссонъ въ усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдемъ, но и нашихъ западныхъ братьевъ попытаемся увлечь на нашъ путь!».

А. Тиняковъ («Гол. Жизни» № 8).

***

«Очень опасенъ уклонъ статьи г. Тинякова. Опасенъ и невѣренъ, хотя исходитъ авторъ изъ вѣрныхъ положеній,—о двойственности культуры.

Да, понятіе культуры — двусторонне. Да, лишь извѣстная сгармонированность между культурой внутренней и внѣшней можетъ называться настоящей культурой. Не совершенная гармонія (ибо міръ только идетъ къ совершенству), но хотя бы связь, послѣдовательное сцѣпленіе. Вѣдь когда человѣкъ идетъ, онъ, въ сущности, падаетъ,—то на лѣвую, то на правую ногу. Но мы называемъ это не паденіемъ, а движеніемъ. Движеніе — вѣчно нарушаемое и вѣчно возстановляемое равновѣсіе. Есть, однако, предѣлы, за которыми нарушенное равновѣсіе не возстановляется, движеніе оканчивается паденіемъ.

Все равно, въ какую сторону упасть. Одинаково страшно. Переразвитіе внѣшней культуры ведетъ къ механикѣ, къ автоматизму,—къ паденію; переразвитіе стороны внутренней—къ разъединенію, къ вымиранію, къ одичанію—т.-е. опять къ паденію. У насъ и у нѣмцевъ—двѣ разныя, но равныя опасности.

Перепроизводство внѣшней культуры у нѣмцевъ, въ ущербъ внутренней, грозитъ имъ механикой, разложеніемъ личности; наше переразвитіе духовное, не гармонирующее съ уровнемъ нашего внѣшняго развитія, носитъ въ себѣ ту же, обратную, но равно-страшную угрозу. А г. Тиняковъ предлагаетъ намъ слѣдовать дальше какъ разъ по этому, самому для насъ опасному, склону. И безъ того у насъ есть Толстой; мы обязаны заслужить, оправдать этотъ великій Божій даръ. Мало ли еще кто и что есть! Громадное крыло у насъ выросло, но на одномъ крылѣ не полетишь. Такъ же, опять совершенно такъ же, какъ не полетитъ Германія на своемъ одномъ крылѣ. И ей нужно заслужить, оправдать... не Круппа,—Круппъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ,—но высокое развитіе своей техники, науки,—всей своей плоти.

Къ вырожденію ли духа ведетъ путь, или къ вырожденію «плоти», — на концѣ обоихъ одинаковая гибель. Допустимъ, что въ Германіи разлагается личность; а мы будемъ ли правѣе и счастливѣе, если у насъ начнетъ разлагаться общество?

«Христосъ и Эдиссонъ идутъ въ разныя стороны», утверждаетъ г. Тиняковъ. Сопоставленіе не изъ удачныхъ, но все равно, мы беремъ не личности, а принципы. И тутъ я долженъ въ сотый, въ тысячный разъ сказать: нѣтъ, они именно идутъ въ одну сторону, вмѣстѣ, неразрывно слитые въ одномъ движеніи.

Мало того: въ Христѣ уже есть Эдиссонъ, и отреченіе отъ Эдиссона равносильно отреченію отъ Христа.

Если мнѣ скажутъ, что Будда и Эдиссонъ идутъ въ разныя стороны—о, подъ этимъ я подпишусь обѣими руками. Ну, и пусть себѣ они идутъ въ разныя стороны. Я не участи Индіи хочу моей Россіи. И не боюсь и вѣрю: если она сейчасъ пойдетъ за Эдиссономъ, какъ это ей нужно въ данный моментъ исторіи, Христосъ не покинетъ ея, и она не покинетъ Христа».

Антонъ Крайній («Голосъ Жизни» № 9).

Идея «святой Руси».

Усилившееся съ войною славянофильское, точнѣе, неославянофильское теченіе вращается вокругъ того же, стараго, излюбленнаго своего вопроса—объ отношеніи нашемъ къ Западу и о той позиціи, которую Россія должна занять послѣ войны, уже на міровой аренѣ культуры. Болѣе прозрачно и выпукло отразились завѣтныя чаянія неославянофиловъ въ выступленіяхъ **С. Булгакова** и **С. Соловьева.**

«Всеміриая война, помимо всѣхъ своихъ неисчислимыхъ послѣдствій, означаетъ новый и великій этапъ въ исторіи русскаго самосознанія, именно въ духовномъ освобожденіи русскаго духа отъ западническаго идолопоклонства, великое крушеніе кумировъ, новую и великую свободу. Общій смыслъ совершившагося уже въ этомъ отношеніи можно формулировать такъ: западничество религіозно-

утопическое и идолопоклонническое должно уступить свое мѣсто западничеству реально-историческому, а это значитъ, что должно совершиться духовное возвращенiе на родину, къ роднымъ святынямъ, къ русской скинiи и ковчегу завѣта.

...Быть можетъ, только теперь, предъ лицомъ великихъ событiй, Европа впервые начинаетъ признавать Россiю и познавать ея духовную сущность. Но все равно: окончательное признанiе и духовная взаимность востока и запада есть только вопросъ времени, и для насъ, русскихъ, горизонты исторiи здѣсь видны шире и дальше, нежели для нашихъ европейскихъ собратьевъ. Однако, это единенiе возможно только на основѣ признанiя глубочайшаго духовнаго различiя между Россiей и западной Европой, прежде всего какъ различiя между православiемъ и иными формами христiанства. Въ углубленномъ сознанiи этихъ различiй, въ этомъ обособленiи Россiи отъ Европы, имѣющемъ конечной задачей достойное ихъ единенiе, и заключается та великая правда, о которой возвѣщалъ намъ Достоевскiй, и состоитъ поистинѣ безсмертная заслуга славянофильства передъ родиной и всѣмъ мiромъ.

...Два противорѣчивыхъ чувства неизмѣнно присутствуютъ въ нашемъ самосознанiи, въ своей антиномической дисгармонiи составляя нѣкiй чудесно созвучный аккордъ: чувство мѣста и привязанности къ мiру, на которомъ зиждется идея эволюцiоннаго прогресса, и чувство конца, катастрофическаго отрыва и разрушенiя. Не можемъ и не должны мы, дѣти земли, отрываться отъ лона матери и отрекаться отъ мiра, но и не можемъ и не должны мы до конца ему вѣрить.

Внутренняя трудность отношеній съ западомъ для насъ въ томъ и состояла, что западъ черезчуръ крѣпко увѣровалъ въ этотъ міръ, выразивъ собой одну сторону антиноміи жизни; мы же, если въ чемъ и грѣшили до сихъ поръ, то скорѣе въ обратномъ направленіи. И теперь, когда въ спасительномъ огнѣ войны спадаетъ мѣщанская чешуя запада и обнажается безсмертный человѣческій духъ, Европа становится неизмѣримо ближе къ намъ, нежели когда-либо, въ частности, нежели и тогда, когда мы обезьяннически перенимали ея цивилизацію и во имя ея малодушно отрекались отъ своей собственной духовной стихіи.

...Въ семьѣ европейскихъ народовъ мы, безспорно, являемся юнѣйшимъ братомъ, но юность есть сила, и ей принадлежитъ будущее. Всей глубиной существа своего, всей силой вѣры своей, всѣмъ помышленіемъ своимъ должны мы прежде всего ощутить одно: мы есьмы, мы имѣемъ свою собственную плоть и кровь, мы имѣемъ свое духовное лицо. Насъ Богъ помыслилъ, какъ нѣкую самобытную сущность, и этотъ умопостигаемый образъ мы призваны осуществить въ земномъ подобіи.

Мы никому не можемъ передать свою духовную индивидуальность. Она есть та творческая задача въ мірѣ, во имя которой вызваны мы изъ небытія. Россія должна явить міру святую Русь, ибо послѣдняя необходима для міра и судебъ человѣческихъ.

Когда говорятъ о національномъ избраніи и предназначеніи, то у многихъ возникаютъ законныя опасенія кичливаго и духовно-убогаго самопревознесенія и самодовольства; такая исключительная и чрезмѣрная привязанность къ своему духовному мѣсту въ мірѣ, соединенная съ слѣпотой ко всему остальному, таитъ въ себѣ опасность своеобразнаго ду-

ховнаго мѣщанства, и, чтобы ей не подвергнуться, надо помнить, на какой именно чертѣ подстерегаетъ эта опасность, откуда начинается этотъ уклонъ.

...Прежде всего, избранный народъ,—а вѣдь всякій историческій народъ на что-нибудь избранъ, — долженъ чувствовать свое недостоинство, сознавать свою духовную нищету, ибо то, ради чего онъ избранъ, безконечно превышаетъ его наличную, достигнутую данность. Надо любить въ своемъ народѣ, какъ и въ себѣ самомъ, не себя, но свое призваніе. Россіи по преимуществу ввѣрены историческія судьбы Православія, отъ котораго долженъ изойти свѣтъ міру, но это не значитъ, что Россія уже есть воистину православная страна, «святая Русь», хотя послѣдняя всегда незримо и умопостигаемо таится въ ней. А потому самодовольство наличной данностью да будетъ далеко отъ насъ!

...Міръ ждетъ русскаго слова, русскаго творчества, порыва и вдохновенія. Міру должна быть явлена мощь русскаго духа, его религіозная глубина: царство «третьяго Рима»—новой Византіи, которая заступила въ исторіи духовное мѣсто Византіи павшей и нынѣ готовится торжественно вступить въ ея столицу, въ царственный градъ Константина, должно явить нововизантійскую, русско-православную культуру христіанскаго востока. Тогда свершится полнота западно-восточнаго міра, сомкнется кругъ исторической цѣпи. Наступаетъ историческая череда Россіи, отъ нея зависитъ будущее, не для нея только, но и для всего міра. Ибо нынѣ окончательно надвинулась эпоха міровой исторіи, когда все, что имѣетъ совершаться, свершается для всѣхъ народовъ, для всего міра,—пора мѣстныхъ обособленій уже миновала. И эта война проливаемой кровью спаиваетъ Европу въ нерасторжимое единство, ибо

нѣтъ исторической силы, которая бы болѣе сближала народы, нежели война. Надвигается историческая жатва...

...Воинство ратное зоветъ себѣ на смѣну воинство духовное. Гряди же, гряди, святая Русь!»

С. Булгаковъ («Война и русское самосознаніе». М. 1915).

***

«...Европѣ, постигшей высокое значеніе закона, Россія говоритъ о томъ, что выше закона,—о благодати, о прощеніи, о милосердіи. Но тамъ, гдѣ нѣтъ дыханія благодати, Россія, не понимающая закона, падаетъ безконечно ниже Европы, принимая образъ не благодатный, не человѣческій, а звѣриный. Но невозможенъ путь отъ звѣря къ божеству: сначала долженъ быть пройденъ путь отъ звѣря къ человѣку. Этому пути насъ никто не научитъ, кромѣ Европы; въ благодарность же за этотъ урокъ, мы научимъ Европу тому, безъ чего человѣкъ такъ же безсиленъ, какъ и звѣрь, не знающій закона: пути Креста Христова».

С. Соловьевъ. (Изъ лекціи «О современномъ патріотизмѣ»).

Религія священства и религія пророчества.

«Русское государство давно уже признано великой державой, съ которой должны считаться всѣ государства міра, и которая играетъ видную роль въ

международной политикѣ. Но духовная культура Россіи,—то ядро жизни, по отношенію къ которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка,—не занимаетъ еще великодержавнаго положенія въ мірѣ. Духъ Россіи не можетъ еще диктовать народамъ тѣхъ условій, которыя можетъ диктовать русская дипломатія. Славянская раса не заняла еще въ мірѣ того положенія, которое заняла раса латинская или германская. Вотъ что должно въ корнѣ измѣниться послѣ нынѣшней великой войны, которая являетъ собой совершенно небывалое историческое соприкосновеніе и сплетеніе восточнаго и западнаго человѣчества. Великій раздоръ войны долженъ привести къ великому соединенію Востока и Запада.

Но осуществленіе міровыхъ задачъ Россіи не можетъ быть предоставлено произволу стихійныхъ силъ исторіи. Необходимы творческія усилія національнаго разума и національной воли. И если народы Запада принуждены будутъ, наконецъ, увидѣть ликъ Россіи и признать ея призваніе, то остается все еще неяснымъ: сознаемъ ли мы сами, что́ есть Россія и къ чему она призвана?

...Въ этой великой, поистинѣ міровой брани Россія не можетъ не осознать себя. Но самосознаніе ея должно быть и ея самоочищеніемъ. Самосознаніе предполагаетъ самокритику и самообличеніе.

Въ русской національной стихіи есть какая-то вѣчная опасность быть въ плѣну, быть покорной тому, что внѣ ея. И истиннымъ возрожденіемъ Россіи можетъ быть лишь радикальное освобожденіе отъ всякаго плѣна, отъ всякой подавленности и порабощенности внѣшнему, внѣположному, инородному, т.-е. раскрытіе въ себѣ внутренней мужественности, внутренняго свѣта, духа царственнаго и творящаго.

...Россія, занимающая мѣсто посредника между

Востокомъ и Западомъ, являющаяся Востоко-Западомъ, призвана сыграть великую роль въ приведеніи человѣчества къ единству. Міровая война жизненно подводитъ насъ къ проблемѣ русскаго мессіанизма.

Мессіанское сознаніе не есть націоналистическое сознаніе; оно глубоко противоположно національзму; это — универсальное сознаніе. Мессіанское сознаніе имѣетъ свои корни въ религіозномъ сознаніи еврейскаго народа, въ переживаніи Израилемъ своей богоизбранности и единственности.

Но послѣ явленія Христа мессіанизмъ въ древнееврейскомъ смыслѣ становится уже невозможнымъ для христіанскаго міра. Для христіанина нѣтъ ни эллина, ни іудея. Одного избраннаго народа Божьяго не можетъ быть въ христіанскомъ мірѣ. Христосъ пришелъ для всѣхъ народовъ, и всѣ народы имѣютъ передъ судомъ христіанскаго сознанія свою судьбу и свой удѣлъ.

Христіанскій мессіанизмъ долженъ быть очищенъ отъ всего не христіанскаго, отъ національной гордости и самомнѣнія, отъ сбиванія на путь стараго еврейскаго мессіанизма, съ одной стороны, и новаго буржуазнаго націонализма, съ другой.

...Наше христіанское мессіанское сознаніе можетъ быть лишь сознаніемъ того, что въ наступающую міровую эпоху Россія призвана сказать свое новое слово міру, какъ сказалъ его уже міръ латинскій и міръ германскій.

Всѣ великіе народы проходятъ черезъ мессіанское сознаніе. Это совпадаетъ съ періодами особеннаго духовнаго подъема, когда судьбами исторіи данный народъ призывается совершить что-либо великое и новое для міра. Такое мессіанское сознаніе было въ Германіи въ началѣ XIX вѣка. А нынѣ мы присутствуемъ при концѣ германскаго мессіанизма, при

полномъ исчерпаніи его духовныхъ силъ. Въ христіанской исторіи нѣтъ одного избраннаго народа Божьяго, но разные народы въ разное время избираются для великой миссіи, для откровеній духа.

Въ Россіи давно уже нарождалось пророческое чувствованіе того, что настанетъ часъ исторіи, когда она будетъ призвана для великихъ откровеній духа, когда центръ міровой духовной жизни будетъ въ ней. Это не еврейскій мессіанизмъ. Такое пророческое чувствованіе не исключаетъ великаго избранія и предназначенія другихъ народовъ; оно есть лишь продолженіе и восполненіе дѣлъ, сотворенныхъ всѣми народами христіанскаго міра. Это русское мессіанское сознаніе было замутнено, плѣнено языческой національной стихіей и искажено пережитками сознанія юдаистическаго. Русское сознаніе должно очиститься и освободиться отъ этого языческаго и юдаистическаго плѣна. А это значитъ, что русская мысль и русская жизнь должны быть радикально освобождены отъ мертвенныхъ и мертвящихъ сторонъ славянофильства, не только офиціальнаго, но и народнаго.

Россія не можетъ опредѣлять себя, какъ Востокъ, и противополагать себя Западу. Россія должна сознавать себя и Западомъ, Востоко-Западомъ, соединителемъ двухъ міровъ, а не раздѣлителемъ.

Россія, какъ самоутверждающійся Востокъ, Россія національно самодовольная и исключительная — означаетъ нераскрытость, невыявленность начала мужественнаго, человѣческаго и личнаго, рабство у начала природно-стихійнаго, національно-родового, традиціонно-бытового. Въ этомъ — вѣчный соблазнъ и великая опасность Россіи. Женственность славянъ дѣлаетъ ихъ мистически-чуткими, способными прислушиваться къ внутреннимъ голосамъ. Но исключительное господство женственной стихіи мѣшаетъ

имъ выполнить свое призваніе въ мірѣ. Для русскаго мессіанизма нуженъ мужественный духъ,—безъ него опять и опять будетъ провалъ въ эту плѣнительную и затягивающую первородную стихію русской земли, которая ждетъ своего просвѣтлѣнія и оформленія.

Но конецъ славянофильства есть также конецъ и западничества, конецъ самаго противоположенія Востока и Запада. И въ западничествѣ былъ партикуляризмъ и провинціализмъ, не было вселенскаго духа. Западничество означало какое-то нездоровое и немужественное отношеніе къ Западу, какую-то несвободу и безсиліе почувствовать себя дѣйственной силой и для самаго Запада.

Русское самосознаніе не можетъ быть ни славянофильскимъ, ни западническимъ, такъ какъ обѣ эти формы означаютъ несовершеннолѣтіе русскаго народа, его незрѣлость для жизни міровой, для міровой роли. На Западѣ не можетъ быть западничества, тамъ невозможна эта мечта о Западѣ, какъ о какомъ-то высшемъ состояніи. Высшее состояніе не есть Западъ, какъ не есть и Востокъ; оно не географично и матеріально ничѣмъ не ограничено. Міровая война должна преодолѣть существованіе Россіи, какъ исключительнаго Востока, и Европы, какъ исключительнаго Запада. Человѣчество выйдетъ изъ этихъ ограниченій. Россія войдетъ въ міровую жизнь опредѣляющей силой. Но міровая роль Россіи предполагаетъ пробужденіе въ ней творческой активности человѣка, выходъ изъ состоянія пассивности и растворенности.

Истинный русскій мессіанизмъ предполагаетъ освобожденіе религіозной жизни, жизни духа отъ всякой закрѣпощенности у началъ національныхъ и государственныхъ, отъ всякой прикованности къ матеріальному быту, къ исторически-традиціонному.

Россія должна пройти черезъ религіозную эмансипацію личности. Русскій мессіанизмъ можетъ опираться лишь на русское странничество, скитальчество и исканіе, на русскую мятежность и неутолимость духа, на Россію пророческую, на русскихъ—града своего не имѣющихъ, града грядущаго взыскующихъ.

Все своеобразіе славянской и русской мистики— въ исканіи града Божьяго, града грядущаго, въ ожиданіи сошествія на землю Небеснаго Іерусалима, въ жаждѣ всеобщаго спасенія и всеобщаго блага, въ апокалиптической настроенности. Эти апокалиптическія, пророчественныя ожиданія находятся въ глубокомъ противорѣчіи съ тѣмъ чувствомъ, что русскіе уже градъ свой имѣютъ, и что градъ этотъ— «святая Русь». А на этомъ бытовомъ и удовлетворенномъ чувствѣ основывалось въ значительной степени славянофильство и основывается вся наша правая религіозно-національная идеологія. Религія священства,—охраненія того, что есть, сталкивается въ духѣ Россіи съ религіей пророчества,—взысканія грядущей правды.

...Идея «святой Руси» давно уже потеряла свою свѣжесть и ароматичность. Она становится все болѣе и болѣе отвлеченной, изъ нея уходитъ жизнь. Преданіе о святой Руси—не живое уже преданіе. Святость была первоосновной духовной жизни русскаго народа. Наши святые — національно своеобразны, они—русскіе. Но въ святости нѣтъ ничего специфически и исключительно русскаго. Святые были во всѣхъ христіанскихъ странахъ, святость была цвѣтомъ жизни христіанскихъ народовъ. Италія явила образы и лики святости самые потрясающіе и самые плѣнительные, и она, конечно, имѣла право осознать себя святой Италіей. Святость есть что-то исходное, основоположное въ исторіи христіанскихъ народовъ.

Исторія христіанской души должна пройти черезъ подвижничество и святость. Христіанскій народъ сознаетъ свой сокровенный ликъ, какъ святой, на извѣстной ступени своего религіознаго развитія. Но въ послѣдніе вѣка святость идетъ на пониженіе, святыхъ все меньше и меньше, и идеалы святости померкли. Россія не составляетъ изъ этого исключенія. Русь давно уже перестала сознавать себя, какъ святую, и это не феноменально только, а существенно, ноуменально. Святая Русь была глубоко связана съ Русью бытовой, была ея опорой. Нынѣ слова о «святой Руси» мертвѣютъ, не утверждаются силой самой жизни. Центръ тяжести духовной жизни переносится во что-то другое.

Можно увидѣть иной ликъ Россіи и въ иномъ увидѣть ея призваніе. Подобно тому, какъ славянофилы вѣрили въ святую Русь, я вѣрю въ Русь пророческую. Русь пророческая, взыскующая, странническая и есть сокровенная, умопостигаемая сущность Россіи. Въ этомъ Русь исключительно своеобразна и не похожа ни на одну страну міра.

...Религіозныя и нравственныя исканія Толстого, его бунтъ противъ всемірной исторіи, его абсолютныя оцѣнки жизни, вся судьба его—великое явленіе русскаго духа, міровое по своему значенію. И фактъ существованія Л. Толстого имѣетъ большее значеніе для судьбы Россіи, чѣмъ государственное его могущество. Толстовское отрицаніе національности болѣе національно, чѣмъ всѣ національныя теоріи. Ноуменальная душа Россіи всегда жертвенная и отрекающаяся. Жизненная судьба Александра Добролюбова, бывшаго декадента, нынѣ странника, болѣе характерна для сокровеннаго лика Россіи, чѣмъ жизнь православно-осѣдлая, принимающая всѣ славянофильскія доктрины и платформы.

...Только въ русскомъ народѣ есть это исканіе во всемъ абсолютнаго и конечнаго, эта неудовлетворенность относительнымъ и среднимъ, эта пророческая и апокалиптическая настроенность. И я вѣрю въ пророческое призваніе Россіи, въ исключительное ея назначеніе раскрыть религіозно-новое въ конечный періодъ міровой исторіи.

...Апокалиптическая настроенность глубоко отличаетъ русскую мистику отъ мистики германской, которая есть лишь погруженіе въ глубину духа и которая никогда не была устремленіемъ къ Божьему граду, къ концу, къ преображенію міра. Но русская апокалиптическая настроенность имѣетъ сильный уклонъ къ пассивности, къ выжидательности, къ женственности. Въ этомъ сказывается характерная особенность русскаго духа. Въ этомъ нѣтъ того мужественнаго, активнаго и творящаго духа, который всего болѣе нуженъ Россіи для выполненія міровой задачи, къ которой она призвана. Россія пророческая должна перейти отъ ожиданія къ созиданію, къ духовному дерзновенію.

Слишкомъ ясно, что Россія не призвана къ благополучію, къ тѣлесному и духовному благоустройству, къ закрѣпленію старой плоти міра. Въ ней нѣтъ дара созиданія средней культуры, и этимъ она дѣйствительно глубоко отличается отъ странъ Запада, отличается не по отсталости своей, а по духу своему.

Здѣсь тайна русскаго духа.

Для русскихъ характерно какое-то безсиліе, какая-то бездарность во всемъ относительномъ и среднемъ. А исторія культуры и общественности вся вѣдь въ среднемъ и относительномъ; она не абсолютна и не конечна. Поэтому трудно русскимъ создавать относительную культуру, которая всегда есть дѣло предпослѣднее, а не послѣднее. Русскіе постоянно находятся въ рабствѣ

въ среднемъ и въ относительномъ и оправдываютъ это тѣмъ, что въ окончательномъ и абсолютномъ они свободны.

Это все та же разобщенность мужественнаго и женственнаго начала въ нѣдрахъ русской стихіи и русскаго духа. Русскій духъ, устремленный къ абсолютному во всемъ, не овладѣваетъ мужественно сферой относительнаго и серединнаго, онъ отдается во власть внѣшнихъ силъ. Такъ въ серединной культурѣ онъ всегда готовъ отдаться во власть германизма, германской философіи и науки. То же и въ государственности, по существу серединной и относительной. Русскій духъ хочетъ священнаго государства въ абсолютномъ и готовъ мириться съ звѣринымъ государствомъ въ относительномъ. Онъ хочетъ святости въ жизни абсолютной и только святость его плѣняетъ, и онъ же готовъ мириться съ грязью и низостью въ жизни относительной. Поэтому святая Русь имѣла всегда обратной своей стороной Русь звѣриную. Россія какъ бы всегда хотѣла лишь ангельскаго и звѣрскаго и недостаточно раскрывала въ себѣ человѣческое. Ангельская святость и звѣрская низость— вотъ вѣчныя колебанія русскаго народа, невѣдомыя болѣе среднимъ западнымъ народамъ. Русскій человѣкъ упоенъ святостью и онъ же упоенъ грѣхомъ, низостью. Смиренная грѣховность, не дерзающая слишкомъ подниматься, такъ характерна для русской религіозности. Въ этомъ чувствуется упоеніе отъ погруженія въ теплую національную плоть, въ низинную земляную стихію. Такъ и само пророческое, мессіанское въ русскомъ духѣ, его жажда абсолютнаго, жажда преображенія, оборачивается какой-то порабощенностью.

Я пытался... свести противорѣчія Россіи къ единству. Это—путь къ самосознанію, къ осознанію того,

что́ нужно Россіи для раскрытія ея великихъ духовныхъ потенцій, для осуществленія ея міровыхъ задачъ.

Какъ человѣкъ долженъ относиться къ землѣ своей, русскій человѣкъ къ русской землѣ? Вотъ наша проблема.

...Религіозно недопустимо говорить, что русская земля предвѣчно уже обручена съ Женихомъ своимъ Христомъ. Обрученіе съ Христомъ русской земли еще впереди, это—задача, а не фактъ, не данность. Святая Русь — религіозный идеалъ, а не идолъ и не кумиръ.

Если судьба Россіи предрѣшена и нѣтъ для нея опасности паденія, то нѣтъ свободы, и передъ активной волей ея не стоитъ никакой задачи и никакого идеала. Такъ идеалы подмѣняются идолами. Онтологическое утвержденіе предвѣчнаго обрученія души Россіи съ Христомъ есть источникъ духовной реакціи, пассивности и рабства.

Прикрытое платонизмомъ поклоненіе Россіи, какъ факту и силѣ, есть сотвореніе себѣ кумира. Это серьезная помѣха на пути мужественнаго осознанія великихъ задачъ Россіи, великихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ она призвана, на пути созиданія новой, лучшей Россіи.

Какъ противоположно это чувство любви къ заложенной въ душѣ Россіи жаждѣ совершенства и правды! Наши неославянофилы чувствуютъ родину исключительно, какъ мать, т.-е. хотятъ любить ее безотвѣтственно. Но, по прекрасному выраженію Герцена, родина есть дитя. И только любовь къ родинѣ, какъ дитяти, есть любовь отвѣтственная, любовь мужественная и творческая. ...Образъ родной земли—это также образъ невѣсты и жены, которую человѣкъ оплодотворяетъ своимъ логосомъ, своимъ мужественнымъ свѣтоноснымъ и оформляющимъ началомъ.

...Тайна Россіи можетъ быть разгадана лишь освобожденіемъ ея отъ искажающаго рабства у темныхъ стихій. Въ очистительномъ огнѣ мірового пожара многое сгоритъ, истлѣютъ ветхія матеріальныя одежды міра и человѣка. И тогда возрожденіе Россіи къ новой жизни можетъ быть связано лищь съ мужественными, активными и творящими путями духа, съ раскрытіемъ Христа внутри человѣка и народа, а не съ натуралистической родовой стихіей, вѣчно влекущей и порабощающей. Это—побѣда огня духа надъ влагой и тепломъ душевной плоти. Въ Россіи въ силу религіознаго ея характера, всегда устремленнаго къ абсолютному и конечному, человѣческое начало не можетъ раскрыться въ формѣ гуманизма, т.-е. безрелигіозно. И на Западѣ гуманизмъ исчерпалъ, изжилъ себя, пришелъ къ кризису, изъ котораго мучительно ищетъ западное человѣчество выхода. Повторять съ запозданіемъ западный гуманизмъ Россія не можетъ. Въ Россіи откровеніе человѣка можетъ быть лишь религіознымъ откровеніемъ, лишь раскрытіемъ внутренняго, а не внѣшняго человѣка, Христа внутри. Таковъ абсолютный духъ Россіи, въ которомъ все должно итти отъ внутренняго, а не отъ внѣшняго. Таково призваніе славянства.

...Раскрытіе мужественнаго духа въ Россіи не можетъ быть прививкой къ ней серединной западной культуры. Русская культура можетъ быть лишь конечной, лишь выходомъ за грани культуры. Мужественный духъ потенціально заключенъ въ Россіи пророческой, въ русскомъ странничествѣ и русскомъ исканіи правды. И внутренно онъ соединится съ женственностью русской земли».

Н. Бердяевъ. («Душа Россіи». М. 1915. — «Бирж. Вѣд.» №№ 14678 и 14771).

Старая и новая Россія.

«Когда началась война, мы пережили мгновенія радостной вѣры, что наступилъ конецъ старымъ раздѣленіямъ, враждѣ партій, платформъ и доктринъ, что нѣтъ уже «правыхъ» и «лѣвыхъ», какъ двухъ расъ, не почитающихъ другъ друга за людей, нѣтъ «славянофиловъ» и «западниковъ», нѣтъ «обывателей» и «интеллигентовъ». Первыя ощущенія войны опрокидывали всякое доктринерство.

Русскіе слишкомъ привыкли чувствовать себя какъ въ завоеванной странѣ, не у себя дома. Германское нашествіе дало русскимъ чувство радости, что они у себя дома, на родинѣ. Вдругъ какъ-то почувствовалось, что можно любить родину безъ «направленія», не по «правому» и не по «лѣвому» любить, а просто любить.

Во всѣхъ странахъ есть партіи и идейныя направленія, которыя ведутъ борьбу, но нигдѣ раздѣленіе не зашло такъ глубоко, какъ въ Россіи.

...«Правые» думали, что истинная Россія и есть Россія офиціальная. А «лѣвые» думали то же самое, и на этомъ основаніи считали самоё Россію ложной или несуществующей, истинно же существующимъ признавали лишь какое-нибудь направленіе или партію. «Лѣвые» предоставляли «правымъ» монополію чувства Россіи, отказались отъ исконнаго права имѣть родину своей и для себя. Патріотизмъ былъ отождествленъ съ отношеніемъ «правыхъ» къ офиціальной Россіи. «Лѣвые» отдали Россію «правымъ», а себѣ оставили лишь «направленіе». Россія, это—«они», а не «мы», и потому всякій патріотизмъ предосудителенъ. Россія—это офиціальное правительство. И въ сущности нѣтъ Россіи и русскаго народа, а есть лишь офиціальное правительство и есть направленія, партіи и классы. Ложный, офиціальный на-

ціонализмъ вызываетъ къ жизни и опредѣляетъ интернаціонализмъ, отвлеченный космополитизмъ.

«Правые» съ своей стороны совершенно помѣшаны на «лѣвыхъ», на «лѣвой» опасности, на необходимости ограничить, утѣснить и раздавить. «Правые» превратились въ маніаковъ всякихъ опасностей. Лозунги ихъ совершенно отрицательные, истребляющіе, а не созидающіе.

«Правая» реакція порождаетъ «лѣвую» революцію, «лѣвая» революція вновь порождаетъ «правую» реакцію и т. д. Какой-то безвыходный кругъ, кошмаръ. Настоящаго гражданства, гражданства свободныхъ сыновъ своей родины, не было ни у «лѣвыхъ», ни у «правыхъ».

Было что-то рабье въ отношеніи русскихъ къ государству, что-то несовершеннолѣтнее, не мужественное. Самые правые русскіе обыватели и самые лѣвые русскіе интеллигенты одинаково думали, что государство—это «они», а не «мы». Государство не есть функція народной жизни, не есть созданіе народа, его историческая активность. Государство есть высшая надъ «нами» стоящая сила, для однихъ благая, для другихъ злая, не «наша» сила, а сила инородная,—«ихъ» сила. Русское государство воспринимается, какъ что-то трансцендентное русскому народу, извнѣ привходящее къ этому женственному и безгосударственному народу.

Отсюда происходитъ постоянное смѣшеніе государства съ правительствомъ. Но вѣдь правительство есть лишь временная и преходящая функція государства. Въ государственности есть общенародныя функціи.

...Наши общественныя и политическія болѣзни коренятся въ болѣзняхъ духовныхъ, въ женственности и пассивности русской души, въ какой-то неспособности изъ себя утверждать силу и власть. Нѣтъ закала характера. Россія раздирается противопоставленіемъ двухъ

царствъ—царства «обывательщины» и царства «интеллигентщины». Если въ «обывательщинѣ» есть сервилизмъ по отношенію къ государству, то и въ «интеллигентщинѣ» есть вывернутый наизнанку сервилизмъ. Настоящей свободы нѣтъ ни тамъ, ни здѣсь. Царство «обывательщины» гордится тѣмъ, что оно есть настоящая Россія, что лишь оно любитъ и знаетъ Россію. Царство «интеллигентщины» гордится тѣмъ, что лишь оно любитъ и знаетъ свободу и справедливость, что лишь оно борется за интересы народа. И вѣчно противополагаются эти два царства, раздираютъ Россію и мѣшаютъ рожденію свободной Россіи, сознавшей себя и свое призваніе въ мірѣ. Истинное національное самосознаніе не было достигнуто ни «обывательщиной», ни «интеллигентщиной». Неправдѣ темнаго національзма противополагалась неправда интернаціонализма.

Россія въ своемъ движеніи должна перейти въ какое-то другое измѣреніе. Должно начаться движеніе не по плоскости, вправо и влѣво, а по вертикалу вглубь и ввысь. Плоскостное движеніе вправо и влѣво не ведетъ ни къ какому выходу. Это движеніе оставляетъ въ порочномъ кругу, въ вѣчно повторяющейся смѣнѣ двухъ реакцій; оно по существу всегда находится во власти душевной реакціи, не можетъ быть творческимъ. Все творческое въ исторіи всегда было движеніемъ по вертикалу, а не по плоскости, движеніемъ вглубь и ввысь. И лишь казалось на поверхности исторіи, что происходитъ прогрессивное движеніе по плоскости.

Лишь вертикальное, глубинное движеніе перерождаетъ ткань жизни, творитъ новую жизнь, а не только перераспредѣляетъ старую матерію жизни, не только набрасываетъ поверхностные покровы. Всякое глу-

бинное движеніе по вертикалу религіозно, импульсы его идутъ изъ первичной свободы, изъ богоощущенія человѣка. Религіозная природа этого движенія можетъ оставаться и незримой, подпочвенной. Истинное, творящее движеніе есть движеніе изнутри вовнѣ, изъ свободы, а не изъ необходимости, — отъ свободы духа.

...Россіи нужно освободиться отъ традиціонныхъ платформъ, отъ вывѣтрившихся лозунговъ, отъ мертвыхъ доктринъ. О, если бы родилось у насъ, русскихъ, сознаніе, что мы должны быть не столько либеральными, сколько свободолюбивыми, не столько оппозиціонными, сколько творящими, не столько демократами, сколько въ каждомъ человѣкѣ видящими образъ и подобіе Божіе и высшее его достоинство, не историческими, а волевыми людьми, радикалами не въ условномъ, а въ коренномъ смыслѣ этого слова, больше человѣками, личностями, чѣмъ «лѣвыми» или «правыми»... А это значитъ, что мы, русскіе, прежде всего, должны стать мужами съ вполнѣ созрѣвшей и самоопредѣлившейся волей, стать твердыми. Въ насъ, русскихъ, долженъ раскрыться творческій духовный источникъ, порывъ къ новой жизни, изнутри, изъ воли, изъ свободы. Безъ этого Россія обречена на то, что мужественнымъ началомъ для нея будутъ нѣмцы, которые всегда напрашивались въ мужья женственной славянской расѣ какъ въ жизни государственной, такъ и въ жизни духовной, въ оформляющей мысли. Внутреннее свободолюбіе, свобода духа, энергія личнаго достоинства и личнаго правосознанія—необходимыя посылки творчества новой Россіи. Россія должна пройти черезъ духовную, религіозную эмансипацію личности, черезъ выковываніе личности, личнаго духа, перейти къ коллективу не безличному, не природному, а духовному, зиждущемуся.

...Свободная общественность можетъ быть создана лишь свободнымъ духомъ, лишь сознавшими свободу свою. А наши «лѣвые» и «правые», «интеллигенты» и «обыватели» не могутъ быть названы людьми, свободными духомъ, творящими изъ глубины своей воли. Русское общественное возрожденіе предполагаетъ русское религіозное возрожденіе, возрожденіе русской творческой воли, новое духовное рожденіе русскаго человѣка. «Идея» новой Россіи должна быть выше всѣхъ старыхъ доктринъ, платформъ, партійныхъ и направленскихъ раздѣленій. И повтореніе старыхъ словъ,—славянофильскихъ, западническихъ, правыхъ, лѣвыхъ, — мучительно, какъ препятствіе для новой жизни».

Н. Бердяевъ («Бирж. Вѣд.» № 14628).

IV.

Вѣхи новыхъ историческихъ путей*).

(Предчувствія и ожиданія).

Политическія перспективы. (Проблема „вѣчнаго мира“).

Кризисъ культа силы.

«Не присутствуемъ ли мы при послѣднихъ судорогахъ одной изъ міровыхъ идей, въ продолженіе долгихъ лѣтъ управлявшей нашей жизнью и теперь навсегда уходящей въ прошлое?..

Многія идеи бываютъ на смертномъ одрѣ очень ожесточенны.

Когда умиралъ античный міръ, этотъ, въ сущности, благодушный и незлобивый міръ, какъ онъ ожесточил-

---

*) И въ прежнихъ частяхъ мы встрѣчались съ предсказаніями, пожеланіями и гаданіями о будущемъ. Такъ, напримѣръ, проф. Булгаковъ допускаетъ возможность замѣны „мірочувствія эволюціонно-мѣщанскаго религіозно-трагическимъ“, „экономическаго пониманія исторіи“—„мистическимъ пониманіемъ самой экономики“; онъ же и другіе пытались предугадать судьбы русской культуры и ея вліянія на міровую жизнь. Будемъ имѣть въ виду и эти „предчувствія и ожиданія“.

ся противъ своего наслѣдника, какія онъ измышлялъ казни для своихъ враговъ и сколько праведной крови пролилъ онъ, думая залить и убить этой кровью сѣмена новой жизни!

Когда идея земной власти Христа,—идея, навязанная Христу людьми и грозившая навсегда исказить Его ученіе,—умирала подъ лучами возрождавшейся евангельской истины, проповѣдуемой пророками любви и мира, какія жестокости и мученія, какія казни изобрѣла она для всѣхъ съ ней несогласныхъ, какими пытками инквизиціи и сколькими кострами были озарены послѣдніе годы ея жизни!

Когда идея всеобщей свободы, всеобщаго равенства и братства разбилась о логику жизни, когда, послѣ краткихъ мгновеній вѣры въ себя, она увидала, что осуждена на смерть или, по крайней мѣрѣ, на долгій, долгій сонъ до возможнаго, но не обезпеченнаго ей торжества на землѣ,—какъ озвѣрѣла эта гуманная идея въ надеждѣ завоевать гильотиной то, что можетъ быть завоевано лишь выстраданными мученіями, а не нанесенными!

Много идей, и менѣе глубокихъ и властныхъ, чѣмъ эти, кончали свою жизнь среди огня и крови, и рѣдки были случаи, когда властная идея умирала мирно, примиренная съ своей участью.

И мы, можетъ быть, теперь свидѣтели одной изъ такихъ кровавыхъ кончинъ...

Людская жизнь издавна направлялась правомъ сильнаго. Противъ этого права во всѣхъ его видахъ возставали гуманныя движенія сердца и всѣ теоріи морали, которыя придавали себѣ санкцію истины религіозной или вообще разумной. До нашихъ дней, однако, несмотря на вѣковую проповѣдь гуманизма, право сильнаго сохраняло за собой порой диктатуру, порой геге-

монію. И именно въ XIX столѣтіи,—въ этомъ вѣкѣ немолкаемаго шума кровавыхъ войнъ,—это право давало себя людямъ всего тяжелѣе чувствовать, быть можетъ, потому, что предвкушало близость катастрофы. Она близится,—это несомнѣнно, если вспомнить, какъ болѣзненно люди начинаютъ ощущать тяжесть желѣзнаго воплощенія властной идеи; какъ ширится мирная проповѣдь соціалистовъ; какъ въ каждой національности, даже самой малочисленной, крѣпнетъ сознаніе своего права на независимость; какъ вообще становится все болѣе и болѣе ходкой мысль о мирномъ разрѣшеніи всѣхъ международныхъ споровъ.

Что, если тевтонская жестокость—вовсе не спутникъ живучей идеи, какъ наши враги это думаютъ, а страшный призракъ, стоящій у одра идеи умирающей? Не потому ли эта идея такъ ожесточилась, что часъ ея пробилъ, и она въ послѣднюю минуту желаетъ проявить себя во всемъ страшномъ блескѣ своей вѣковой суровости, жестокости и безпощадности?..»

Н. Котляревскій («Бирж. Вѣд.» № 14470).

Переоцѣнка идеи вооруженнаго мира.

«Когда смолкнетъ, наконецъ, пальба смертоносныхъ орудій и дипломаты покончатъ свою работу по подведенію итоговъ военной борьбы, когда люди получатъ возможность спокойнѣе вглядѣться внутрь самихъ себя, тогда-то станетъ ясно, что вихремъ кровавыхъ событій произведены перевороты не только въ политическихъ и экономическихъ международныхъ отношеніяхъ,

но и въ мірѣ идей, надеждъ и упованій, властвующихъ надъ человѣчествомъ. Я вѣрю въ то, что эти идейные перевороты развернутъ передъ человѣчествомъ новыя широкія перспективы, освѣжатъ атмосферу человѣческой мысли и укажутъ для этой мысли новые пути, которые будутъ свободны отъ нѣкоторыхъ прежнихъ иллюзій, а потому и потребуютъ болѣе смѣлаго пересмотра старыхъ вопросовъ на новыхъ основаніяхъ.

Такъ, напримѣръ, не разрушитъ ли эта война прежнюю иллюзію о томъ, что успѣхи милитаризма сами по себѣ способны все сильнѣе и сильнѣе устранять возможность войнъ? Вѣдь до сихъ поръ люди, не находя въ себѣ силы властно заклясть торжествующій духъ милитаризма, притворялись сами передъ собой въ томъ, что будто бы они вѣрятъ въ смертоносность милитаризма для самой войны.

...Не доказано ли теперь на страшномъ примѣрѣ, что безпрерывный ростъ вооруженій рано или поздно съ фатальной неизбѣжностью приводитъ къ тому моменту, когда пушки начинаютъ стрѣлять словно сами собою?

Такъ, вопреки ожиданіямъ многихъ, ростъ милитаризма не могъ убить войны. Но не случится ли обратнаго? Война, теперь потрясающая міръ, не убьетъ ли милитаризма? Не встанетъ ли передъ человѣчествомъ послѣ пережитыхъ событій во всей своей ясности дилемма: либо мириться съ неизбѣжностью въ будущемъ, близкомъ или отдаленномъ, повторенія міровой боевой катастрофы, либо во что бы то ни стало добиться уничтоженія того положенія, которое такъ намъ знакомо подъ именемъ вооруженнаго мира?

До сихъ поръ признавалось за аксіому старинное правило: «Если хочешь мира, готовься къ войнѣ». Не

близится ли пора, когда эта «аксіома» будетъ признана пародоксомъ, опрокинутымъ силою ужаснаго жизненнаго опыта?».

А. Кизеветтеръ («Рус. Вѣд.» № 228).

Путь къ всеобщему разоруженію.

«Разговоры о войнѣ за разоруженіе Европы не являются праздными и имѣютъ въ себѣ зерно истины, ибо какъ это ни странно, но именно текущая война является шагомъ впередъ по пути осуществленія идеаловъ пацифизма, конечно, въ реальной обстановкѣ, единственно возможной для человѣчества. Точно такъ же, какъ тридцатилѣтняя война была единственнымъ путемъ къ установленію религіознаго мира въ западной Европѣ. Безъ этихъ мучительныхъ напряженій и взаимныхъ опустошеній католичество и протестантство никакъ не могли бы взаимно смириться и перейти изъ агрессивнаго состоянія въ форму скрытой пассивной враждебности.

Важнѣе всего, что текущая борьба народовъ является въ сущности началомъ новой соціологической эпохи, новой формой войны. Довольно удачно ее называютъ міровая война. Еще не всемірная, но уже міровая война.

Если соціологическіе принципы, заложенные въ основу современной культуры, будутъ развиваться безъ всякой помѣхи, то эта міровая война рано или поздно можетъ еще замѣниться истинно всемірною войною.

Однако, возможно, что этотъ конечный процессъ сорвется на полдорогѣ. Ибо въ реальности принципы жизни никогда не доходятъ до своихъ крайнихъ выраженій. Формы жизни для этого слишкомъ неожиданны и сложны.

Во всякомъ случаѣ, именно теперь съ особенной рельефностью выдвигается правило исторіи: истощеніе духа войны, примиреніе народовъ возможно только опытнымъ путемъ, послѣ длительныхъ взаимныхъ ударовъ и страшныхъ наглядныхъ ущербовъ. Путь войны, идущей къ миру, есть путь Голгоѳы.

Только посредствомъ всеобщей войны можно прійти къ всеобщему разоруженію».

В. Танъ («Бирж. Вѣд.» № 14626).

Не приблизилось ли царство «вѣчнаго мира»?

Можно ли сейчасъ, подъ громъ пушекъ, мечтать не только о самомъ «вѣчномъ мирѣ», но даже о близости его царства? Рѣшеніемъ этого вопроса заканчиваетъ одну изъ своихъ недавнихъ статей лидеръ германской соціалъ-демократіи **Карлъ Каутскій,** въ редактируемомъ имъ журналѣ «Neue Zeit» (содержаніе этой статьи—«О военныхъ нравахъ»—передано въ март. кн. «Голоса Минувшаго»).

Сто лѣтъ назадъ наполеоновскія войны завершились явленіемъ совершенно новымъ въ политической жизни Европы—международнымъ конгрессомъ. Конгрессомъ, но уже міровымъ, завершится, вѣроятно, и современ-

ная война. Каковы бы ни были его рѣшенія, можно съ увѣренностью сказать, что они въ гораздо большей степени, чѣмъ рѣшенія вѣнскаго конгресса, будутъ продиктованы общественнымъ мнѣніемъ и интересами націй, а если такъ, то будетъ ли утопіей предположить, что они окажутся, по крайней мѣрѣ, настолько же прочными, какъ рѣшеніе вѣнскаго конгресса, т.-е. гарантируютъ народамъ миръ по меньшей мѣрѣ на 50 лѣтъ? При современныхъ же условіяхъ 50-лѣтній миръ равносиленъ, по мнѣнію Каутскаго, вѣчному миру: за этотъ срокъ сила враждебнаго войнѣ пролетарскаго движенія достигнетъ такого предѣла, что нарушающая миръ международная политика станетъ невозможной: «идеалъ, лелѣянный мыслителями трехъ послѣднихъ столѣтій, осуществится не какъ этическій постулатъ, а какъ реальная потребность опредѣленнаго общественнаго класса».

Не введетъ ли наука насъ въ царство «вѣчнаго мира»?

«Научная техника примѣнима къ войнѣ не только въ ея разрушительной части: она такъ же необходима и столь же выдвигается на первый планъ и въ ея части защитительной или въ залѣчивающей ужасы войны. Несомнѣнно, по мѣрѣ дальнѣйшаго роста разрушительной научной техники охранительная и защитительная сила научнаго творчества должна быть выдвинута на первое мѣсто для того, чтобы не довести человѣчество до самоистребленія. Трудно сказать, возможно ли довести силу и мощь такой охранительной работы научной мысли до такихъ предѣловъ, которые

превысили бы разрушительную силу военной научной техники или физической военной силы. Однако, нельзя отрицать, что надежда на такую возможность не болѣе утопична, чѣмъ надежда на другія, изыскиваемыя человѣчествомъ средства прекращенія войны.

Человѣчество пыталось выдвигать для этого и религіозное или нравственное воспитаніе, и лучшую общественно-государственную организацію, и непосильность матеріальной стоимости военныхъ начинаній или страхъ самоистребленія. Всѣ эти средства оказались далекими отъ жизни, исчезли какъ дымъ при рѣшеніи—съ какой-нибудь стороны—начать войну. На ряду съ ними и одновременно съ ними—должна быть выдвинута и защитительная сила научной техники. Вѣдь, въ принципѣ не является утопіей противопоставить разрушительнымъ созданіямъ человѣческой воли и мысли такія техническія средства защиты, которыя были бы неуязвимы для орудій разрушенія или которыя дѣлали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники.

...До сихъ поръ творческая работа въ этой области мало требовалась государственными организаціями и не вызывалась идейными стремленіями. Она отстала отъ научной работы въ области военнаго разрушенія. Не всколыхнетъ ли сейчасъ ужасъ войны между культурными народами утопическія стремленія положить предѣлъ будущимъ войнамъ путемъ усиленія силъ защиты отъ разрушенія и не подвинетъ ли онъ на это научное творчество? Ибо ясно, что оно можетъ на этомъ пути создать не менѣе дѣйствительныя средства обороны, чѣмъ созданныя имъ же средства разрушенія.

Къ тому же именно эта война выдвигаетъ средства обороны на такое мѣсто, какое раньше едва ли они имѣли въ военныхъ дѣйствіяхъ и вызываетъ къ нимъ

вниманіе государственныхъ дѣятелей. Нельзя забывать, что здѣсь область научнаго творчества представляетъ почти непочатое поле».

В. Вернадскій («Чего ждетъ Россія отъ войны». Сборникъ статей. П. 1915).

Опасность «сверхъ-имперіализма».

Центръ тяжести всѣхъ причинъ нынѣшней войны видятъ въ стремленіи Германіи къ міровой гегемоніи, не только культурной, но и политической, экономической и національной,—въ ея имперіалистической политикѣ. Поэтому такъ много теперь удѣляютъ вниманія идеѣ имперіализма, исторіи имперіализма, значенію его въ международной жизни и ставятъ вопросъ о дальнѣйшей эволюціи и судьбѣ этого фактора міровой политики.

Въ одномъ изъ сентябрьскихъ номеровъ еженедѣльника «Neue Zeit» **Карлъ Каутскій** намѣчаетъ такія, связанныя съ имперіализмомъ, перспективы.

Каутскій (мы здѣсь ограничимся изложеніемъ его мыслей, пользуясь переданнымъ въ «Гол. Мин.» содержаніемъ статьи) допускаетъ возможность возникновенія на мѣсто современнаго имперіализма новой его формы, которую онъ называетъ сверхъ- или ультраимперіализмомъ. Это будетъ «священный союзъ имперіалистовъ», основанный на новомъ лозунгѣ—«капиталисты всѣхъ странъ, соединяйтесь». Такой высшаго типа имперіализмъ, по мнѣнію вождя германской соціалъ-демократіи, подсказывается современнымъ имперіалистамъ жизненными интересами самого капитализма.

Ибо что такое имперіализмъ нашего времени, въ точномъ смыслѣ этого слова, и въ чемъ слабая сторона имперіалистическихъ войнъ?

Отправляясь отъ первоначальнаго англійскаго значенія слова «имперіализмъ», означающаго стремленіе метрополіи къ органическому сліянію со своими колоніями и къ расширенію ихъ границъ, Каутскій замѣняетъ его слѣдующимъ, болѣе современнымъ опредѣленіемъ: «Имперіализмъ, продуктъ высоко развитого промышленнаго капитализма, заключается въ стремленіи современныхъ промышленныхъ государствъ подчинять себѣ и включать въ свою территорію аграрныя области, каковъ бы ни былъ ихъ національный составъ». Источникомъ этого стремленія является несоотвѣтствіе между ростомъ капиталистической индустріи и сельскаго хозяйства.

Между ростомъ индустріи и сельскаго хозяйства, при всякомъ хозяйственномъ строѣ, должно существовать опредѣленное равновѣсіе, такъ какъ первая получаетъ отъ второго сырые и питательные продукты, и въ свою очередь является для него поставщикомъ необходимыхъ для него товаровъ. Но въ то время, какъ при болѣе простомъ хозяйственномъ строѣ равновѣсіе это нарушается рѣдко и возстановляется само собою, при капиталистическомъ хозяйствѣ различіе въ ростѣ этихъ двухъ отраслей народнаго хозяйства проявляется гораздо болѣе рѣзко и ведетъ къ гораздо болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ. Единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія становится для капиталистическихъ государствъ географическое расширеніе экономически связаннаго съ его индустріей аграрнаго округа. Изъ этого стремленія и родился современный имперіализмъ.

Но если самое стремленіе промышленныхъ странъ къ подчиненію себѣ аграрныхъ неискоренимо, пока существуетъ капитализмъ, и въ этомъ смыслѣ классъ капиталистовъ не можетъ отказаться отъ имперіалистической политики, не совершая надъ собою самоубійства, то другая сторона имперіализма—соперничество промышленныхъ державъ и связанныя съ ней вооруженія и опасности міровыхъ войнъ—вовсе не вытекаетъ неизбѣжно изъ этого стремленія. Напротивъ, она грозитъ капитализму серьезными опасностями: не говоря уже о ростѣ оппозиціоннаго и революціоннаго движенія, вызываемаго ростомъ милитаризма и связанныхъ съ нимъ налоговъ, не говоря о пробужденіи оппозицій въ самыхъ аграрныхъ странахъ, сопротивленіе которыхъ (въ видѣ панславизма, «пробужденія» Китая и т. д.), можетъ стать опаснымъ уже не для отдѣльной промышленной державы, а для всей совокупности ихъ, не говоря обо всемъ этомъ,—непомѣрный ростъ колоніальныхъ и военныхъ бюджетовъ надрываетъ экономическую основу имперіализма, замедляя накопленіе капиталовъ и вывозъ ихъ въ аграрныя страны. Порожденный капиталистическимъ развитіемъ в о и н с т в у ю щ і й имперіализмъ своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ роетъ, такимъ образомъ, могилу себѣ и самому капитализму.

Вотъ почему изъ міровой войны имперіалистическихъ державъ можетъ родиться с о ю з ъ с и л ь н ѣ й ш и х ъ и з ъ н и х ъ, который положитъ конецъ дальнѣйшему росту вооруженій. Эта новая фаза въ развитіи капитализма принесетъ съ собою новыя опасности не только для аграрныхъ странъ, но и для европейской демократіи и рабочаго класса, но опасности эти будутъ лежать уже не въ прежней плоскости—не въ ростѣ милитаризма и не въ возможности новой міровой войны.

Чѣмъ дольше длится современная война, чѣмъ больше истощаются силы противниковъ, тѣмъ болѣе вѣроятнымъ будетъ становиться такой, кажущійся пока невѣроятнымъ, ея исходъ *).

Соціологическіе прогнозы.

Симптоматическій переломъ въ оцѣнкѣ средствъ войны.

Настоящая война обнаружила съ полной очевидностью, что общепринятая теорія, а также и практика военнаго искусства устарѣли. Идеалъ «машинной войны», такъ самоувѣренно выдвинутый милитаризмомъ, понемногу меркнетъ. «Машины не побѣждаютъ»,—вотъ выводъ переживаемой войны. На первый планъ опытъ нашихъ дней ставитъ человѣка, человѣческій духъ,—съ его ирраціональной жизнью,—какъ основной движущій нервъ войны. «Ты идешь противъ меня съ мечомъ, копьемъ и щитомъ, а я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа»,—сказалъ нѣкогда Давидъ Голіаѳу. Слова эти могутъ стать лозунгомъ новаго милитаризма, родившагося на поляхъ нынѣшнихъ боевъ.

Значеніе этого идейно-психологическаго поворота шире другихъ отмѣтилъ **I. Ларскій** въ «Совр. Мірѣ» (кн. X за 1914 г.),—по поводу новой книги одного изъ авторитетнѣйшихъ представителей французской арміи, генерала Персена, «Бой». Анализируя бой и боевыя силы нашего вѣка, французскій знатокъ военнаго дѣла еще

*) Припомнимъ также замѣтку изъ первой части—„Путь къ миру этическій и путь политическій“, въ виду нѣкотораго касательства ея къ разсмотрѣннымъ перспективамъ.

до войны,—книга вышла незадолго до нея,—предчувствовалъ назрѣвающій переломъ въ милитаризмѣ.

«...Не касаясь всѣхъ чрезвычайно интересныхъ деталей въ разборѣ ген. Персена (читаемъ въ статьѣ І. Ларскаго), я хочу подчеркнуть основную мысль автора.

Когда вспыхиваетъ конфликтъ между двумя націями, публика обыкновенно начинаетъ оцѣнивать шансы воюющихъ сторонъ: число людей, техническую подготовку, количество и качество боевого снаряженія, словомъ,—матеріальныя силы на первомъ планѣ, и уже на второмъ—интеллектуальныя и моральныя силы. Шагъ за шагомъ опрокидывая чисто фетишистическій взглядъ широкихъ круговъ на матеріальныя средства боя, ген. Персенъ выдвигаетъ на первый планъ солдата, какъ гражданина, какъ сражающагося человѣка, онъ обращаетъ вниманіе на первенство коллектива въ бою, на коллективное сотрудничество всѣхъ родовъ оружія. Все, что обыкновенно поражаетъ воображеніе публики,—всѣ новѣйшія механическія чудовища разрушенія,—онъ опытной рукой спеціалиста ставитъ на принадлежащее имъ скромное мѣсто. И только руки, поворачивающія эти чудовища, интеллектъ, умѣющій ими пользоваться и укрываться отъ нихъ, получаетъ въ его анализѣ боевого плана рѣшающее значеніе.

...Нельзя не остановиться на томъ самомъ общемъ положеніи, которое вытекаетъ изъ указаній французскаго спеціалиста.

Это положеніе заключается въ томъ, что современный бой происходитъ какъ бы на рубежѣ двухъ типовъ милитаризма. Книга ген. Персена рѣзко подчеркиваетъ, что за столѣтіями, которыя несли съ собою лихорадочное нагроможденіе матеріальныхъ средствъ войны, изобрѣтеніе и примѣненіе все болѣе разруши-

тельныхъ орудій убійства,—наступаетъ какой-то переломъ въ связи съ новой соціальной структурой. Если механическія богатства боевыхъ средствъ и не исчерпали всѣхъ своихъ возможностей, то все же они теперь явно недостаточны, и дальнѣйшее ихъ развитіе является не усиленіемъ вооруженной націи, а попросту нагроможденіемъ мертвой матеріи. Ибо пришла надобность въ новомъ человѣкѣ, который сумѣетъ это нагроможденіе использовать.

Эта идея носится въ воздухѣ.

И если мы обратимъ вниманіе на то, что и въ другихъ соціальныхъ конфликтахъ, гдѣ выступаютъ коллективныя силы, точно такъ же поставлена задача о новомъ человѣкѣ, что Тэйлоръ со своей промышленной системой имѣетъ въ виду не дальнѣйшее усовершенствованіе машинъ, автоматическихъ станковъ и т. д., а улучшеніе рабочихъ рукъ, промышленное совершенствованіе самого рабочаго,—то и тѣмъ болѣе приходится признать за книгой ген. Персена большое симптоматическое значеніе.

Въ общемъ потокѣ соціальной жизни, хотя и въ условіяхъ смертоноснаго боя, она ставитъ тѣ же задачи и ищетъ тотъ же выходъ, что и на другихъ путяхъ соціальнаго развитія».

Переоцѣнка идеи классовой борьбы.

«...Если опытъ этой войны показалъ, что ростомъ вооруженій не обезпечивается миръ, то онъ показалъ также и другое. Ростомъ классовой борьбы внутри отдѣльныхъ странъ не обезпечивается интернаціональное

братство. Вопреки былымъ возвышеннымъ иллюзіямъ оказалось, что классовыя перегородки не въ силахъ стереть національныхъ различій. Юбилей интернаціонала совпалъ съ великой международной борьбой, въ которой соціалисты борящихся странъ приняли самое горячее участіе, такъ красиво истолкованное въ заявленіи Эрве: «Началась борьба, и всѣ мы упали съ облаковъ теоріи на землю; но каждый изъ насъ упалъ на свою родную землю и почувствовалъ горячую потребность стать на ея защиту».

Благо тѣмъ, кто борется для защиты своей земли. Но вотъ нѣмецкіе соціалисты борются не ради защиты, а ради нападенія. Какъ же они согласовываютъ свой образъ дѣйствій со своей доктриной?

Передъ нами—заявленіе «Vorwärts» по случаю юбилея Интернаціонала. Увы!—нельзя не признать, что это заявленіе ниже всякой критики. Хуже всего то, что оно основывается на двойной лжи.

...Въ заявленіи этомъ находимъ и такой аргументъ. Въ 1870 г.,—читаемъ въ заявленіи,—нѣмецкіе соціалисты были противъ войны, ибо тогда приходилось только еще закладывать основы своего ученія; теперь же ученіе уже настолько отлилось въ законченно-твердую форму, пустило такіе корни, что его все равно не потрясешь и не расшатаешь, если даже нѣмецкіе соціалисты и будутъ нападать на своихъ иноплеменныхъ партійныхъ товарищей. Кончится война, и чрезъ бездну снова какъ-нибудь перекинемъ золотой мостъ!

...Думаю, что даже и то частное проявленіе идеи всечеловѣческаго братства, которое переживаетъ теперь въ связи съ текущими событіями острый кризисъ и которое написано на знамени Интернаціонала, еще могло бы найти въ себѣ извѣстныя жизненныя силы. Но ради этого отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ потребова-

лось бы не самооправданіе, а раскаяніе, не рвущаяся при первомъ же прикосновеніи паутина софистики, а чистосердечное принесеніе повинной и осужденіе собственнаго поведенія. Способны ли они на это? Если не способны, въ такомъ случаѣ «мостъ», о которомъ они мечтаютъ, неизбѣжно будетъ гнилымъ и никуда негоднымъ».

А. Кизеветтеръ («Рус. Вѣд.» № 228).

Крушеніе соціализма, какъ религіи.

«Война въ жизни народовъ есть великое испытаніе, и оказываетъ такое же вліяніе на общественное сознаніе, какъ великія испытанія и потрясенія личной жизни—на сознаніе индивидуума. Напрягая всѣ духовныя силы и заставляя ихъ проявлять себя въ дѣйствіи, такое испытаніе показываетъ, какія изъ ходячихъ идей и убѣжденій заключаютъ въ себѣ подлинную живую силу, подвигающую на дѣйствія, и какія являются лишь мертвыми словами, пустыми отвлеченными схемами. Въ этомъ отношеніи война уже обнаружила свое дѣйствіе, и мы можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить его.

Первымъ такимъ крупнымъ идейнымъ дѣйствіемъ представляется намъ крушеніе соціализма, как ъ религіи. Соціализмъ, какъ мечта о соціальной справедливости и какъ движеніе, направленное на осуществленіе этого идеала, конечно, не погибъ и не можетъ погибнуть. Но ему суждено послѣ войны принять уже новыя формы, найти для себя новое обоснованіе.

Религія соціализма, какъ она возникла въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, съ ея догматами о первенствующемъ значеніи классовой борьбы, о происхожденіи всѣхъ человѣческихъ бѣдствій изъ экономической эксплуатаціи и о полномъ возрожденіи человѣчества на почвѣ одной лишь соціально-политической побѣды рабочаго класса,—эта религія соціализма, уже давно для болѣе проницательныхъ взоровъ превратившаяся въ традиціонную форму мыслей, лишенную живого содержанія, въ моментъ великаго испытанія обнаружила свое безсиліе—такъ сказать, свое небытіе, какъ живой духовной силы.

Внѣшне столь могущественныя и вліятельныя силы соціалистическаго движенія во всѣхъ странахъ западной Европы не только не смогли предотвратить міровой войны, но и не внесли никакого смягчающаго элемента въ нее, ничуть не отразились духовно на настроеніяхъ воюющихъ націй. Напротивъ, въ моментъ національнаго испытанія капиталистъ и пролетарій въ каждой странѣ оказались на дѣлѣ тѣсно объединенными, тогда какъ международное братство «объединенныхъ пролетаріевъ всѣхъ странъ» обнаружилось, какъ совершенно мнимое.

Идейное вліяніе такого факта должно быть огромно. Все, что въ современномъ соціалистическомъ движеніи было чистой фразой, пустымъ флагомъ или, въ лучшемъ случаѣ, робкой, бездѣйственной мечтой, разъ навсегда изобличено теперь, какъ изобличенъ другъ, покинувшій насъ въ минуту несчастья.

Надо полагать, что міровая война 1914—1915 гг. явится такой же вѣхой, знаменующей историческій конецъ господствующаго соціально-политическаго міросозерцанія XIX вѣка, какого въ отношеніи обществен-

наго міросозерцанія XVIII вѣка были крушеніе великой французской революціи и наполеоновская эпоха».

С. Франкъ («Отечество» № 9).

Демократія на рубежѣ двухъ эпохъ.

Нижеслѣдующія строки принадлежатъ перу одного изъ идейныхъ руководителей русскаго марксизма, выступающаго въ печати сейчасъ съ «опущеннымъ забраломъ», довольно, впрочемъ, прозрачнымъ: за подписью **А. П—въ.** Статья, откуда взяты эти выписки, напечатана въ первой книжкѣ новаго журнала «Наше Дѣло».

«Однимъ изъ крупнѣйшихъ послѣдствій европейской катастрофы окажется, внѣ всякаго сомнѣнія, ея дѣйствіе на демократію, на современную демократію, которая ставитъ себѣ міровыя задачи.

Тамъ, гдѣ прежде была непоколебимость гранита, зіяетъ трещина и въ трещину вползаетъ сомнѣніе, вопрошающее: гдѣ истина? У столѣтней ли традиціи или у національнаго индивидуализма? Одна ли правда для всѣхъ, или правда смѣняется съ государственнымъ организмомъ народа и у каждаго народа своя домашняя правда, какъ когда-то у каждаго очага былъ свой домашній богъ-покровитель?

Развитіемъ событій вопросъ поставленъ передъ демократіей во всей его обнаженности и во всемъ значеніи для дальнѣйшихъ судебъ ея идеологіи... Міровой конфликтъ внесъ въ ряды демократіи смуту, какой еще

не было за всю исторію ея сознательнаго, организованнаго существованія. Передъ лицомъ грандіозныхъ событій демократія оказалась не внѣшне, а **внутренне** несостоятельной, несостоятельной не потому, что событія явились сильнѣе ея и она не смогла съ ними справиться,—это было бы еще съ полгоря,—а потому, что она событіямъ дала справиться съ собою, съ своимъ внутреннимъ міромъ.

...Дѣло, очевидно, въ чемъ-то другомъ, чѣмъ въ одной германской ошибкѣ, если процессъ, такъ сказать, національзаціи демократіи могъ съ такой быстротой и такъ безпрепятственно охватить и демократіи другихъ государствъ. Существовали, стало быть, какія-то общія причины, которыя вызвали это общее слѣдствіе, которое не однихъ германцевъ, но и французовъ, итальянцевъ, англичанъ равно поставили передъ проблемой конфликта, для разрѣшенія которой въ духѣ старыхъ традицій у нихъ не оказалось ключа. Ибо надо же прямо сказать: даже и тогда, когда эти демократіи поступали такъ, какъ надлежитъ поступать демократіямъ, онѣ дѣйствовали правильно не въ силу сознательнаго выбора, не съ полнымъ разумѣніемъ проблемы во всей ея сложности, а движимыя тою же стихіей, которая германской демократіи подсказала роковое рѣшеніе. Онѣ воспользовались тѣмъ, что ихъ хорошее въ общемъ рѣшеніе въ извѣстной мѣрѣ, въ силу счастливой случайности, совпадаетъ съ «національнымъ» рѣшеніемъ и что онѣ могутъ, до поры до времени, плыть по теченію, въ противоположность германцамъ не совершая завѣдомой измѣны своему собственному прошлому.

...Остались нетронутыми на высотахъ теоріи исконные принципы демократіи, какъ и основныя начала ея практики—они переживутъ катастрофу. Но получило сильнѣйшій ударъ осуществленіе этихъ принциповъ и

этой практики демократіи въ жизни. Оно стало жертвой катастрофическаго конца цѣлой большой полосы въ исторіи развитія новѣйшей Европы, ибо эта полоса наложила свою характерную окраску на все современное движеніе демократіи, на всѣ проявленія ея общественнаго «я».

...Конечно, идеологія движенія была міровая; конечно, капиталистическое развитіе на свой ладъ нивеллировало, приводило къ одному знаменателю страны, заостряя въ нихъ основную группировку двухъ лагерей и выдвигая общую всѣмъ демократіямъ конечную цѣль. Но этотъ основополагающій, главный процессъ современной цивилизаціи осложнялся другимъ—второго порядка для даннаго періода, однако, не менѣе существеннымъ, чѣмъ основной,—процессомъ національной индивидуализаціи движеній.

Національная индивидуализація движеній и была тѣмъ факторомъ, который—на общемъ фонѣ эпохи—сыгралъ рѣшающую роль въ измѣненіи самаго подхода демократіи къ вопросамъ о международныхъ конфликтахъ; это она незамѣтно устранила изъ кругозора демократіи марксовскую постановку вопроса и на мѣсто прежняго идейнаго размаха осторожно и скупо опредѣлила вообще возможныя для настоящаго времени границы демократической международности.

Сюда же надо прибавить и еще обстоятельство, заслуживающее нашего вниманія: рука объ руку съ національной индивидуализаціей движенія шелъ также и процессъ превращенія его изъ движенія передовыхъ круговъ демократіи, т.-е. ея сравнительно незначительнаго слоя, въ движеніе организованныхъ и организующихся массъ, а это означало, иначе говоря, что чѣмъ больше демократія становилась массовой, тѣмъ больше давала себя чувствовать — особенно въ условіяхъ

охарактеризованной нами исторической полосы—національная почвенность, въ противоположность психологическому и идейному универсализму демократіи перваго призыва, піонеровъ 40-ыхъ и 60-ыхъ годовъ прошедшаго столѣтія. Возможная для этихъ піонеровъ степень международности оказалась уже невозможной и непріемлемой для демократіи позднѣйшей формаціи.

...Только въ эпоху застоя допустимы еще ублюдочныя формы и можно не различать національное сознаніе, регулируемое международными правилами, и, по существу глубоко несходное съ нимъ, принципіально иное—международное сознаніе, считающееся съ національными особенностями и правами каждой данной страны. Міровая катастрофа разорвала шутя эти «международныя правила», которыми въ теченіе десятилѣтій украшало себя національное сознаніе, и оставила національное сознаніе въ его чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, въ его убійственной или—если угодно—самоубійственной оголенности. Это былъ крахъ межеумочной формы; это былъ крахъ международнаго общенія второго созыва; но это совсѣмъ не былъ крахъ международнаго принципа—международнаго сознанія.

...Длинный и мучительный процессъ восхожденія предстоитъ демократіи. Было бы вредной наивностью думать, что можно какими бы то ни было логическими формулами свести на нѣтъ результаты полувѣкового развитія, что существуетъ панацея и стоитъ сказать: «Сезамъ, отворись!»—и отверзятся какія-то невѣдомыя хляби и разомъ поглотятъ національный индивидуализмъ предыдущей эпохи. Нѣтъ! Мы подобныхъ иллюзій не питаемъ. Но мы въ то же время и оптимисты, и смѣемъ думать—оптимисты не безъ нѣкотораго осно-

ванія; оптимисты не въ смыслѣ сроковъ, которыхъ не вѣдаетъ никто, а въ другомъ—гораздо болѣе существенномъ смыслѣ. Мы полагаемъ, что застойная полоса исторіи дѣйствительно кончилась и мы стоимъ на порогѣ къ конфликтной эпохѣ, къ эпохѣ, которая не логикой отдѣльныхъ писателей, а силою вещей внесетъ радикальный переломъ въ то направленіе демократическаго развитія, которое до настоящаго дня въ ней господствовало.

Конфликтное время принудитъ демократію отказаться отъ національнаго индивидуализма и такъ или иначе, болѣе раціональными методами или исключительно горькой цѣной многочисленныхъ разочарованій и длительныхъ мукъ, но приведетъ къ международности».

Націонализмъ пролетаріата—«грѣхопаденіе» или «пробужденіе»?

Мыслямъ представителя марксистской идеологіи о значеніи переживаемаго интернаціональнымъ пролетаріатомъ кризиса противопоставимъ взглядъ бывшаго марксиста, **П. Струве.** Статья его въ № 14751 «Бирж. Вѣд.» вызвана, однако, разсужденіями не А. П—ва, а солидарнаго съ послѣднимъ по вопросу о націонализмѣ и интернаціонализмѣ В. Майскаго («Рус. Записки», мартъ; ст. «Германскій пролетаріатъ и война»).

«Противорѣчащее соціалистической доктринѣ явленіе (тотъ полный распадъ интернаціональнаго классоваго единства пролетаріата, который за послѣдніе семь мѣсяцевъ сталъ не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ)

признается за исторически преходящее, связанное лишь съ опредѣленной ступенью экономическаго и культурнаго развитія. Оказывается, что пролетаріатъ вмѣстѣ со всѣмъ современнымъ міромъ еще не созрѣлъ до настоящаго интернаціонализма. «На современной ступени соціально-экономическаго и культурнаго развитія національное начало въ груди пролетаріата все еще безконечно могущественнѣе, чѣмъ интернаціональное».

Мы думаемъ, что этотъ историзмъ автора никуда негоденъ, и намъ кажется, что г. Майскій даже самъ противорѣчитъ себѣ. Вѣдь самъ онъ правильно говоритъ, что живое ощущеніе принадлежности къ національному цѣлому «глубоко сидитъ въ душѣ каждаго, часто даже независимо отъ его сознанія. Оно составляетъ почти такое же стихійно-неотъемлемое свойство его натуры, какъ потребность двигаться, говорить, дышать или утолять голодъ принятіемъ пищи». Если такъ, то, конечно, огромная власть національной стихіи не можетъ быть характерна лишь для «современной ступени соціально-экономическаго и культурнаго развитія»!..

...Наши старовѣры хотятъ во что бы то ни стало отгородиться отъ національнаго начала, какъ бы могущественно оно ни давало себя знать. Національное пробужденіе пролетаріата и соціалистовъ они поэтому обсуждаютъ и третируютъ, какъ какое-то «грѣхопаденіе».

...Факты обнаружили все безсиліе соціалистическаго интернаціонализма,—безсиліе, въ которомъ жалко потонули былыя горделивыя фразы германскихъ соціалъ-демократовъ.

Отрицая «буржуазный» міръ и «національное» государство, соціалисты отрѣзывали себя отъ жизни. Въ частности, въ Германіи и Австріи, гдѣ они всего послѣ-

довательнѣе проводили политику отрицанія и воздержанія, они оказались и совершенно безсильными и плохо освѣдомленными въ области внѣшней политики. Міровая война впервые ввела соціалистовъ въ національную жизнь, во всей ея полнотѣ, и тѣмъ составила важный этапъ въ политическомъ воспитаніи европейской демократіи. Рѣчь можетъ итти тутъ не о «грѣхопаденіи», а о національномъ пробужденіи и самоопредѣленіи, слѣдствія котораго для будущаго развитія культуры и государственности Европы неизмѣримы».

Крахъ индивидуализма и общественнаго партикуляризма.

«...Пройдетъ война. Миръ наступитъ надъ разоренной Европой, и изъ пепла возродится какая-то новая жизнь. Я не знаю, какая она будетъ. Я допускаю, что личный эгоизмъ займетъ въ ней вновь свое мѣсто. Но не можетъ быть, чтобы вмѣстѣ съ нимъ возродилось то обоготвореніе личности, ея удобствъ, ея узкихъ и скаредныхъ интересовъ, которое опошлило и принизило жизнь, искусство, мораль и философію Европы недавнихъ дней. Во всякомъ случаѣ, я констатирую: въ дни тяжкихъ испытаній оно вышло изъ обихода.

Теперь—въ другой плоскости, въ общественной.

Если моральная и интеллектуальная европейская жизнь была изъѣдена индивидуализмомъ, общественную жизнь точилъ червь партикуляризма, группового, профессіональнаго, партійнаго, классоваго.

...Кончится война, и жизнь, взволнованная до самаго дна, войдетъ понемногу въ свое обычное русло. Снова

начнется борьба внутри общественнаго тѣла и, вѣроятно, съ новой силой вспыхнетъ борьба слабѣйшихъ, борьба угнетенныхъ, эксплоатируемыхъ, беднѣйшихъ за свободу, независимость и достатокъ, борьба труда противъ капитала, рабочаго противъ хозяина. Этотъ процессъ неизбѣженъ, ничто его не остановитъ. Но совершенно невозможно, чтобы онъ шелъ впередъ подъ знаменемъ исключительно классовой идеологіи, потому что въ дни испытанія, въ огнѣ общеевропейской грозы знамя это нигдѣ не устояло, всюду было брошено. Отстроятъ вновь Лувенъ и реймсскій соборъ, заровняютъ и засѣютъ вновь поля, изрытыя траншеями, залѣчатъ раны въ человѣческихъ сердцахъ и раны на человѣческихъ сердцахъ, — но никогда уже не подниметъ такъ же высоко голову партикуляризмъ, никогда групповая, классовая идеологія не станетъ переступать границу, за которой она обращается въ анархическій принципъ. Ибо, какъ олово, они расплавились въ огнѣ перваго истиннаго испытанія».

Бѣлоруссовъ («Рус. Вѣд.» № 240).

«Сумерки» западно-европейской культурной гегемоніи.

Текущія великія событія дали толчокъ давно уже высказанной—славянофилами—идеѣ объ упадкѣ европейской культуры, о близкомъ концѣ духовнаго главенства Западной Европы. Но ходъ этихъ событій таковъ и вообще положеніе вещей теперь таково, что разсматриваемая идея, идея о перемѣщеніи центра тяжести міровой исторіи, сама перемѣстилась и двину-

лась по новымъ, болѣе широкимъ рельсамъ—чисто соціологическаго изслѣдованія.

Нѣсколько авторовъ занялось этой подновленной идеей. Вотъ наиболѣе обстоятельно и солидно выраженный взглядъ *).

«...Конечно, не одна Западная Европа участвовала въ созиданіи западно-европейской культуры. Все значительнѣе становилось участіе и другихъ народовъ, пріобщенныхъ ею къ жизни или столкнувшихся съ нею. Россія, Америка и Дальній Востокъ увеличивали свой вкладъ въ общечеловѣческій капиталъ. И все же этотъ вкладъ еще и до послѣдняго времени становился общечеловѣческимъ, только поскольку проходилъ сквозь признаніе руководящихъ державъ Запада. И даже и еще тѣснѣе можно сказать: три руководящихъ державы Запада, три руководящихъ культуры, англійская, нѣмецкая, французская, въ ихъ взаимодѣйствіи и создавали русло единой западно-европейской и, значитъ, для послѣднихъ вѣковъ—общечеловѣческой культуры. Внѣевропейская духовная работа, поскольку получала она міровое значеніе, вкладывалась, умѣщалась въ духовной работѣ Европы; или же, если, отличаясь отъ нея,

*) „Солидность" эта, впрочемъ, условная. Дѣлаемый ниже конечный выводъ на самомъ дѣлѣ едва ли ужъ такъ страшенъ для переживающей кризисъ Европы, какъ это стараются показать.

Но, во всякомъ случаѣ, нельзя совершенно игнорировать подобныхъ предсказаній. Вотъ даже проф. В. Вернадскій, отнесшійся скептически въ своей статьѣ „Война и научный прогрессъ" (см. сборникъ „Чего ждетъ Россія отъ войны") къ „опасеніямъ и ожиданіямъ, связываемымъ съ вѣроятнымъ паденіемъ въ результатѣ войны 1914—1915 гг. міровой гегемоніи Европы и исключительнымъ ростомъ значенія Новаго Свѣта или древней Азіи", — указываетъ на слѣдующую возможность частичнаго паденія европейскаго культурнаго господства: на возможность перенесенія мірового узла научной организаціи въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

на нее воздѣйствовала, то все же проходя сквозь ея фильтръ, претворяясь въ ея руслѣ.

...Но вотъ грянула разрушительная война, и сгустились сумерки надъ Европой...

Культура самодовлѣющей человѣчности, ново-европейская культура навсегда останется въ памяти людей, какъ законченная индивидуальность; въ жизни человѣчества—какъ неотъемлемая основа. Но живая дѣйствительность ея, думается мнѣ, будетъ погасать и разлагаться; но гегемонія ея будетъ поколеблена; но изъ міровой и всечеловѣческой она обречена становиться провинціальной и частичной.

...Процессъ шелъ уже раньше войны, и не завершится немедленно послѣ нея; но точкой перелома въ этомъ процессѣ, точкой срыва будетъ великая война. Безъ нея Европа могла бы постепенно претвориться въ новый міръ, впитывая въ себя новыя содержанія, разрастаясь новыми ростками, распространяясь незамѣтно на новые центры. Теперь получится перебой, остановка, ослабленіе, потемнѣніе. Сорвана будетъ культурная непрерывность, и изъ хаоса только медленно будетъ выбиваться новый законченный типъ человѣчества, человѣческаго общества, человѣческаго кругозора.

Сумерки опускаются надъ Западной Европой...

...Европа переживала кризисы, переживетъ, переработаетъ и этотъ. Конечно, но какъ и когда?..

Прежде Европа была міромъ культуры и мощи; внѣ Европы былъ для творящей исторіи—культурный пустырь. Сейчасъ и внѣ Европы, въ частности, внѣ Западной Европы, живутъ, рвутся къ работѣ, къ созиданію, рвутся къ вершинамъ мощи и культуры, а можетъ быть, и достигаютъ ихъ новыя страны. Когда-то, когда застывала Западная Европа, съ ней вмѣстѣ покоился и міръ, ожидая ея пробужденія,—теперь ея пробужденія міръ

не ждетъ. Пусть въ этомъ счастье для человѣчества; въ этомъ—и приговоръ для Запада, для его культурной гегемоніи, для его творческаго руководства. Смѣщаются вершины человѣческихъ напряженій, перемѣщаются центры культуры. Европа оправится,—разумѣется; но міръ будетъ уже неузнаваемъ. Западъ сказалъ свое слово, и сумерки на него надвигаются.

Міровыя проблемы, міровыя судьбы еще рѣшаются на поляхъ Европы, но онѣ рѣшаются уже при участіи внѣ-европейскихъ силъ. И результатомъ рѣшенія будетъ то, что поля Европы сохранятъ лишь мѣстное значеніе.

...Кончается великая эпоха единой ново-европейской культуры. Изъ средоточія міра станетъ Западная Европа одной изъ его провинцій, поучительнымъ памятникомъ и кладбищемъ,—увеличенной Венеціей, цѣлью общеобразовательныхъ экскурсій, расплывшимся на нѣсколько странъ акрополемъ. ...Европа станетъ провинціей новыхъ творческихъ центровъ; когда-нибудь выяснятся эти центры, но пока мы будемъ имѣть лишь провинціализмъ. Европа раздробляется; когда-нибудь ея части войдутъ въ составъ новаго синтеза, но пока мы будемъ жить среди разрозненныхъ частей».

Г. Ландау («Сѣв. Записки», декабрь).

Психологическія предвидѣнья.

Война ускоритъ процессъ личнаго и массоваго самосознанія.

«Случайность принято объяснять, какъ точку пересѣченія двухъ разнородныхъ причинныхъ рядовъ. Это

совершенно вѣрно, но вѣдь это не объясненіе, а только описаніе; утѣшитъ ли оно тяжело раненнаго, утѣшитъ ли мать убитаго? Мыслитель безъ труда докажетъ ей, что выстрѣлъ, убившій ея сына, былъ строго-закономѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ отдаленнѣйшихъ причинъ нынѣшней войны и кончая направленіемъ, по которому летѣла данная пуля, и что такъ же всесторонне закономѣрно было положеніе головы ея сына въ ту минуту, когда ее пронзила эта пуля; но мать, выслушавъ, спроситъ: «Почему нужно было, чтобы движеніе пули пересѣклось съ движеніемъ именно этой, такъ милой мнѣ головы, а не съ движеніемъ какой-либо другой, или, еще лучше, не направилось на кустъ, на землю, на стѣну?» Она спроситъ: «Въ томъ бою изъ 2.000 нашихъ пало только 40; почему мой сынъ оказался въ числѣ этихъ сорока, а не въ числѣ уцѣлѣвшихъ?» И мыслитель ничего не сможетъ отвѣтить ей.

На вопросъ матери возможны только два отвѣта: необходимо признать либо, что случайность по существу безсмысленна, либо—что она закономѣрна, но только въ какомъ-то сверхчеловѣческомъ смыслѣ, недоступномъ пониманію нашего разума; третьяго объясненія не можетъ быть. Само собою разумѣется, что принятіе того или другого толкованія заранѣе обусловлено въ каждомъ человѣкѣ его наличнымъ міросозерцаніемъ, предшествующимъ опытомъ, и т. п.; конечно, убѣжденный позитивистъ не обинуясь назоветъ случайность безсмысленной, и, напротивъ, вѣрующая мать безропотно склонитъ голову: «Да будетъ воля Твоя!» Но законченныхъ, окрѣпшихъ міровоззрѣній немного; огромное большинство душъ находится въ зыбкомъ состояніи, непрерывно переходятъ изъ настроеній шаткой и полусознанной вѣры въ настроенія грубаго матеріализма и снова назадъ, и такъ безъ конца всю жизнь, не находя

ни тамъ, ни здѣсь окончательнаго покоя. Для такихъ людей,—когда война ставитъ предъ ними въ страшной личной формѣ всемірный вопросъ о смыслѣ случайности,—для такихъ людей война тѣмъ самымъ оказывается могучимъ толчкомъ къ ихъ окончательному самоопредѣленію.

Здѣсь, въ войнѣ, всякій участникъ находится во власти случая; притомъ здѣсь отъ случая зависятъ не мелкія частности личной судьбы, а всегда — нѣчто очень важное: самая жизнь или, по меньшей мѣрѣ, здоровье, цѣлость тѣла; поэтому и самъ участникъ, и его близкіе все время чувствуютъ себя какъ бы стоящими предъ невидимымъ, но грознымъ судилищемъ въ ожиданіи приговора, и, слѣдовательно, ни на минуту не могутъ отдѣлаться отъ навязчиваго вопроса: это судилище, отъ котораго зависитъ все мое благо,—какъ оно судитъ? по неизвѣстнымъ ли мнѣ неизмѣннымъ законамъ,—въ чемъ человѣческій умъ всегда находитъ глубокое удовлетвореніе, — или по безсмысленной прихоти, что въ высшей степени оскорбительно и почти невыносимо? Захваченный горемъ человѣкъ не можетъ не думать объ этомъ непрерывно, страстно, мучительно, — и это размышленіе кристаллизуетъ его душу, толкаетъ ее къ какому-нибудь изъ двухъ полюсовъ—къ благословленію всей міровой жизни, какъ процесса непостижимо-разумнаго, или къ совершенному отчаянію и проклятію.

И такъ какъ нынѣшняя война охватываетъ такое большое число участниковъ, какъ ни одна изъ предшествовавшихъ ей, и, значитъ, за время этой войны тотъ вопросъ неотступно преслѣдуетъ милліоны и милліоны людей—самихъ воиновъ и ихъ близкихъ,—то надо думать, что она могущественно ускоритъ, по крайней мѣрѣ въ европейскихъ народахъ, процессъ самосознанія.

Впрочемъ, таково же, хотя и слабѣе въ размѣрахъ, было дѣйствіе и всѣхъ прежнихъ великихъ войнъ».

М. Гершензонъ («Отечество» № 1 с. г.).

„Духовное продолженіе войны".

«Въ мирное, спокойное время, когда растетъ жажда благополучія и комфорта, люди очень невыносливы и легко ослабѣваютъ. Но въ минуты опасности, когда посылается послѣднее испытаніе силъ, человѣкъ оказывается способнымъ совершать чудеса, выносливость его не имѣетъ границъ, напряженіе силъ можетъ достигать размѣровъ неправдоподобныхъ. Въ обыкновенное время... силы человѣка дремлютъ. Но въ грозный часъ человѣкъ способенъ почти превозмогать законъ природы. Великая тайна человѣческой жизни сокрыта въ томъ, что для полнаго откровенія человѣческихъ силъ необходимо не только доброе, но и злое.

Мы стоимъ передъ мучительнымъ вопросомъ, будутъ ли дѣйствовать и послѣ войны, въ мирное время, тѣ духовныя силы, которыя пробудились и раскрылись во время войны? Будетъ ли послѣдствіемъ войны общее духовное пробужденіе? Нѣкоторые теперь уже боятся, что послѣ напряженія и подъема, вызваннаго войной, можетъ наступить утомленіе и истощеніе. Въ этихъ опасеніяхъ сказывается большое недовѣріе къ человѣческой природѣ. Только великія испытанія, опасности и несчастья возвышаютъ человѣческую природу.

...Послѣ міровой войны человѣка ждетъ какое-то иное, духовное продолженіе войны, которое обостритъ

до послѣдней крайности всѣ основные вопросы жизни человѣческой.

Нынѣшней войнѣ предшествовалъ глубокій духовный кризисъ, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Всѣ основы мірочувствія и міропониманія, унаслѣдованныя отъ XIX вѣка, заколебались. То, что происходило въ глубинѣ, въ подпочвѣ, то міровая война должна вывести на поверхность, на арену исторіи. Дѣло отдѣльныхъ индивидуальностей, въ интимной глубинѣ изживавшихъ переоцѣнку смысла жизни, должно стать дѣломъ историческимъ. Всеміpно-историческая катастрофа будетъ кризисомъ всей старой культуры—кризисомъ международнаго капитализма и международнаго соціализма, имперіализма и милитаризма, кризисомъ всѣхъ старыхъ основъ жизни.

Послѣ войны потребуется еще большее напряженіе духовныхъ силъ человѣка, чѣмъ во время войны, но уже иное, творческое напряженіе, созидающее новую жизнь. Ибо старая жизнь станетъ невозможной, и инертное ея продолженіе было бы смертью.

Многихъ приведетъ міровая война къ сознанію непрочности земной жизни человѣка, къ ощущенію сверхчеловѣческихъ провиденціальныхъ силъ, которыми управляется и направляется жизнь человѣческая. Въ этомъ сознаніи и ощущеніи есть великая правда, для многихъ современныхъ людей непережитая и невѣдомая, углубляющая отношеніе къ жизни. Но и другое сознаніе пробуждается міровой катастрофой, — сознаніе необычайныхъ силъ самого человѣка, божественныхъ силъ, потенціально живущихъ въ самомъ человѣкѣ. Оба сознанія выражаютъ лишь двѣ стороны единой истины объ откровеніи Божества въ человѣкѣ.

Это исключительное сознаніе божественныхъ силъ человѣка приводитъ къ напряженному ожиданію явле-

нія великихъ людей, вождей, героевъ въ карлейлевскомъ смыслѣ слова, для которыхъ требуется переломъ во всемірной исторіи, сотрясеніе всего стараго и нарожденіе новаго. Сейчасъ взоры наши обращены къ арміи, и мы съ благоговѣйнымъ почитаніемъ склоняемся передъ именами героевъ войны. Но и сейчасъ уже мы предчувствуемъ явленіе героевъ, творящихъ новую жизнь, указующихъ пути Россіи и міру. Задачи, поставленныя міровымъ переломомъ, не могутъ быть рѣшены никакой безличной механикой, никакими средними величинами и расчетами, — онѣ требуютъ человѣческаго генія, исключительнаго личнаго дара и избранія, небывалаго еще творческаго подъема человѣческаго духа. Упорная и напряженная вѣра въ то, что это будетъ страстный призывъ вождей и творческихъ личностей, уже уготовляетъ грядущее».

Н. Бердяевъ («Утро Рос.» № 272).

Разрушенный Реймсскій соборъ—плодотворная жертва.

«Онъ лишь безсмертнѣй сталъ благодаря врагамъ,
И міръ, любуясь имъ, съ презрѣніемъ отмѣтитъ
Слѣды презрѣнныхъ ордъ. Пусть Фидіасъ отвѣтитъ,
Пусть скажетъ намъ Роденъ: не живъ ли Реймсскій храмъ?

Твердыня павшая ужъ не нужна войскамъ,
Но храмъ израненный любовь двойную встрѣтитъ.
Да, кровля сожжена, тѣмъ ярче небо свѣтитъ
Сквозь кружево камней растроганнымъ очамъ.

Спасибо варварамъ: они французамъ дали
То, чѣмъ Эллады край одинъ былъ освященъ,—
Нетлѣнной красоты разбитыя скрижали.
Хвала губителямъ! Насилье—имъ законъ,
Имъ пушки—божество. И вотъ они создали
Себѣ въ вѣкахъ позоръ, намъ—вѣчный Парѳенонъ».

Эдмондъ Ростанъ (Перев. **Н. Минскаго**).

**
*

«Въ воздухѣ мистическая гроза такъ сгущается, что молнiи живого духа накатываютъ и на риторовъ, осѣняютъ мысль самыхъ безнадежныхъ эстетовъ. Одно то, что Ростанъ нашелся благословить разрушенiе Реймсскаго собора—есть, на мой взглядъ, явленiе изумительное и прекрасное. И если Францiя въ цѣломъ искренно присоединится къ этому «благословенiю», это будетъ означать величайшiй переломъ въ художественной психологiи, во всемъ отношенiи человѣка къ искусству. Вѣдь, дѣйствительно, на вопросъ—слѣдуетъ ли считать разрушенiе Реймсскаго собора горемъ или радостью, можно только указать на древнихъ христiанскихъ мучениковъ,—вѣдь ихъ гибель почитается за великую радость, за предѣльное выраженiе божеской милости. И чѣмъ прекраснѣе были мучимые люди, тѣмъ ихъ гибель была прекраснѣе, жертва—плодотворнѣе.

...И если только этому научитъ разрушенiе Реймсскаго собора, что съ одной эстетикой и съ одной археологiей далеко въ искусствѣ не уйдешь, то, сколь ни велика жертва,—ее все же нужно считать «плодотворной». Но ужасная жертва, воистину, должна научить и другому. Слишкомъ ударъ глубокъ; чувства и мысли, дремавшiя на самомъ днѣ души, зарывшiяся подъ грудами

суеты и заботъ о насущномъ хлѣбѣ, нынѣ очнулись и выглянули на свѣтъ Божій. Никакія проповѣди, никакія паломничества не сдѣлаютъ для Франціи того, что сдѣлала «мученическая смерть» такого памятника, какъ Реймсскій соборъ.

Здѣсь не въ одномъ искусствѣ, или, вѣрнѣе, не отдѣльно въ искусствѣ дѣло, а во всемъ «душевномъ хозяйствѣ». Вдругъ все какъ-то перемѣнилось. Что казалось цѣннымъ—предстало въ видѣ чего-то совершенно ничтожнаго, а что казалось умершимъ навѣки, проснулось полнымъ жизненныхъ силъ. Вообще эта гадкая, чудовищная война родитъ новый и прекрасный міръ— и всѣ признаки того уже налицо».

А. Бенуа («Рѣчь»).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Психологическія предвидѣнья.

Книги, поступившія на складъ:

ОЗЕРОВЪ, И. Х. Членъ Государ. Совѣта и Проф. Импер. Московск. Университета.

На новый путь! (Къ экономическому освобожденію Россіи). Въ переплетѣ. Цѣна 3 р. 30 к.

Его же. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. (Атласъ діаграммъ по экономическимъ вопросамъ). Ц. 60 к.

ПРЫЖОВЪ, И. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изданіе 2-ое. Ц. 2 р.

Его же. Нищіе на святой Руси. Матеріалы для ист. общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Цѣна 50 к.

АФАНАСЬЕВЪ, А. Народныя русскія легенды. Съ приложеніемъ портрета Афанасьева, его воспоминаній и двухъ статей А. Пипина. Ц. 1 р. 50 к.

ДАНИЛОВЪ, М. артиллеріи маіоръ. **Записки, написанныя имъ въ 1771 году (1722—1762).** Ц. 50 к.

ТУРГЕНЕВЪ, И. С. Неизданныя произведенія. Ц. 12 к.

Э. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи Греческой философіи. Переводъ съ 10-го (послѣдняго) нѣмецкаго изданія подъ редакціей прив.-доц. Н. В. Самсонова. Ц. 1 р. 50 к.

У. КАРРЪ. Философія Бергсона въ популярномъ изложеніи. Переводъ съ англійскаго И. Румеръ. Ц. 30 к.

С. БУЛГАКОВЪ. Человѣкобогъ и человѣкозвѣрь. По поводу послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого: „Дьяволъ“ и „Отецъ Сергѣй“. Ц. 30 к.

Г. БРАНДЕСЪ. О чтеніи. Переводъ съ датскаго О. Румеръ. Цѣна 20 к.

С. ГРИГОРОВЪ. Балетное искусство и С. В. Федорова 2 (Съ 10 портретами). Ц. 1 р.

КАРМАЗИНА, Е. Дарьины жильцы. Разсказы изъ студенческой жизни конца 90-хъ годовъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ТИП. „ЛОМОНОСОВЪ" МОСКВА.

